

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Российская ассоциация политической науки
Пермское региональное отделение МО РАПН

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО ИТОГАМ
VII ВСЕРОССИЙСКОЙ АССАМБЛЕИ
МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ**

(г. Пермь, 21–22 апреля 2014 г.)

Пермь 2015

УДК 32
ББК 66
С 232

Сборник материалов по итогам VII Всероссийской С 232 Ассамблеи молодых политологов (г. Пермь, 21–22 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс] / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2015. – 3,5 Мб. – Систем. требования: процессор Intel Pentium, 1,3 ГГц; 40 Мб HDD; 256 Мб RAM; операц. система Windows 98 и выше; рекомендуемое разрешение 1024x576, CD-ROM или DVD-ROM; ПО для чтения документов в формате *pdf. – Загл. с контейнера.

ISBN 978-5-7944-2500-0

Всероссийская Ассамблея молодых политологов в Перми – визитная карточка Пермского регионального молодежного отделения Общероссийской организации «Российская ассоциация политической науки». Весной 2014 г. она проходила уже в 7 раз.

В настоящем издании публикуются статьи, подготовленные для выступления на Ассамблее, предоставленные самими авторами.

Книга адресована специалистам-политологам и всем, кто интересуется политической наукой.

Издание снабжено системой электронных закладок и гиперссылок, упрощающих навигацию.

УДК 32
ББК 66

*Издается по решению кафедры политических наук
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-2500-0

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Социальные движения на постсоветском пространстве	6
<i>Чеботарева В.В.</i> Трансформация политического участия в условиях недемократических политических режимов	6
<i>Королюк Т.Д.</i> Агентно-ориентированное моделирование: модель гражданского восстания Дж. Эпштейна	9
<i>Платонова Е.С.</i> Политические ценностные ориентации отчужденных индивидов в студенческой среде	14
<i>Самохвалова Э.В.</i> К вопросу об «успешности» «цветных революций» на постсоветском пространстве: сравнительный аспект	17
<i>Смолыгина А.А.</i> Евромайдан и его «оранжевый» предшественник: сходства и различия	21
Секция 2. Политическая идентичность и политика идентичности	25
<i>Маркелова А.А.</i> Современный сибирский сепаратизм: угроза целостности Российской Федерации	25
<i>Лебедев В.С.</i> Дагестан: тенденции развития религиозного конфликта	28
<i>Ковыляева Н.С.</i> Стратегии решения курдской проблемы в Иране, Ираке, Сирии, Турции	31
<i>Титова С.Р.</i> Дискуссии о роли РПЦ в актуальной политической повестке ...	34
Секция 3. Политические институты и процессы	38
<i>Пермякова В.С.</i> Политические режимы в республиках РФ	38
<i>Зарипова А.Р.</i> Трансформация отношений между центром и автономной областью Каталония в условиях активизации сепаратистских настроений в Испании	44
<i>Волчкова О.О.</i> Президенциализация парламентской системы Венгрии	47
<i>Горская А.Н.</i> Российское городское сообщество: специфика исследовательских практик	50
<i>Соколова Н.В.</i> Политизация культурных различий в этнических территориальных автономиях при формировании органов власти	54
<i>Николаев А.В.</i> Отделения русских национальных организаций в г. Тюмень как представители интересов социальных групп	56
Секция 4. Электоральная политика	60
<i>Турченко М.С.</i> Заградительные барьеры субъектов федерации: объяснение вариаций (2003–2013)	60
<i>Уманец В.Д.</i> Новые партии в Пермском крае: между «реальностью и виртуальностью» («фантомы» vs «действующие»?)	63
<i>Сысоев А.А.</i> Анализ возможных сценариев выборов главы администрации Воронежской области 2014 г.	68

<u>Рахимова Л.Н. Абсентеизм российской молодежи: миф или реальность? (пример г.Ульяновска)</u>	71
<u>Секция 5. Публичная политика</u>	74
<u>Попов Г.С. Дети в возрасте от 3 до 8 лет и политика: роль, влияние, взаимодействие</u>	74
<u>Плотников А.Н. Модели и опыт взаимодействия НКО и органов власти в зарубежных странах и РФ: сравнительный анализ. Зарубежные модели взаимодействия НКО и органов власти</u>	78
<u>Табакаев Ф.К. Имиджевая политика университетского города: аспекты внешнего позиционирования</u>	81
<u>Микконен Я.С. Институт публичных слушаний в современной России</u>	84
<u>Оломиев К.С. Модели государственной политики по взаимодействию с некоммерческими организациями в современной России (на примере Пермского края)</u>	86
<u>Ивонин А.С. Формы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с некоммерческими организациями (на примере Пермского края)</u>	89
<u>Секция 6. Символическая политика</u>	93
<u>Шелудков А.В. Актуальные контексты социального конструирования проблемы изменения климата</u>	93
<u>Лукьянцев А.С. Формирование имиджа политического лидера современной России</u>	95
<u>Секция 7. Государственная политика и управление</u>	99
<u>Шафигуллин Р.М. Проблема становления и развития электронной демократии на примере субъектов РФ</u>	99
<u>Вавилова В.В. Проблема социально опасных аддикций в публичной повестке современной России</u>	101
<u>Секция 8. Мировая политика и международные отношения</u>	104
<u>Тимашева К.Т. Политические механизмы управления процессом модернизации сырьевой модели российской экономики</u>	104
<u>Галиуллина Н.И. Международные связи регионов современной России (на примере Республики Татарстан)</u>	106
<u>Дисенбаев Т.Д. Процессы институционализации и формализации трансграничного сотрудничества на постсоветском пространстве (на примере Российско-Казахстанского трансграничного сотрудничества) ...</u>	112
<u>Секция 9. «Политическая коммуникация»</u>	115
<u>Пантелеев Д.В. Блогосфера и социальные сети как институциональный порядок (пермский случай)</u>	115

<u>Доброхотова М.А. Отношение к феномену массовой культуры как индикатор «идейной ориентации» течений внутри Русской православной церкви</u>	118
<u>Садилова А.В. Второе пришествие масс и политические институты</u>	121
<u>Возиян Д.А. Стратегия позиционирования политических акторов в электоральном процессе РФ: Интернет – практики (на примере выборов мэра Москвы 2013 г.)</u>	122
<u>Секция 10. Политика: идеи, концепции, теории</u>	126
<u>Бондаренко Е.О. Проблемы соотношения концепции государственного суверенитета в условиях глобализации XXI в.</u>	126

СЕКЦИЯ 1. «СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Чеботарева В. В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

*«Мы сами должны стать теми переменами,
которые хотим увидеть в мире».*

Махатма Ганди

Политическое участие – важное условие функционирования демократического режима. В России в 2000-е гг. произошла трансформация политического режима в сторону электорального авторитаризма, что привело к уменьшению политических прав и свобод граждан, снижению политического участия. Всплеск политического участия в 2011 г. показал внутреннюю неустойчивость «вертикальной» системы взаимоотношений государства с обществом и бизнесом, выстроенной в России в 2000-е гг.

Таким образом, интерес представляет вопрос о причинах трансформации политического участия в России.

Политическое участие¹ как политическая активность граждан является основным механизмом волеизъявления граждан. Препятствием для проявления политической активности служат определенные ограничительные рамки – формальные и неформальные правила, функционирующие в рамках политических институтов. Политические институты, в свою очередь, определяют правила игры под воздействием существующего политического управления – демократического или недемократического политического режима [1]². Следовательно, политический режим определяет структуру политических возможностей [4]³ для граждан и общественных организаций.

Конституция РФ гарантирует возможности политического участия, под которыми подразумевается право на свободное волеизъявление граждан по-

© Чеботарева В.В., 2015

¹ Под политическим участием подразумевается политическая активность граждан и неправительственных организаций, осуществляемая в рамках формальных и неформальных правил игры, и воздействующая на процесс принятия политических решений.

² В работе используется определение политического режима В.Я. Гельмана: «совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти».

³ Под структурой политических возможностей понимается «политическая среда в целом и способность государства претворять политические решения в жизнь».

средством референдума и свободных выборов (ст. 2 п. 3 КРФ), а также свобода собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований (ст. 31 КРФ).

В течение 2000-х гг. в России наблюдалось сокращение возможностей для реализации обозначенных прав. Так, происходило снижение политическое конкуренции, вызванное, в частности, внесением поправок в закон о политических партиях и избирательное законодательство. В результате выборов 2011 г. правящая элита приняла правила, облегчающие процедуру регистрации политических партий, и провела реформу избирательной системы, снизив заградительный барьер до 5 %, что должно свидетельствовать о возрождении конкурентности российской политики. Однако, по мнению исследователей, эти реформы приведут к созданию на следующих выборах в Госдуму ситуации высокой партийной фрагментации, благодаря чему партия власти окажется в большинстве в силу своей сплоченности [5].

Снижение электоральной конкуренции наблюдалось и на региональном уровне. Выборы губернаторов в 2004 г. были отменены под предлогом борьбы с терроризмом, а в 2012 г. их восстановление объяснялось реакцией политической элиты на протестную активность граждан после выборов в Госдуму в 2011 г.

12 марта 2014 г. в Госдуму был внесен законопроект, связанный с отменой прямых выборов мэров и депутатов в городах с внутригородскими районами. Принятие закона сузит структуру политических возможностей, еще больше ограничив избирательное право граждан.

Вместе с этим, политическое участие ограничивается посредством принятия изменений в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». В июне 2012 г. нововведения были связаны с ограничением волеизъявления граждан посредством многократного увеличения штрафов за нарушения на митингах и запрета в организации массового одновременного пребывания граждан в общественных местах, если оно грозит нарушением общественного порядка.

В начале апреля 2014 г. парламентарии внесли в Госдуму законопроект, предполагающий увеличение штрафов и установление уголовной ответственности за неоднократное нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования.

Обозначенная структура политических возможностей определяет выбор тех или иных стратегий политического участия. В условиях, когда «ограничения на свободу слова отсутствуют только в Интернете, митинги не разрешают»[3], а институт выборов служит «фасадом неформальных институтов электорального авторитаризма»[2], политическая активность граждан мобилизовалась в руках оппозиции, объединенной по принципу «негативного консенсуса». Наиболее известными общественными движениями, созданными как реакция на политические изменения в государстве, стали «Движение в защиту Химкинского леса», «РосУзник», «Голос» и пр.

Особенность формирования карельских движений гражданской инициативы в том, что они начали появляться в период, характеризующийся широкими политическими возможностями для политического участия. Основной стратегией стала Интернет-активность граждан, в частности, создание групп в социальных сетях, целью которых является решение злободневных вопросов в Петрозаводске.

Для того чтобы выявить результативность петрозаводских общественных движений, координирующих свою деятельность в социальных сетях, был проведен анкетный опрос среди создателей и руководителей этих групп. В результате проведенного анкетирования было выявлено, что группы гражданской активности создавались с 2011 г., а главной целью мобилизации гражданской активности стала борьба с органами государственной власти по вопросам градостроительства и защите окружающей среды. Действенными формами политической активности признаются собрания, митинги, шествия, выборы, публичные слушания и Интернет-активность. Основным критерий эффективности политического участия – воздействие на процесс принятия государственных решений, и, как показали результаты проведенного опроса, общественным движениям удается влиять на государственную политику в отношении региональных и местных властей.

Таким образом, при недемократическом режиме структура политических возможностей резко сужается, что ограничивает возможности для политического участия. Вместе с этим, в результате кризиса режима и всплеска протестной активности граждан появляются возможности для реализации новых стратегий политического участия. Консолидация граждан способствует созданию общественных движений, способных влиять на ход принятия политических решений.

Список источников и литературы:

1. Гельман В. Трансформации и режимы. Неопределенность и ее последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь Мир, 2000. С. 19–20.
2. Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Пути модернизации: траектории, развилки, тупики. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2010. С. 65.
3. Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. С. 14.
4. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С. 74.
5. Кынев А. В. Региональные реформы Путина при президенте Медведеве: централизация продолжается [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/1/k3-pr.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2012. №1(81)).

АГЕНТО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ВОССТАНИЯ ДЖ. ЭПШТЕЙНА

Агентно-ориентированное моделирование, разработанное в русле “bottom-up” (макроструктуры вырастают из взаимодействий на микроуровне) подхода, прочно вошло в инструментальный набор исследователей начиная с 1990-х гг., но его методология формировалась на протяжении второй половины XX в. и является по сути междисциплинарной, совмещая разработки в области кибернетики, биологии, социологии, экономики и других наук.

Основная цель агентно-ориентированных моделей – понять свойства сложных социальных систем через анализ их симуляций. К принципиальным особенностям агентно-ориентированного моделирования можно отнести: разделение понятий индивидуальной рациональности и макроскопического равновесия.

Модель гражданского восстания Д. Эпштейна⁴ – один из наиболее известных примеров применения данного метода к изучению политических процессов (рис. 1). Мы рассмотрим 1-ый тип модели, где представлено взаимодействие центральной власти и «децентрализованных бунтовщиков»

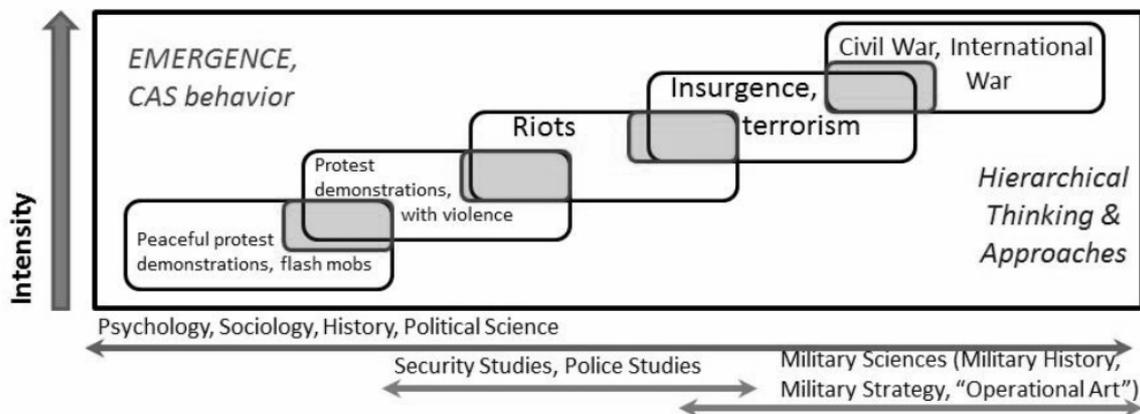

Рис. 1. Классификация социальных конфликтов по степени интенсивности и принадлежности к изучающим их дисциплинам

Первый шаг – определение состава агентов. Модель включает в себя два типа агентов⁵: граждане (“agents”) (рядовое население: активно/пассивное) и полицейские (“cops”) – силы центральной власти, цель – арестовывать активных бунтовщиков.

Второй этап – спецификация агентов. В нашей модели граждане (в отличие от полицейских) обладают таким атрибутом, как «политическое недовольство» («Grievance»), которое состоит из двух идеализированных компонентов: физ.-эконом. «лишения» («Hardship») и «легитимность» («Legitimacy») – гетерогенны, индивидуальное значение берется из кривой нормального распределения на интервале (0,1).

Таким образом, недовольство, испытываемое каким-либо гражданином по отношению к правящему режиму, основывается на этих характеристиках и принимает вид функциональной связи:

$$G=H(1-L) \quad (1)$$

Также граждане обладают также таким атрибутом, как неприятие риска («risk aversion») – принимает различные значения, описываемые кривой нормального распределения на интервале от (0,1), и фиксирован на протяжении всей жизни. Если неприятие риска равно нулю ($R = 0$), то гражданин нейтрален в отношении риска.

Граждане, прежде чем присоединиться к бунтующим, подсчитывают вероятность быть арестованными (P): путем соотношения N полиц. / $N_{\text{актив. гражд.}}$ в пределах видения гражданина.

Видение гражданина (v) представляет собой количество пространственных позиций (к югу, северу, западу и востоку от положения гражданина), которые он может наблюдать, оно равное и ограниченное.

Принимая $(C/A)_v$, как отношение полицейских к агентам в пределах видения v , вероятность ареста, подсчитываемая гражданином, будет выглядеть как:

$$P = 1 - \exp [-k (C/A)_v] \quad (2)^6$$

Объяснение этой функциональной связи возможно на примере: допустим, гражданин бросает камень в витрину. Если вокруг 10 полицейских, то вероятность быть арестованным, если он один бросил камень в окно, выше, чем в ситуации, когда рядом еще 29 граждан кидают камни: ($C/A = 10 > C/A = 1/3$).

Таким образом, чистый риск гражданина (N) выступает как продукт со-
вмещения индивидуального неприятия риска, ситуативно подсчитываемой ве-

⁵ В целях предупреждения неточностей, вызванных одинаковым наименованием в модели Д. Эпштейна «агентов», как в широком понимании (все акторы локального уровня), так и в узком (как подтип агентов), заменим термин агент – гражданином.

⁶ Постоянная k вводится для предупреждения случаев, когда $C = 1$ и $A = 1$, для сохранения правдоподобия оценки ($P = 0.9$). При том что A всегда равно по крайней мере 1, т.к. агент, подсчитывая вероятность ареста, считает себя активным, задаваясь вопросом – «Какова вероятность, что в данный момент я был бы арестован, будучи активным?»

роятности ареста, а также тюремного срока за присоединение к бунтующим (J) от “Jail”. Пользователь модели самостоятельно устанавливает плотность агентов и максимальный срок нахождения в тюрьме (J_{max}), и рандомно распределяет в соответствии с кривой нормального распределения на интервале $(0, J_{max})$, так что в итоге чистый риск гражданина равен:

$$N = RPJ \quad (3)$$

Таким образом выводится «правило гражданина»: если $G - N > T$ – будь активным, в противном случае – не действуй.

Полицейские в свою очередь обладают всего лишь одним атрибутом – видением полицейских (v^*), аналогичное (но не равное) гражданам 4-х стороннее обозрение. Правило – исследовать окружение и рандомно арестовывать активистов.

Есть т.ж. общее правило, определяющее порядок движения агентов: двигаться в случайно выбранном направлении в пределах своего видения и обще для всех атрибуты: автономность, гетерогенность, (граждане различаются между собой по ряду характеристик — переносимым лишениям, неприятию риска. ситуативной вероятности ареста), ограниченная рациональность, наличие локальных взаимодействий.

После ввода всех переменных и расстановки агентов (рис. 2) – модель запускается и движется дискретно – каждый ее шаг характеризуется одним перемещением и действием агента посредством их асинхронной активации (в/вы/воде) в соответствии со своим правилом.

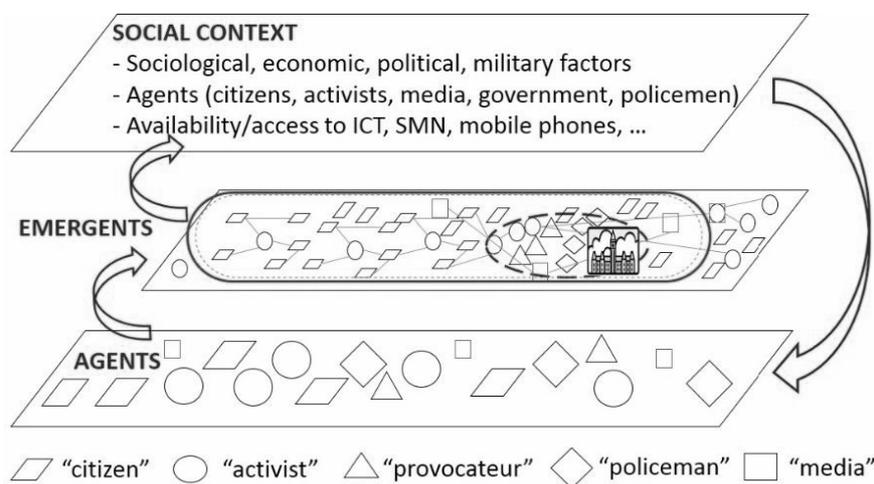

Рис. 2 Схематичная расстановка агентов в отношении с макро- (соц. контекст) и микро- (агентный) уровнями

Модель показала некоторые интересные процессы – например, индивидуальное девиантное поведение (рис. 3): (А) при приближении (С) приобретали синий цвет – так, как будто они не бунтовщики, но при удалении полицейских вновь окрашивались в красный цвет, становясь бунтовщиками, что объясняется

снижением соотношения C/A в пределах (v) , \Rightarrow снижается (J) и (N) , отношение $(G-N)$ за счет снижения N переходит барьер (T) \Rightarrow гражданин становится активным. Данное свойство не было предвидено заранее и стало возможным только благодаря визуализации.

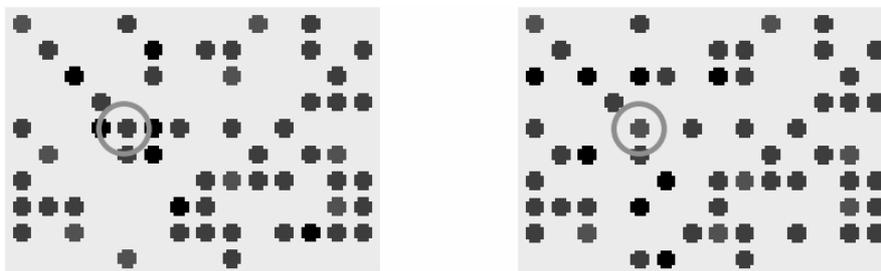

Рис. 3. Индивидуальное девиантное поведение граждан

Модель демонстрирует две различные логики: публичное действие и индивидуальное недовольство граждан. Уровень напряжения высок, когда полит. недовольство в среднем по населению (G_{cp}) достаточно и частота (B_{cp}) граждан значительна. Но почему граждане не действуют (то есть вместо красных являются синими)? Если они неактивны только из-за неприятия риска, то они не испытывают состояние фрустрации в спокойном «синем» состоянии. Для фиксированных G_{cp} и B_{cp} индекс напряжения должен увеличиваться, тогда как среднее неприятие риска (R_{cp}) падает \Rightarrow напряжение можно выразить как: $G_{cp} * B_{cp} / R_{cp}$.

На рис. 4 изображены кривая напряжения (сплошная) и кривая активных граждан (пунктир)⁷, нетрудно заметить, что нарастание напряжения предшествует каждому всплеску количества активных граждан \Rightarrow может служить индикатором предстоящего всплеска активности бунтовщиков.

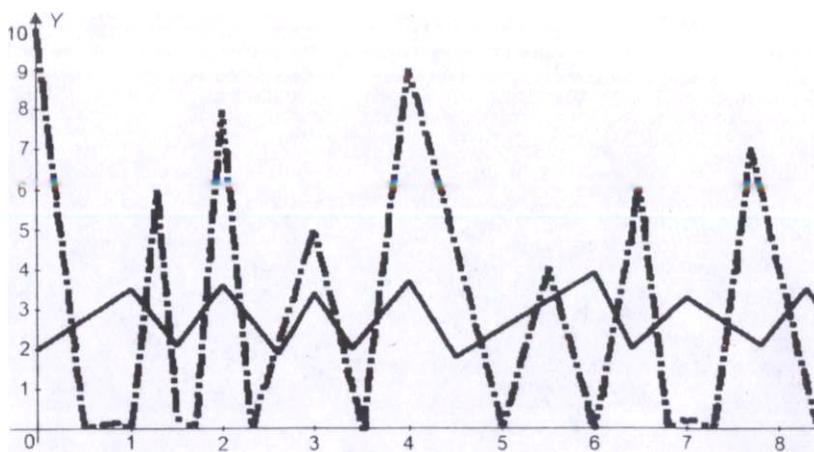

Рис. 4

⁷ Ibidem.

Так же путем 2-х запусков модели была проверена гипотеза, что постепенное снижение уровня легитимности и резкое его падение – два различных по последствиям процесса, сравнивая два запуска модели. В 1-ом случае (рис. 5) легитимность (сплошная) снижали постепенно от $L = 0,9$ до $L = 0,2$ и получили такое же постепенное повышение количества арестованных (пунктир), не давая скопиться критической массе бунтовщиков.

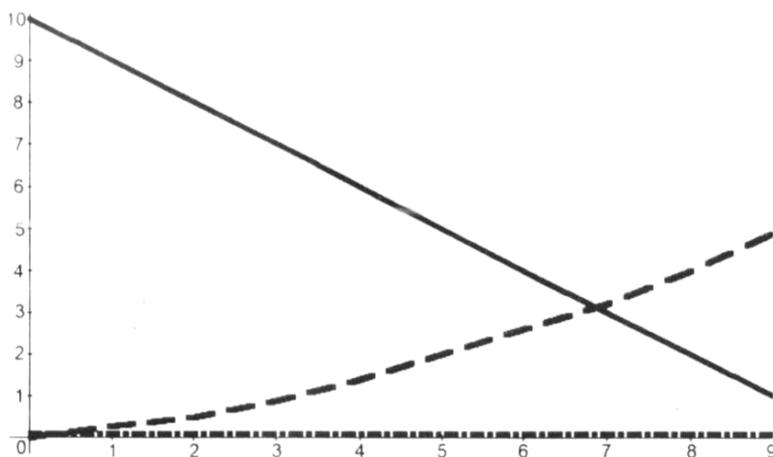

Рис. 5

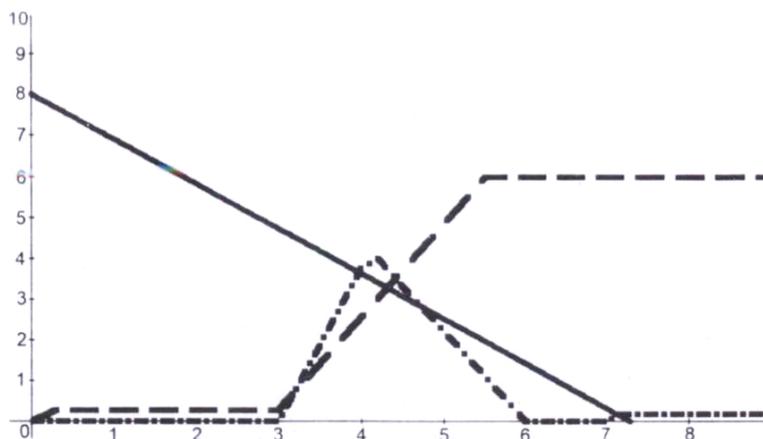

Рис. 6

Во 2-ом случае (рис. 6) сразу с $L = 0,9$ до $L = 0,6$, что подтвердило логику необходимости резкого, взрывного снижения легитимности для поднятия бунта.

Список источников и литературы:

1. Кузнецов И. Информация: сбор, защита, анализ: Учебник по информационно-аналитической работе. М., 2001.
2. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.
3. Epstein J. Modeling Civil Violence: an Agent-Based Computational Approach // Generative Social Science. Princeton, 2006.
4. Kim J-W. Hanneman R. A Computational Model of Workers Protest. 2011.

5. Klemens B., Epstein J., Hammond R. Raifman M. Empirical Performance of a Decentralized Civil Violence Model // Center on Social and Economic Dynamics. Working Paper N 56. June 2010.

6. Kuran T. Sparks and Prairie Fires: A Theory of Unanticipated Political Revolution. 1989.

Платонова Е. С.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОТЧУЖДЕННЫХ ИНДИВИДОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Демократический политический режим характеризуется рядом признаков, в том числе участием в политическом процессе индивидов, отстаивающих свои интересы на индивидуальном и групповом уровне.

В то же время, современный политический процесс в России сложно назвать демократичным: индивиды не участвуют ни на групповом, ни на индивидуальном уровнях в обсуждении и принятии политических решений. Все эти события приводят к тому, что в обществе снижается политическое участие граждан, развивается политическое отчуждение. Тем не менее, политическое отчуждение – явление, присущее далеко не всем индивидам. В связи с этим, нам стало интересно, почему некоторые индивиды отчуждаются от политической системы, а некоторые – нет. В чем причина отчуждения одних и неотчуждения других, ведь, казалось бы, все живут в одном государстве с одним Президентом, Правительством, Парламентом в пределах единой политической системы.

Политическое отчуждение является препятствием для становления демократического политического режима. Все эти факты и побудили нас взять в качестве темы исследования именно политические ценностные ориентации отчужденных индивидов.

Политическое отчуждение – специфическое проявление политического участия, «при котором функционирование политической власти противоречит интересам гражданина, а попытки политического участия индивида – безрезультатны, в результате чего личное политическое участие утрачивает смысл и развивается политическое самоотчуждение» [3].

В политической психологии существует подход, который связывает политические ценности с установками индивида и утверждает, что ценностные ориентации индивида формируют его установки, а значит, и его поведение. «Анализ множества исследований показал, что есть связь между политическими установками и ценностями» [5]. Гипотеза нашего исследования состояла в том, что причиной политического отчуждения являются политические ценно-

стные ориентации, отличные от ценностных ориентаций неотчужденных индивидов, т.е. ценностные ориентации политически отчужденных индивидов будут отличны от ценностных ориентаций неотчужденных индивидов. Они и формируют особые политические установки индивида, и поэтому он отчуждается.

Для проверки выдвинутой гипотезы требовалось операционализировать категории «политическое отчуждение» и «политический абсентеизм» (поскольку это два очень близких, но, тем не менее, различных явления), составить анкету, провести пилотажное и основное исследования, обработать полученные данные, осуществить их анализ и сделать основные выводы исследования.

Мы провели опрос среди студентов 1–5 курсов дневного отделения г Казани, Москвы, Ижевска. Основным методом нашего исследования было анкетирование. Выборка исследования не имеет репрезентативного для всей России характера, случайна, сбалансирована по полу и возрасту.

Прежде чем перейти к результатам опроса, стоит сказать о политических ценностных ориентациях. Во-первых, политические ценностные ориентации можно условно поделить на либеральные и этатистские. Группа либеральных ценностей относительно нова для российской политической культуры. Главными здесь являются ценность личности, ее независимость, свободы. Индивид, который предпочитает либеральные ценности, «более озабочен насилием со стороны своего государства или его доминирующей культуры, а также со стороны конкретных лиц, их легитимных представителей» [1].

Группу этатистских ценностей можно противопоставить либеральным ценностям, это, прежде всего, ценности порядка, защищенности, безопасности, согласия. Личность, живущая в рамках данной группы ценностей, «более озабочена насилием со стороны другого государства или культуры, насилием со стороны различных нелегитимных сил (магнатов, организованных групп и прочее)» [1].

Однако ценности можно также поделить на те, которые присущие активным индивидам и те, которые присущи пассивным (недеятельным) индивидам [1]. К первой группе ценностей можно отнести независимость, свободу, демократию, индивидуальную автономию, профессионализм, а ко второй – мир, патриотизм, справедливость, законность, равенство, моральные ценности.

Сравнив группу либеральных/этатистских ценностей с группой активных/пассивных ценностей, можно говорить о том, что либеральные ценности совпадают с «активными» ценностями, а этатистские – с «пассивными». Данная связь между родом ценностей и степенью жизненной активности поможет нам интерпретировать полученные в ходе анкетирования данные.

Результаты исследования. Нами было опрошено 160 человек, среди них 86 женщин и 74 мужчины. Средний возраст респондента составил 20,8 лет. Среди респондентов жителей города было 55 %, жителей села – 26 % и жителей деревни – 19 %.

На основе полученных данных мы выделили три группы респондентов: политически отчужденные (23 %), политические абсентеисты (13 %) и неотчужденные респонденты (64 %).

В результате анализа полученных данных мы пришли к выводу, что у всех выделенных нами групп лидирующие позиции занимают одни и те же ценностные ориентации. В их число входят «справедливость», «забота о народе» и «безопасность, мир». В группе отчужденных индивидов данной тройке ценностных ориентаций отдали предпочтение почти 50 % респондентов (47,4 %), в то время как в группе неотчужденных – только 37 %. Данные ценности свидетельствуют о приверженности патернализму, стремлению к справедливости и безопасности (эгатистские ценности, свойственные пассивному типу личности).

В аутсайдерах оказались такие ценности, как «активная позиция, инициативность», «мощное, независимое государство», «личная независимость», «дипломатия, гибкость, толерантность», «единство, братство», «демократия».

Согласно опросу, треть политически отчужденных респондентов называли себя «социалистами» и «коммунистами»; более 50 % респондентов данной группы не доверяют политическим институтам (Президент РФ, Парламент РФ, органы МВД, муниципальные органы власти), не верят в выборы и не участвуют в политических акциях для выражения своей точки зрения.

Можно сделать вывод, что тип «политически отчужденного индивида» – это такой тип личности, который достаточно пассивен в попытках улучшить свою жизнь, жизненные условия, материальное положение, не верит в их результативность, как не верит и в политические выборы, в различные формы политического участия, в политические партии. Для него характерны эгатистские ценности.

Таким образом, основная гипотеза нашего исследования не подтвердилась. Исходя из полученных нами ответов, ценностные ориентации политически отчужденных и не отчужденных индивидов были по большей части одинаковы. Следовательно, ценностные ориентации не являются главной детерминантой отчуждения индивида.

В чем же тогда причина отчуждения одних и неотчужденности других? «Наращение политического отчуждения связано с накоплением личного политического опыта» [2]. Иными словами, те респонденты, которые по своим ответам оказались отчужденными, судя по всему, сталкивались с проблемами в политическом участии: неуслышанность властью, бессмысленность и безрезультатность митингов, нечестные выборы. Возможно, они участвовали в протестах 2011–2012 гг., присутствовали на митингах, были наблюдателями на выборах в Государственную Думу Российской Федерации и выборах Президента РФ. Все это – личный политический опыт индивида, опытное знание,

касающееся бессмысленности политического участия. В результате развивается апатия и отчуждение.

В нашей анкете был ряд открытых вопросов, что позволяло нам судить также о «самостоятельности или стереотипности политических суждений» [4] респондента. Наш тезис о том, что у политически отчужденных больше знаний о российской политической системе и более обширный политический опыт, подтверждается также ответами на открытые вопросы. У отчужденных они гораздо разнообразнее и интереснее.

Таким образом, на основании проведенного нами исследования, мы можем утверждать, что ценностные ориентации политически отчужденных и неотчужденных респондентов не сильно отличаются друг от друга. Ключевым отличием между политически отчужденными и неотчужденными индивидами является их собственный политический опыт. Этот фактор в совокупности с «пассивностью» как индивидуальной особенностью личности, на наш взгляд, и является главной причиной политического отчуждения.

Список источников и литературы:

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 114, 165.

2. Дубко Е.Л. Политическая этика: учебник для вузов. С. 347.

3. Нагуманова С.Ф. Преодоление политического отчуждения личности в процессе социалистического преобразования общества: дис. ... канд. филос. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 1984. С. 47.

4. Образы российской власти: От Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 18.

5. Фелдман С. Ценности, идеология и структура политических установок // Политическая психология: Хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопал. М., 2007. С. 161.

Самохвалова Э. В.

К ВОПРОСУ ОБ «УСПЕШНОСТИ» «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В конце XX в. началось качественное изменение пространства, а также его геополитических характеристик, с распадом СССР перешедшее к новому статусу – образованию ряда независимых государств, называемых постсоветским пространством в силу общности исторических, социально-экономических, политических и культурных связей. Различные гражданские движения, ставшие

в своем роде символом эпохи трансформации постсоветского пространства, также не исчезли и продолжают свое существование.

Становление демократического, открытого, правового общества в государствах постсоветского пространства зачастую рассматривается через призму процессов «цветных революций». Прежде всего – это *революция в Грузии*, на *Украине* и в *Киргизии*. Также для полноты картины, стоит упомянуть про неосуществившиеся революции, а именно *восстание в Андижане, Узбекистан*, попытка *революции в Белоруссии*, *серия протестов в Армении*, *массовые беспорядки в Молдавии*.

Осмысляя феномен цветных революций, стоит задаться вопросами: почему в одних странах постсоветского пространства происходящие изменения политических режимов «успешны», а в других – нет или менее «успешны»? Почему некоторые недемократические режимы становятся более демократичными, а другие так и остаются недемократическими? В исследовательской и экспертной среде существуют различные точки зрения на «успешность» цветных революций, сравнение которых может способствовать пониманию феномена.

Целью исследования является сравнение моделей «успешности» цветных революций.

В исследовании используются общенаучные **методы** анализа в теоретическом аспекте, а также методы сравнительной политологии.

Схожесть всех процессов, нареченных «цветными революциями», заключается в предложении социально-политических преобразований, целью которых определяется продвижение «демократии снизу».

Изначально цветные революции имели «успех» там, где имелись благоприятствующие факторы, рассмотрев которые, мы имеем возможность понять причины возникновения цветных революций и их «успеха», либо «неуспеха»:

Объяснение демократизации посткоммунистических стран часто происходит через *анализ влияния политических факторов, таких, как «наследие прошлого»*, которое может оказать непосредственное воздействие на посткоммунистические трансформации [1; 3]. Это «наследие» определяет изначальную констелляцию акторов и распределение ресурсов между ними на старте изменений режимов. Оно 1) создает стимулы и накладывает ограничения на действия акторов и 2) задает набор ресурсов, доступных для мобилизации

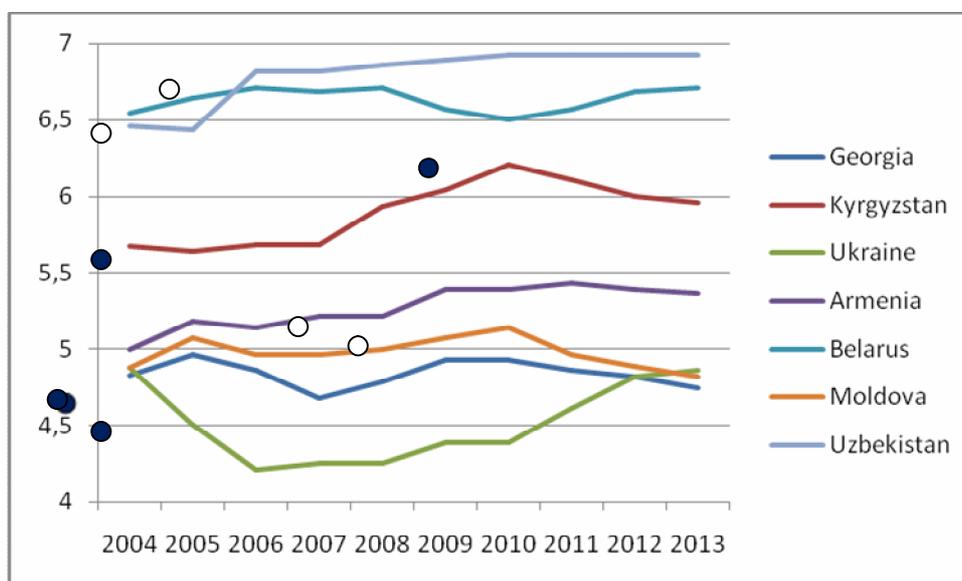
в процессе смены режимов [6]. Иными словами, «наследие» есть не что иное как «точка отсчета» различных траекторий смены режимов.

Предрасположенность к переменам в значительной степени является следствием результатов преобразований. Предполагается, что в странах, где политика преобразований привела к безработице, бедности и снижению стандартов жизни, наблюдается предрасположенность населения к переменам. Среди рассматриваемых стран менее всего экономическая жизнь пострадала в Бе-

ларуси, сохранивших многие экономические и политические структуры государственного социализма. Грузия, Украина на первых порах пережили значительное уменьшение валового национального продукта, и обеднение значительной части населения [2, 26].

Практические политические альтернативы имеющемуся положению вещей. Альтернативные политические стратегии, которые могут взять на вооружение посткоммунистические страны, включают в себя возможное членство в НАТО и/или ЕС [2, 33]. Присоединение к этим институтам означает позитивные продвижения демократии, причем у Киргизии нет реальной возможности войти ни в ЕС, ни в НАТО, поскольку «продвижение демократии» несовместимо с клановой и эгоистичной политикой с ярко выраженным региональным характером. В Грузии элита была достаточно сплоченной и считала поддержку Запада условием экономической и политической безопасности.

Особенности динамики режимов постсоветских стран и различия между ними, а также заметны при сравнении рейтингов политических прав и гражданских свобод, которые ежегодно публикует Freedom House⁸. На основании представленных данных мы имеем возможность проследить «успешность» цветных революций и процесса демократизации в ряде стран постсоветского пространства.

Средние показатели Freedom House по параметру «Оценка демократии»

⁸ Ежегодные средние оценки политических прав и гражданских свобод в 12 постсоветских странах (средний индекс политических прав и гражданских свобод). Категории: 1–3 – свободные страны, 3–5 – частично свободные страны, 5–7 – несвободные страны.

По данным Freedom House несвободными являются Узбекистан, Белоруссия, Армения, а восстание в Андижане в 2005, Васильковская революция в 2006 и серия Ераванских протестов в 2008 не достигли поставленных целей. Причем, как отмечают эксперты, дальнейшие изменения политических режимов в обозримом будущем данных государств маловероятны (*McFaul, 2002; Way, 2005, Hale, 2005*).

В зону частично свободных стран входят Украина, Грузия, демонстрирующие «успех» своих Оранжевых в 2004–2005 гг. и Розовой в 2003 революций.

Отдельную группу составляют Киргизия с низкими показателями свободы и успешной Тюльпановой революцией в 2005 г., Дынной революцией в 2010 г. и Молдавия с показателями, стремящимися к частично свободному уровню и неуспешной Революцией булыжников в 2009. Что касается Дынной революции 2010 г, то эти события значительно выбиваются из общей картины общности сценарных механизмов, так как они не были «привязаны» к избирательному процессу и отличались применением насильственных методов и большим количеством жертв и пострадавших.

В странах, где цветные революции оцениваются как условно «успешные», после революционных событий числовые показатели демократичности остаются на том же уровне или же принимают меньшее значение, что можно рассматривать как позитивную динамику в контексте продвижения политических прав и гражданских свобод. В ситуациях «неуспешности» цветных революций прослеживается другая тенденция – неудавшиеся трансформации приводят к повышению уровня несвободы в стране.

Также важно отметить, что с точки зрения анализа данных Freedom House, демократизация на постсоветском пространстве не является центральной тенденцией. Данное утверждение построено на вычислениях модального значения для всего массива данных ($= 4,96$) и коэффициента вариаций ($= 0,94$). Страны не демонстрируют готовность к демократическим трансформациям настолько, чтобы сохранить достигнутый уровень свобод и уменьшить стремление к авторитарным наследиям прошлого.

Таким образом, цветные революции не являются гарантом демократизации общественно-политической ситуации: эффект революций в Грузии и на Украине отличается от революции в Киргизии и тем более от попыток революций в Узбекистане, Белоруссии, Армении и Молдавии. «Успешность» «цветных революций» – многоплановый феномен, который заключается в сочетании следующих ключевых элементов: «наследие прошлого»; эффекты институтов, относительная цена стратегий; сценарии конфликта, которые либо «замораживают» траектории изменений режима в конечной точке, либо продолжают цикл дальнейших изменений, а также условия «успеха» включают в себя организованную оппозицию с альтернативной идеологией и политической программой.

Список источников и литературы:

1. Гельман В. Из огня да в полымя? Динамика изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. №2. С. 81–108.
2. Лейн Д. «Цветная» революция как политический феномен/ Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. №1. С. 14–36.
3. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / сост. Е. Бондарева; ред. Н. Нарочницкая. СПб.: Алетейя, 2008. 208 с.
4. Bunce V.J., Wolchik S.L. International diffusion and postcommunist electoral revolutions // Communist and Post_Communist Studies. 2006. Vol. 39. P. 283–304.
5. Hale, Henry E. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58, №1. P. 133–165.
6. Mahoney, James, Richard Snyder Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change // Studies in Comparative International Development. 1999. Vol. 34, №3, P. 3–32.

Смолыгина А. А.

ЕВРОМАЙДАН И ЕГО «ОРАНЖЕВЫЙ» ПРЕДШЕСТВЕННИК: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

События, разворачивающиеся на Майдане Незалежности с ноября 2013 г., приковали к себе внимание всей планеты. Поначалу мирные демонстрации, целью которых являлось подписание соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, переросли в антипрезидентские и антиправительственные восстания. Нередко эксперты проводят параллель между Евромайданом и оранжевой революцией 2004 г., а поэтому выявление сходств и различий этих акций – важное направление политического анализа.

Необходимо сразу оговориться, что речь будет идти о временных рамках Евромайдана с 21 ноября 2013 г., то есть даты первой акции протеста, до 22 февраля 2014 г. – даты смены украинской власти, произошедшей на заседании Верховной Рады.

Первая линия сравнения, которую целесообразно выделить – это причины двух уличных акций. В 2004 г. кампания мирных митингов и демонстраций были вызвана спорами по поводу фальсификации президентских выборов и нежеланием части украинцев видеть Виктора Януковича на посту президента. Следовательно, из-за того, что людей решили право голоса – право выбирать себе власть. Что касается Евромайдана, то он начинался с решения правительства страны приостановить подготовку к подписанию Соглашения об ассоциации

между Украиной и ЕС и последующим возмущением народа, которого полгода готовили к заключению соответствующего договора.

Цели «оранжевой» революции и Евромайдана, соответственно, также существенно различаются. Если в первом случае это признание недействительными официальных итогов выборов Президента Украины и назначение повторных, то во втором цели трансформировались в зависимости от происходящих событий: от подписания Соглашения между Украиной и ЕС, до отставки президента и правительства, возврату к конституции 2004 г., отмены «законов 16 января», а также амнистии арестованных митингующих.

Одной из важнейших линий сравнения является лидеры, выступающие как идеологами, так и непосредственными участниками и организаторами митингов. Предводителями «оранжевой» революции были кандидат в президенты Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко, которой тот пообещал пост премьер-министра. Организаторами и основной политической силой выступила коалиция «Сила народа», объединившая в себе сторонников двух лидеров, а также Социалистическая партия Украины. Стоит отметить, что Ющенко и Тимошенко, действительно, смогли не только консолидировать людей и «заразить» их общей идеей о проведении повторных выборов, но и руководить протестными акциями тех дней, став их символом. Евромайдан в этом аспекте полностью отличается: на первенство претендовало три председателя оппозиционных украинских партий – Виталий Кличко, Арсений Яценюк и Олег Тягнибок, некоторые из которых участвовали и в событиях 2004 г. Они оказались в гуще событий, но лишь влились в общий поток, а не возглавили толпу [1]. Конкуренция за поддержку народа и борьба за рейтинг помешали им стать той силой, которая могла бы направить противостояние в мирное русло и успокоить народ, когда это нужно было сделать.

В связи с этим можно перейти к сопоставлению характера и градуса двух уличных акций. Революция 2004 г. носила мирный характер и прошла без серьёзных стычек и жертв. В ход шли блокировки зданий протестующими, палаточные городки в центре города и призывы лидеров к забастовкам и акциям гражданского неповиновения. Всё это осталось и спустя 9 лет, но вот набор средств давления на власть заметно увеличился, что произошло после избивания студентов 19 января 2014 г. Нынешний майдан вспыхнул с новой силой с захватом административных зданий, столкновениями с правоохранительными органами, использованием «коктейлей Молотова», плитки, поджогами шин и снайперами, чья принадлежность до настоящего времени не установлена. Изменились и действия силовых структур: если раньше они были скорее наблюдателями, то теперь «Беркут» применял силу. Жертвами стали более 100 человек с обеих сторон, поэтому нередко в Евромайдане находят признаки гражданской войны.

Социальный портрет митингующего на Майдане за 9 лет кардинально не изменился – основной костяк составляют студенты, представители среднего класса, неработающие пенсионеры и предприниматели [2]. Количество участников колеблется в разных источниках информации по «оранжевой» революции от 100 тыс. до 1 млн, по Евромайдану же пока даже приблизительную цифру не называют, однако очевидно то, что она окажется больше. Что касается пола, то на Площадь Независимости чаще выходили мужчины, нежели женщины, что вполне объяснимо. Превалирующим возрастом является средний – от 30 до 50 лет, однако много и молодежи от 15 до 30. Также можно говорить о преобладании украиноязычных протестующих [3], о чём свидетельствуют плакаты, а также комментарии из эфиров новостей. Стоит отметить и националистический уклон Евромайдана, включающий в себя неформальную группировку «Правый сектор» и деятельность так называемой «пятой колонны», что нередко отождествляется.

Символика митингов также претерпела изменения. В 2004 г. Майдан заполнился оранжевыми флагами со словом «Так!», лентами и воздушными шарами. Собственно, почему революция получила название «оранжевая» – это цвет знамени В. Ющенко, который его сторонники и митингующие использовали как отличительный знак. Набор лозунгов представляют собой следующие требования: свобода, социальные изменения, экономическое улучшение, против фальсификации выборов и преступного режима [4]. Протестующие событий недавних дней выходили на площадь с флагами Евросоюза и Украины под звуки украинского гимна и криками «Слава Украине!». Плакаты пестрили карикатурами на В. Януковича и надписями «Украина – это Европа». Требования, как уже говорилось выше, менялись в зависимости от повестки дня, но к первому относится призыв подписать соглашение с ЕС, откуда и пошло название всей кампании протестов.

Итак, на основе сравнения «оранжевого» Майдана-2004 и Евромайдана-2013–2014 можно сделать следующие выводы:

Сходств у этих явлений не так уж и много: во-первых, это отношение России и Запада и освещение данных событий в СМИ. Если Россия поддерживала и продолжает поддерживать украинскую власть только во главе с В.Ф. Януковичем (нынешнюю называя нелегитимной), то Запад неизменно вставал на сторону протестующих. Во-вторых, осталась прежней и географическая локализация. Электорат Януковича остался преимущественно на правом берегу Днепра, а левый берег до сих пор находится в руках «западенских» политиков. В-третьих, социология протеста существенно не изменилась, добавив, однако, в Евромайдан националистические и радикальные элементы. К спорным сходствам можно также отнести итоги двух акций, а именно то, что истеблишмент так или иначе услышал требования народа.

Различия, в свою очередь, прослеживаются по всем остальным направлениям: цели и причины, длительность и этапы, участники и требования, символика и лозунги, лидеры и организаторы: все эти аспекты различаются как количественно, так и качественно.

Список источников и литературы:

1. 6 отличий «оранжевого» Майдана–2004 от Евромайдана–2013 // Эксперт Online [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/12/3/6-otlichij-oranzhevogo-majdana-2004-ot-evromajdana-2013/>.

2. Старое и новое // Фокус: [Электронный ресурс]. URL: <http://fi.ill.focus.ua/a/0x0/5497745.jpg>.

3. Лицо Евромайдана (социальный портрет участников протестов) // Обозреватель [Электронный ресурс]. URL: <http://obozrevatel.com/Infographic/19638-litso-evromajdana-sotsialnyij-portret-uchastnikov-protestov.htm>

4. Оранжевые революции и ненасильственные методы свержения власти // Пси-фактор [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/or-2.htm>.

СЕКЦИЯ 2. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ»

Маркелова А. А.

СОВРЕМЕННЫЙ СИБИРСКИЙ СЕПАРАТИЗМ: УГРОЗА ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Под сепаратизмом понимается движение в рамках определенного региона государственного образования, целью которого является его территориальное отделение для образования независимого государства или присоединения к другому государству [2]. К настоящему времени сепаратизм приобрел общемировой характер. Так, проблема сепаратизма является злободневной для таких стран, как Испания, Франция, Великобритания, КНР, Индия, Россия и ряда других государств.

После крушения СССР в начале 1990-х гг. в России наступил социально-экономический кризис, а государственная власть подверглась общему параличу и кризису легитимности. В совокупности, эти обстоятельства стали благоприятной почвой для развития сепаратизма на территории Российской Федерации [2].

Сибирский сепаратизм уходит корнями в далекое прошлое. Появившись как познавательное течение, сибирское областничество в ходе борьбы за власть постепенно становилось крайним, воинствующим политическим движением, цель которого заключалась в устройстве отдельного Сибирского государства.

«Отцом» сибирского сепаратизма еще при Петре I стал сибирский губернатор М.П. Гагарин, которого заподозрили в желании отделить Сибирь от России, в связи с чем он и был казнен по приказу царя. После этого на сто лет наступило «затишье», но в начале XIX века идея об отделении континентально-прочно закрепленной Сибири всерьез стала будоражить умы оппозиции (будущих декабристов), а во время правления Александра II эта идея активно обсуждалась и в правительственных кругах [1, 4].

Во многом благодаря реформам Александра II 1860-х гг. произошла вспышка сибирского сепаратизма. Сибирское областничество строилось на убеждении в том, что Сибирь, не смотря на размеры и богатство своей территории, является экономически отсталой и в связи с этим ее фактически можно назвать колонией [3]. Следовательно, для продуктивного развития и повышения благосостояния Сибири жизненно необходимо вывести ее из состава России.

Благоприятными условиями для интенсивного развития сибирского сепаратизма стали революционные события 1917 г. и последовавшая за ними позд-

нее Гражданская война. В этот период сибирское областничество приняло форму агрессивного и воинствующего сепаратизма. Областники стремились переустроить Сибирь, дать ей собственную конституцию и установить легитимную законодательную и исполнительную власть. Однако областники не могли прийти к единству относительно политического и административно-государственного устройства Сибири. Кроме того, в их среде неоднократно возникали противоречия по тем или иным вопросам дальнейшего существования Сибири. Поэтому неудивительно, что к 1919 г. областничество стало распадаться на мелкие союзы, а вскоре и вовсе пришло в упадок.

В СССР в соответствии с тоталитарной и национально-территориальной политикой, проводимой большевиками, было нельзя даже упоминать о сибирском областничестве. Считалось, что с ним покончено навсегда. Но сибирский сепаратизм ждал своего часа, чтобы вспыхнуть с новой силой.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. внутренняя ситуация в СССР накалилась до предела, итогом чего стал распад советского государства. На волне социально-политических и экономических потрясений о себе напомнил сибирский сепаратизм. По той причине, что политическое и экономическое положение Сибири оставалось крайне тяжелым и мешало ей эффективно развиваться, идея областничества стали весьма актуальными на тот момент. Снова зазвучали идеи о необходимости отделения Сибири от России, создании суверенного Сибирского государства, а также популярность приобрели идеи о том, что Сибирь должна самостоятельно распоряжаться своими природными и сырьевыми ресурсами [3].

В связи с тем, что лидеры сибирского сепаратизма действовали в основном вслепую, без разработки конституционных основ нового суверенного Сибирского государства, сибирский сепаратизм 1990-х гг. был также обречен на провал. Кроме того, дальнейшему развитию сепаратизма положила конец Конституция Российской Федерации 1993 г.

В современной России проблема сибирского сепаратизма остается также актуальной. Идеи о том, что Сибирь является внутренней колонией России, а также «становым хребтом» великой державы и «сырьевым придатком» международного рынка, находят своих последователей в современной Сибири, которые видят ее дальнейший путь развития в избавлении от опеки федерального центра и, как следствие, в создании суверенного государства, и переориентации своих экономических связей с России на страны Азиатско-Тихоокеанского региона [5]. Эти настроения в Сибири опасны тем, что отделение Сибири от России выгодно для ряда государственных и общественно-политических деятелей Китая, Японии, США и других стран, которые намерены использовать территорию и природные богатства Сибири в своих интересах.

Кроме того, крайне интересны результаты последней всероссийской переписи населения, в ходе которой была выявлена тенденция причисления дос-

таточного количества человек к такому новому этносу как «сибиряк», что говорит о росте сепаратистских настроений в Сибири [7].

Примечательно, что главные носители сепаратистских идей в Сибири – это, прежде всего, жители крупных городов трех социально-статусных групп: чиновники, бизнесмены и интеллигенция. Опасность кроется в том, что представители данных социально-статусных групп имеет значительное влияние на прочих сибиряков, поэтому сепаратистские настроение и идеи могут охватить значительную часть населения Сибири и перерасти в более агрессивную форму сепаратизма [6].

В целом, можно говорить о том, что наличие сепаратистских настроений в Сибири – это попытка обратить внимание федерального центра на социально-экономическое положение региона, которое оставляет желать лучшего. [4] Однако ошибочно делать вид, что сибирский сепаратизм не представляет угрозы для российской государственности. Существование сибирского сепаратизма на протяжении почти двухсот лет уже свидетельствует о том, что государственной власти пора выработать адекватную политику развития Сибири, которая бы учитывала специфические черты региона. Более того, это должна быть комплексная политика, предполагающая реализацию взаимосвязанных мер государственно-политического, социально-управленческого и идеологического характера.

Список источников и литературы:

1. Дело об отделении Сибири от России / Публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 4.
2. Ахметов А.А. Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/separatizm-v-rossii-i-na-postsovetском-prostranstve-i-puti-ego-preodoleniya>.
3. Киселев Л. Сибирский сепаратизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2009/08/04/620>.
4. Соломеин Е. «Сибирский сепаратизм»: цель или средство? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/2736.html>.
5. Хатунцев С. Сибирский сепаратизм и его последствия [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/30.html.
6. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/konfliktnyi-potentsial-sovremennogo-sibirskogo-separatizma> (дата обращения: 18.03.14).
7. Сибирский сепаратизм в разы сильнее северо-кавказского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsland.com/news/detail/id/671260>.

ДАГЕСТАН: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА

Анализируя причины эскалации религиозно-мотивированного насилия в постсоветской России, можно отметить, что, религиозный экстремизм во многом оказывается связан с проблемами Северного Кавказа. Этот регион за последние 10 лет стал ареной религиозно-политического конфликта, идеологические корни которого лежат в противостоянии «традиционных» для региона суфийских братств и догматического ислама с одной стороны, и радикального салафизма с другой.

В последние годы ключевым субъектом федерации, из которого приходит наиболее тревожная статистика оказывается Дагестан. Важно понимать, что большинство мусульман Дагестана принадлежат не просто к суннизму – традиционный ислам здесь носит явно просуфийский характер, поскольку еще в XI в. в Северо-Восточной части Кавказа начали утверждаться суфийские тарикаты.

Вторым актором религиозного конфликта в республике и главным антагонистом суфизма и Духовного управления мусульман Дагестана в республике выступают представители салафитского направления в исламе. Фундаменталистские группировки на Северном Кавказе появились лишь в 70-х гг. XX в. в виде небольших подпольных групп единоверцев. В 1990-х гг. салафизм укреплял свои позиции несомненно быстрее, чем тарикатский ислам, хотя в численном соотношении подавляющее преимущество оставалось на стороне последнего: салафитов поддерживало, по весьма приблизительным оценкам, не более 5–10 % населения республики.

В это время в Дагестане начинает разворачиваться активная конкуренция между суфиями и салафитами. Стоит отметить, что для последних был характерен активный прозелитизм, порой принимавший весьма специфичные формы. Наиболее активными сторонниками салафизма становились молодые люди, в том числе и в связи с тем, что салафизм давал им почву для протеста против традиционных, часто обременительных социальных практик их этнических общин, а также против традиционных форм социальной организации.

Изначально салафиты не были едины: внутри их общины можно было наблюдать разделение на группы «умеренных» и «радикальных». Естественно обе стороны объединяло желание жить по предписаниям Корана, а также стремление усилить позиции ислама и его влияние на публичную сферу. Однако если умеренные салафиты хотели достичь этих целей проповедью своих взглядов и

участием в политическом процессе, то радикалы были куда более агрессивно настроены, что в начале 90-х проявлялось в резкой критике суфизма, обвинении его последователей в «предательстве ислама» и «язычестве».

Немаловажной для понимания развития религиозного конфликта в республике оказывается позиция органов государственной власти. Республиканским властям не удалось объединить умеренных в лагере салафитов и суфиев, усадив их за общий стол переговоров, в том числе и потому, что многие политические лидеры того времени старались использовать политизацию религии в своих целях. Итогом этого и стал переход конфликта в насильственную стадию в 199 г. В результате был принят закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории республики Дагестан», который, по мнению ряда экспертов, противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку дискриминирует религиозные меньшинства. Вопрос об отмене этого закона публично обсуждался в 2010 г. на Съезде народов Дагестана [1]. Принятие этого закона ограничило легальные возможности салафитской пропаганды и агитации, однако также способствовало вытеснению оставшихся «умеренных» из публичного пространства и в конечном итоге привело к их радикализации.

На сегодняшний религиозно-политический конфликт в республике выражается в перманентной террористической активности со стороны радикалов, т.н. «лесных братьев». Однако, как отмечают исследователи, в среде представителей террористического подполья можно наблюдать и определенный процент людей, которые берут в руки вовсе не из радикально религиозных соображений. Часто незаконные вооруженные формирования, прикрываясь исламскими лозунгами, шантажируют представителей бизнеса, угрозами вымогая у них деньги. Очевидно, что религиозно-мотивированное насилие и простой разбой требуют к себе принципиально разных подходов [2].

На развитие конфликта сегодня влияет значительное число факторов. По данным экспертных опросов, ключевым фактором, порождающим конфликтность на Северном Кавказе и в частности в Дагестане, остается неэффективность государственных институтов. Это выражается в том, что нормы государственного законодательства не могут полноценно функционировать в республике. В результате фиксируется сосуществование сразу нескольких правовых систем: светского права, шариата и адатов. Неблагополучные социальные условия, безработица приводят к социальному протесту в республике, который также может принимать формы вооруженного противостояния. Свою роль играет и пропаганда радикального ислама, бороться с которой в условиях информационного общества весьма непросто. Важным фактором также оказывается неправовая деятельность самих правоохранителей: похищения людей, незаконные методы следствия, бессудные расправы [4].

Тем не менее, можно говорить и о позитивных сдвигах, которые дают возможность задуматься о перспективах деэскалации конфликта. В период руководства республикой М. Магомедовым, умеренное крыло салафитов получило возможность легализоваться. Одновременно с этим, начался процесс формирования диалога между ДУМ Дагестана и группой авторитетных богословов-салафитов, который 29 апреля 2012 г. увенчался совместным заседанием, где была достигнута договоренность о паритетном выходе на информационное пространство. Радикальное крыло салафитского движения своими действиями поставило перспективы этого диалога под сомнение – 3 мая, сразу после объявления о состоявшемся диалоге, в Махачкале произошел двойной теракт, унесший жизни 14 человек, а в республике по-прежнему не прекращаются убийства религиозных лидеров. Наиболее серьезный урон мирному урегулированию конфликта нанес теракт, произошедший 28 августа 201 г., результатом которого стало убийство 8 человек, включая наиболее авторитетного в Дагестане суфийского шейха Саида Афанди Чиркейского. Умеренные салафиты резко осудили произошедшее и призвали к продолжению мирного процесса.

С приходом к власти нового президента республики Р. Абдулатипова, взаимодействие с мирными салафитами замедлилось, а интенсивность проведения антитеррористических операций увеличилась. Кроме того, была перестроена деятельность комиссии по адаптации боевиков к мирной жизни, что сказалось на эффективности ее деятельности. На сегодняшний день, согласно статистике, уменьшается число жертв противостояния среди представителей силовых структур. Однако данные позволяют заметить увеличение числа жертв среди гражданских лиц. В 2013 г. погибло на 18 человек больше (рост около 28 %), ранения получили на 46 человек больше, что составило почти 59 % роста, по сравнению с 2012 г. [3]. Таким образом можно говорить о том, что перспективы разрешения религиозно-политического конфликта все еще остаются туманными.

Список источников и литературы:

1. Дагестан: Ваххабиты – больше не враги народа. URL: <http://svpressa.ru/society/article/35701/>.
2. Казенин К., Стародубровская И. Экспертный доклад Северный Кавказ: Quo vadis? URL: <http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/#ultr006>.
3. Кавказский узел. В Дагестане в вооруженном конфликте в 2013 году убиты и ранены 642 человека. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237341/>.
4. Юрченко В.М., Лебедев В.С. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: на материалах республики Дагестан // Вестник Российской Нации. 2013. №3–4.

СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В ИРАНЕ, ИРАКЕ, СИРИИ, ТУРЦИИ

В современном мире большое значение приобрели региональные конфликты, связанные с сепаратистскими настроениями в обществе. Особенно заметно данное явление на Ближнем Востоке, очаге мировой нестабильности, месте, где сталкиваются Запад и Восток.

Социально-экономические проблемы в государстве и неспособность правительства решить их часто становятся поводом для возникновения противостояния различных политических группировок за власть в отдельных регионах. Периодические столкновения шиитов, суннитов, алавитов, курдов и др. этнических групп не раз приводили к гражданским войнам в данном регионе, участие в которых принимало и мировое сообщество, пытавшееся прекратить конфликты и установить удобные для Запада политические режимы (интервенция США в Ирак в 2003 г.).

Велика вероятность распада государств Ближневосточного региона с большой долей курдского населения и создания на их границах единого государства Курдистан. В целях сохранения целостности государства используют различные стратегии решения этноконфессиональных конфликтов. Сегодня в Сирии идёт гражданская война, где курды представляют собой третью сторону конфликта – они борются против оппозиционных войск, однако не в союзе с правительственными войсками Б. Асада. Иракский Курдистан, в свою очередь, добился статуса субъекта федерации с самыми широкими правами и полномочиями. В Турции курды находятся в поисках разрешения конфликта, правительство считает Рабочую Партию Курдистана террористической группировкой. Часть курдов намерена решить конфликт мирным путём, это понимает турецкий премьер-министр Р. Эрдоган. Однако существует ряд экстремистских, националистических курдских группировок, которые намерены продолжать партизанскую войну. В Иране, где господствуют шииты, курды-сунниты сталкиваются с рядом проблем, в число которых входят притеснение религиозных меньшинств, отсутствие курдского участия в местной администрации, нарушения прав человека, плохая экономическая ситуация в Иранском Курдистане. Пока иранские курды не предпринимают активных действий по данной проблеме, однако активизация курдов в Сирии, Ираке и Турции будет способствовать росту национального самосознания иранских курдов.

Как объяснить различия в вариантах управления курдским конфликтом в Турции, Сирии, Ираке и Иране?

Данная проблема является актуальной, так как таких конфликтов становится всё больше (не только на Ближнем Востоке). «Арабская весна», которая началась в Тунисе в декабре 2010 г., привела в действие ряд радикальных исламистских группировок, обострила проблемы этноконфессионального характера. Внешние факторы, к примеру, отсутствие или наличие сильных внешних деструктивных сил, международные региональные гарантии безопасности в виде соглашений, оказывают влияние на конфликты. Будущее курдов зависит от итогов войн – получают они автономию или нет, произойдёт ли становление нового государства Курдистан или курдам удастся достигнуть консенсуса во взаимодействии с правительствами.

Объект – курдская проблема, предмет – стратегии управления курдским конфликтом в Турции, Сирии, Ираке и Иране.

Цель – объяснить различия в способах решения курдской проблемы в Сирии, Турции, Ираке и Иране.

Задачи:

1. Выявить факторы, оказывающие влияние на выработку стратегий управления курдским конфликтом.

2. Собрать эмпирический материал и провести сравнительный анализ случаев.

В работе С. Вольфа «Управление этнонациональным конфликтом: аналитические рамки» предложены 3 измерения институционального дизайна, благодаря которым возможно решение этнонационального конфликта, – вертикальное, связанное с вопросами территориального устройства, горизонтальное, отвечающее за структуру и распределение полномочий между законодательными, исполнительными и судебными органами, измерение индивидов, их прав, привилегий, отличительных черт.

В научной литературе существует 3 общепринятые теории разрешения этноконфессиональных конфликтов: либеральный консоциализм (работы А. Лейпхарта, Гарри О'Лери), центрипетализм (работы Горовитца, Богарта, Райли, Виммера), разделение власти (работы Ротшильда, Родера). Суть либерального консоциализма – идея многосоставных обществ – состоит в единстве четырех составляющих: большая коалиция (участие представителей всех значительных групп в принятии решений), автономность сегментов (широкая автономия групп в управлении своими делами), пропорциональность, право вето (защита интересов меньшинства). Теория центрипетализма предполагает достижение межгрупповых политических объединений посредством избирательных бонусов для партий, которым важна поддержка нескольких этнических групп. Федерализм, основанный на этнической гетерогенности субъектов, вы-

ступает механизмом снижения конфликта. Последняя теория – разделение власти – разрешает этноконфессиональные конфликты посредством распределения властных полномочий среди групп на основе системы сдержек и противовесов, предполагает включение представителей этнических меньшинств в большие коалиции, которые занимаются важными вопросами.

Вольф использует такие понятия, как контекст и контент, где контекст – факторы, определяющие институциональные выходы из переговоров, а контент – содержимое соглашений, которые отражают ключевые структурные условия какой-либо конкретной конфликтной ситуации. Причём контекст влияет на контент. Внешние факторы не исключаются из поля зрения С.Вольфа (межправительственные и неправительственные организации, отдельные государства и политические лидеры).

В соответствии с концепцией Вольфа, выбор вариантов решения курдской проблемы зависит от контекста, т.е. разнообразных факторов. В данной работе мы попытались выделить эти факторы:

- 1) ресурсы курдов (экономические, политические, демографические, природные, военные);
- 2) исторический фактор;
- 3) этноконфессиональная структура общества;
- 4) интенсивность идентичности;
- 5) компактность расселения курдов в представленном государстве;
- 6) взаимоотношения курдов с другими политическими акторами;
- 7) внешние факторы, которые проявляются во вмешательстве внешних сил, в том числе экстремистских группировок.

В данной работе период рассмотрения случаев охватывает период с конца 90-х гг. XX в. по 2011 г. В качестве отдельных случаев рассматривается Ирак (с конца 90-х гг. – 2003 г., 2003–2011 гг.), так как события 2003 г. качественным образом изменили внутреннюю ситуацию в стране, а также в положении курдов.

Однако совпадение наборов основных факторов в странах ещё не означает одинаковые стратегии (Ирак 2000-2003 и Иран) решения проблемы. Следует отметить, что нерелевантные факторы также оказывает определённое влияние на выбор стратегии управления. К примеру, большое число военных среди курдов, проживающих в Турции и Ираке.

В перспективе планируется выделение внутренних и внешних факторов, которые мешают развитию курдского государства, а также создание варианта стратегии решения курдской проблемы в Сирии.

Список источников и литературы:

1. Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.
2. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. 512 с.
3. Danish Refugee Council. Iranian Kurds. On Conditions for Iranian Kurdish Parties in Iran and KRI, Activities in the Kurdish Area of Iran, Conditions in Border Area and Situation of Returnees from KRI to Iran, 4/2013.
4. Wimmer Andreas Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set, AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW, 2009, Vol. 74 (April: 316–337).
5. Wolff Stefan (2011): Managing ethno-national conflict: towards an analytical framework, Commonwealth & Comparative Politics, 49:2, 162–195.

Титова С. Р.

ДИСКУССИИ О РОЛИ РПЦ В АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ

Мое исследование посвящено изучению дискуссии о роли и месте РПЦ в современной России. В 1990-х гг. церковь столкнулась с необходимостью реинституционализации, и она не могла опереться на свой исторический опыт. В связи с этим появляется ряд конкурирующих идей – базовых позиций, исходя из которых акторы осмысливают роль церкви. В данном докладе я сосредоточусь на анализе позиций только церковных иерархов и их союзников, поскольку годы атеизма, а затем и реформы 2000-х гг. ослабили церковь как общину, как сеть приходов.

Осмысление роли церкви происходит в трех смысловых полях: законность, духовность, политика. В каждом из них существует конфигурация смыслов, которыми участники наделяют церковь. Чтобы выяснить, насколько данные смысловые конфигурации характерны для позиции актора в целом, возможно ли коалиционное объединение церкви с кем-то ещё, я анализирую дискуссии по отдельным политическим вопросам: это случай введения ОРКСЭ в среднюю школу и дело Pussy Riot. Для кейса Pussy Riot характерны вынужденное участие церкви, которая не была инициатором молебна, и ситуация политического кризиса, а для кейса религиозного курса характерна инициатива Церк-

ви и ситуация политической стабильности. Сравнение дает возможность увидеть, какие смыслы касаются сути групповых позиций по поводу церкви, а какие обусловлены ситуацией и могут быть легко отмечены.

Обозначу пять базовых позиций, которые выделяются в современном политическом пространстве в вопросе о роли церкви.

Фундаментализм. Маркер – возврат к истокам, чистоте, вере. Те, кто отстаивает право верующих исповедовать свою веру в её первоначальной чистоте, не получает ИНН, борется со штрих-кодами; религия значимее, чем государство и гражданские обязанности. Это сторонники ОПК как факультатива, ненавистники кощунниц PR, потому что они нарушили сакральное пространство.

Клерикализм. Маркеры – Святая Русь, русский мир, русский – значит православный. Политическая идеология тех, кто полагает, что Россия должна быть православной. Сторонники всеобщего ОПК, политической агитации за православных кандидатов, противники кощунниц из PR, поскольку они оскорбили устои государства.

Эти две позиции схожи в представлении о Святой Руси как идеале общественно-религиозного бытия. Однако фундаменталисты отстаивают эту идеологию как частную, для тех людей, которые имеют соответствующие убеждения, а клерикалы – как универсальную, общую для всех современных русских.

Секуляризм. Маркер – права и свободы. Религия вымирает и уступает науке и рациональному. В публичном пространстве религии не может быть, светское должно быть универсальным.

Антиклерикализм. Маркер – атеизм. Религия – средневековье и мракобесие. Пропаганда атеизма. Антиклерикальные акции.

Эти две позиции близки в представлении о религии как частном деле, однако у секуляристов следует вытеснение религии в сферу частной жизни, светскость в публичном пространстве, у антиклерикалов – пропаганда атеизма, то есть это политическая идеология, как и клерикализм.

Постсекуляризм. Маркер – свобода выбора, рынок религий. Верующие могут объединяться и отстаивать свои интересы, в том числе политические, в общем порядке, как любая группа интересов, их права должны соблюдаться.

Кейс ОРКСЭ

В политическом поле идет речь о том, что ОРКСЭ стал курсом «о базисе нашей культуры и идентичности» [Патриарх Кирилл 2010], что вовлекает в коалицию политические силы, ориентированные на поиск большой национальной идеи: «Если бы мы ввели такой предмет, то решили бы очень многие вопросы в сфере межнациональных отношений» [Миронов С. 2012].

В поле законности происходит переосмысления понятия светскости: «Светский характер образования не тождествен атеистическому» [Патриарх Кирилл: 2011], и формулирование смысла «права верующих». При этом под-

черкивается свобода выбора: «Я думаю, что добровольность и альтернативность являются базисом, на основании которого может существовать вся эта система» [Патриарх Кирилл 2009].

В поле духовности церковь пытается уничтожить коннотации ОРКСЭ с Законом Божиим: «предмет, который будет введен в школах – это предмет культурологический по своей природе» [митрополит Меркурий 2010]. Вследствие этого в дискурсе сохраняются только светские «духовность», «нравственность» и «мораль». Союзниками становятся рядовые верующие, что видно по блогосфере.

Появляется специфическое поле педагогики. Формулируется представление о желаемой школе, в которой вся воспитательная составляющая будет выполняться церковью. Здесь можно увидеть высказывания официальной церкви, общественников.

Таким образом, понимание ОРКСЭ – это законное осуществление прав верующих, составляющих абсолютное большинство россиян. Курс даст школьникам знания о собственной идентичности и поможет сохранению межрелигиозного согласия, а также нравственному воспитанию детей. Кейс показывает сложное сплетение нескольких базовых позиций. Здесь есть постсекуляристская позиция и согласие а равенство религий и свободу выбора; здесь есть клерикальные представления о греховности жизни без веры; здесь есть клерикализм с его этнорелигиозностью; и есть даже секуляризм с правами человека.

Дело Pussy Riot

На политическом поле РПЦ выдвигает три основных тезиса: большинство населения России – православные, молебен был преступлением против православных и России, участницы молебна – враги России. «У нас нет будущего, если мы начинаем глумиться перед великими святынями и если это глумление кому-то ложится на душу как некая доблесть, как некое выражение политического протеста или как безобидная шутка» [Патриарх Кирилл 2012]. В союзниках здесь оказываются политики: «Я полагаю, что это преступление против России... удар нанесен в сердце России, в то, что свято и дорого для всех» [Яровая И. 2012].

На поле законности утверждалось, что светский суд уполномочен защищать права верующих, и решение суда была правомерным. «Не нужно делать мучеников из этих девиц. Нужно назвать преступление преступлением и выявить всех тех, кто к нему был причастен» [Протоиерей Всеволод Чаплин 2012]. В союзниках снова политики; член «Единой России», депутат ГД Андрей Исаев: «Обязательно общество, государство в лице судебных органов должно подобное хулиганство пресечь и осудить» [Исаев А. 2012].

В поле духовности акция трактуется как богохульство и кощунство. И в союзниках оказываются политики, рядовые верующие, а также деятели культу-

ры: «Во всей ситуации мне больше всего не нравится фарс в святом месте» [Певица Валерия 2012].

Таким образом, дело Pussy Riot церковь трактует во всех трех возможных полях, привлекая широкий круг сторонников, и самым надежным сторонником становятся политические деятели. Ключевые аргументы сводятся к защите Святой Руси. Церковь полагает, что произошло преступление против государственных святынь, которое должно быть наказано государством. Акция может быть оценена только как религиозно-политический, а не как культурный феномен. Базовые позиции – клерикализм, фундаментализм, нет секуляризма, и практически нет постсекуляризма.

Позволим себе несколько предварительных выводов.

1 – когда церковь инициирует процесс, она проявляет постсекуляризм и готовность к компромиссам, когда отвечает на вызовы – ведет себя как закрытая корпорация.

2 – постсекуляризм появляется когда необходимо вступить в коалицию в политических силах

3 – коалиция с политиками является наиболее предпочтительной, остальные силы, включая рядовых верующих, включаются в процесс эпизодически

4 – собственной базовой позиции у церкви нет. Но есть базовые интересы, и они – в увеличении паствы.

Пермякова В. С.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В РЕСПУБЛИКАХ РФ

Республика не является синонимом демократии. Республик в РФ 21 и вроде бы все они находятся под одним большим зонтиком, однако они не одинаковы, а очень интересны и разнообразны. В каждой из них сформировался свой политический режим. Подобная картина делает необходимым выявить и объяснить разнообразие, сложившихся политических режимов в республиках РФ.

В качестве **гипотезы** можно предположить что, разнообразие того или иного политического режима в республиках зависят от следующих факторов:

- этническая структура населения;
- зависимость региона от «центра»;
- экономическая независимость людей, проживающих в той или иной республике.

Используя метод регрессионного анализа, мы проверяем влияние ряда независимых переменных: доли титульного и русского населения; ВРП на душу населения (2011); доля трансфертов (2011), количество зарегистрированных преступлений на 100 000 чел (2011), легковые автомобили на 1000 чел населения (2011), средний размер назначенной пенсии (2011) на зависимую переменную – среднее значение голосов за «Единую Россию» (предпоследние и последние выборы в ЗС регионов, и выборы в ГД 2007, 2011 г.).

Итак, можно построить несколько объяснительных моделей.

Первая модель. *Чем больше титульного населения в регионе, тем больше голосов за «партию власти».* Соответственно, обратная зависимость: *Чем меньше русского населения, тем меньше голосов.* Вообще, этот фактор выделен, прежде всего, потому что мы рассматриваем этнические республики, а значит, в этих регионах значимость этносов значительна велика.

Таблица 1

I модель	зависимость между титульным населением и долей голосов за ЕР	зависимость между долей русского населения и долей голосов за ЕР
Коэффициент	.3831203	-.4226952
R – квадрат	0.4028	0.4374
Adjusted R – квадрат	0.3714	0.4078
P> t	0.002	0.001
N наблюдений	21	21

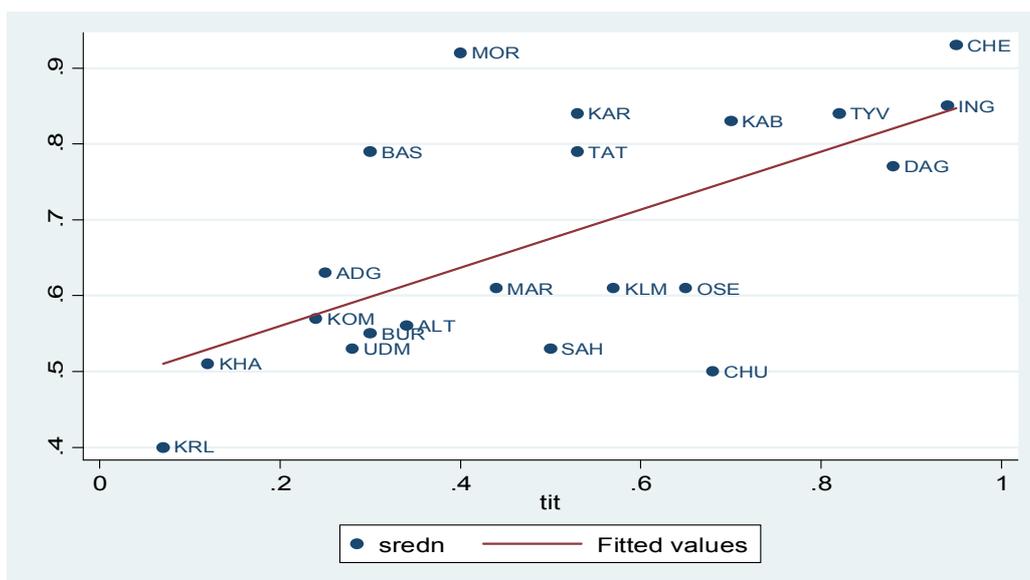

График 1. Зависимость между титульным населением и количеством голосов за ЕР

Вторая модель. Чем больше трансфертов выделяется, тем большая зависимость региона от «центра». А это значит: *чем выше доля трансфертов – тем больше голосов за «партию власти»*. Но, как показало исследование этот фактор, сильно проявляется только в тех республиках, где доля титульного населения преобладает над долей русского населения. Следовательно: *чем больше титульного населения – тем больше трансфертов выделяется в эту республику*. И наоборот, *чем больше русского населения – тем меньше доля трансфертов выделяется*.

Таблица 2

II модель	Зависимость между трансфертами и долей голосов за ЕР	Зависимость между титульным населением и трансфертами	Зависимость между русским населением и трансфертами
Коэффициент	.4198596	.958779	-.8255533
R – квадрат	0.3090	0.5870	0.4880
Adjusted R – квадрат	0.2726	0.5653	0.4610
P> t	0.009	0.000	0.000
N наблюдений	21	21	21

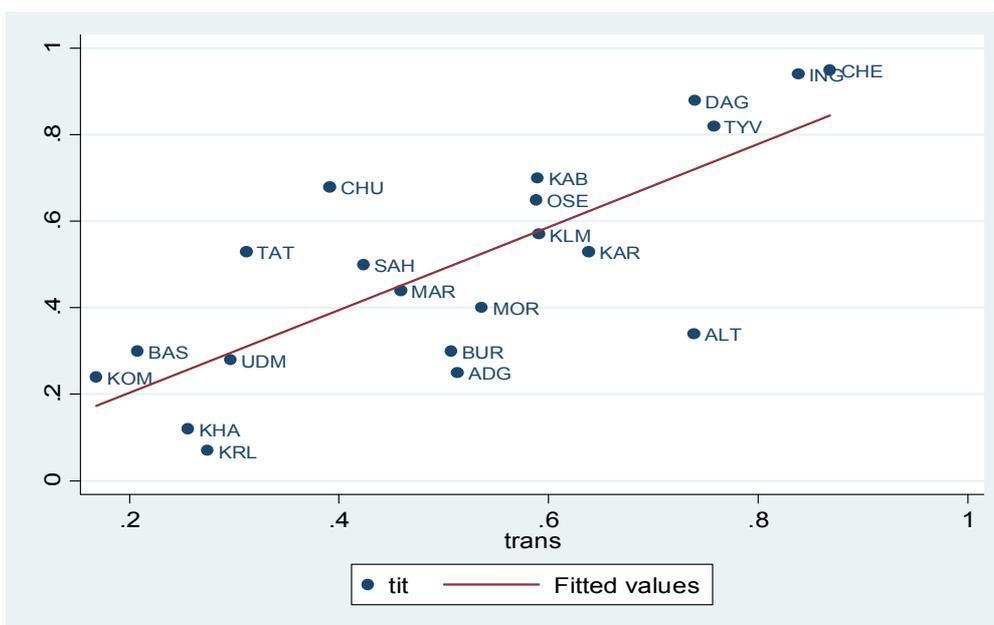

График 2. Зависимость между титульным населением и количеством, поступающих трансфертов

Третья модель проверяет предположение о влиянии личной экономической независимости на результаты выборов. В качестве независимой переменной выступает количество автомобилей на 1000 человек населения. Почему именно автомобили? Потому что в последнее время все люди судят о состоятельности человека по одежде, квартирам, дачам, в том числе и по и машинам. Для всех, далеко не секрет, что те люди, которые имеют значительные доходы, начинают более активно выражать свою политическую позицию, стремятся к независимости. Потому что им не нужно думать о первичных потребностях, поскольку они у таких людей уже реализованы.

Таким образом, прослеживается следующая закономерность: *чем меньше автомобилей – тем больше голосов* или *чем больше автомобилей, тем меньше голосов*. Отсюда вытекают следующие две закономерности: *чем больше русского населения – тем больше автомобилей; чем меньше титульного населения – тем меньше автомобилей*. Так называемая «разбавка» голосов русским населением ведёт к плюрализму мнений. Вероятно, что титульное население голосует эгоцентрически – перспективно. Если они будут голосовать по – другому, можно предположить, что эти республики не будут получать значительной доли трансфертов.

Таблица 3

III модель	Зависимость между кол-вом автомобилей и долей голосов за ЕР	Зависимость между русским населением и кол-во автомобилей	Зависимость между титульным населением и кол-вом автомобилей
Коэффициент	-.0016254	.0043144	-.0049605
R – квадрат	0.2299	0.6617	0.7802
Adjusted R – квадрат	0.1894	0.6439	0.7687
P> t	0.028	0.000	0.000
N наблюдений	21	21	21

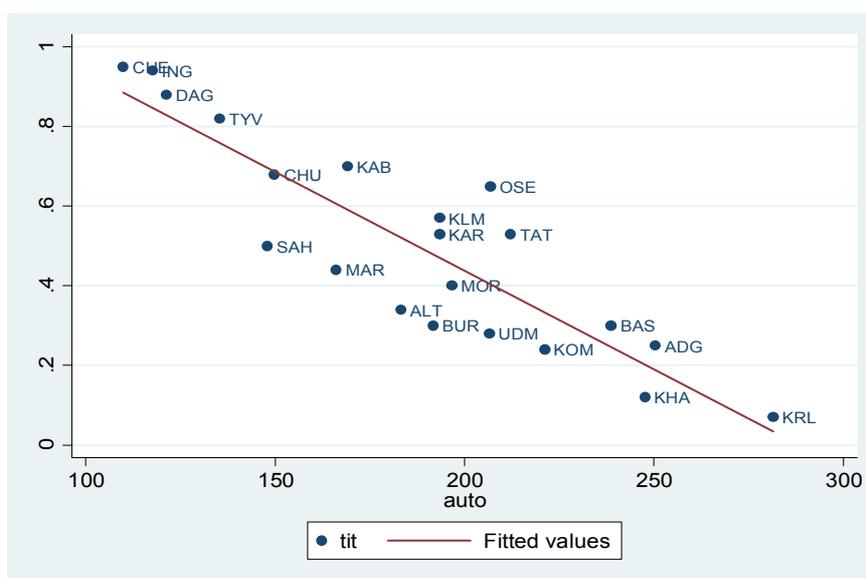

График 3. Зависимость между титульным населением и количеством автомобилей

Четвёртая модель. Выяснилось, что на голоса за «партию власти» так же влияет количество преступлений. *Чем меньше уровень преступлений – тем больше голосов, и наоборот. Чем больше титульного населения – тем меньше преступности. Чем больше русского населения – тем больше преступности.*

Таблица 4

IV модель	Зависимость между кол-вом преступлений и долей голосов за ЕР	Зависимость между титульным населением и кол-вом преступлений	Зависимость между русским населением и кол-вом преступлений
Коэффициент	-.0001728	-.0003035	.0002955
R – квадрат	0.4801	0.5393	0.5734
Adjusted R – квадрат	0.4528	0.5150	0.5510
P> t	0.000	0.000	0.000
N наблюдений	21	21	21

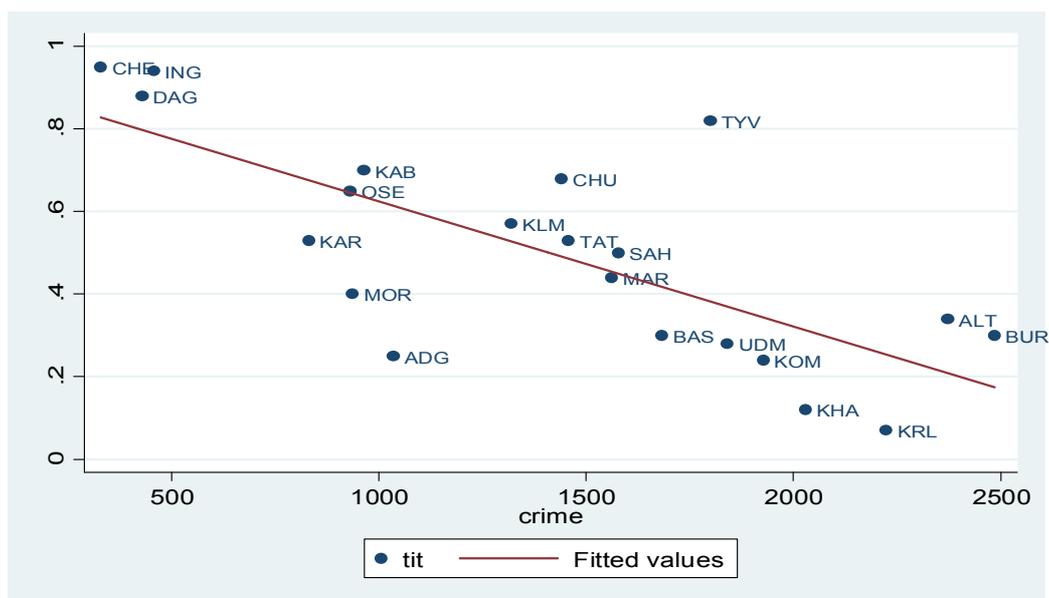

График 4. Зависимость между титульным населением и количеством преступлений

Вывод:

Этническая составляющая региона играет большое значение. Так, мы убедились в том, что большинство голосов за «ЕР» напрямую зависело от доли титульного населения.

В тех республиках, где русское население преобладает над титульным, наблюдается экономическая самостоятельность индивидов и чем больше экономическая независимость – тем меньше голосов за «партию власти» и как следствие – малая доля выделяемых трансфертов. В совокупности данных факторов, такие республики можно отнести к демократическим.

А те регионы, где наблюдается низкий уровень преступности, отсутствие личной экономической независимости и преобладающая доля титульного населения получают большую долю трансфертов. Происходит сильная зависимость от «центра» и эти республики делают всё, что бы угодить ему. Это позволяет говорить нам о том, что эти республики можно считать авторитарными.

Т. о, получается:

Демократические республики (преобладание русских + экономическая независимость + малая доля трансфертов + большое кол – во преступлений):

RESP	TIT	RUS	SREDN	Meeting	TRANS	CRIME	AUTO	PEN
Хакасия	12,10 %	81,70 %	50,83 %	1	0,2562	2029	247,7	8150
Коми	23,70 %	65,10 %	57,13 %	0	0,1686	1928	221,2	10502
Удмуртия	28,00 %	62,20 %	52,95 %	1	0,2964	1841	206,5	8046

Авторитарные республики (преобладание титульного населения + экономическая зависимость + большая доля трансфертов + низкая преступность):

RESP	TIT	RUS	SREDN	Meeting	TRANS	CRIME	AUTO	PEN
Карачаево-Черкессия	52,90 %	31,60 %	83,98 %	0	0,6385	832	193,4	7214
Калмыкия	57,40 %	30,20 %	61,11 %	0	0,5907	1320	193,4	7139
Осетия	65,10 %	20,80 %	61,10 %	0	0,5882	931	206,8	7461
Кабардино-Балкария	69,90 %	22,50 %	83,44 %	0	0,5896	964	169,1	6726
Тыва	82,00 %	16,30 %	83,97 %	0	0,7577	1799	135,4	7834
Дагестан	88,00 %	3,60 %	77,38 %	0	0,7396	429	121,3	6337
Ингушетия	94,10 %	0,80 %	85,47 %	0	0,8382	458	117,6	6280
Чечня	95,30 %	1,90 %	93,30 %	0	0,8688	330	109,9	6783

Промежуточные режимы:

RESP	TIT	RUS	SREDN	Meeting	TRANS	CRIME	AUTO	PEN
Бурятия	30,00 %	66,10 %	55,21 %	1	0,5069	2485	191,7	7709,1
Алтай	33,90 %	56,60 %	55,74 %	1	0,7387	2372	183,2	7494,3
Марий Эл	43,90 %	47,40 %	61,44 %	0	0,4589	1562	166,1	7326,2
Саха	49,90 %	37,80 %	53,09 %	0	0,4233	1578	148	11311
Адыгея	25,2 %	63,6 %	63,07 %	0	0,5131	1035	250,4	7358,6

Из графиков можно заметить, что некоторые республики «выпадали», а именно Мордовия, Чувашия, Карелия, Татарстан и Башкирия. Чтобы объяснить эти режимы, необходимо более глубоко изучать внутреннюю особенность данных республик.

RESP	TIT	RUS	SREDN	Meeting	TRANS	CRIME	AUTO	PEN
Карелия	7,40 %	82,20 %	39,89 %	1	0,2746	2224	281,5	10132,4
Мордовия	40,00 %	53,40 %	91,61 %	0	0,5362	937	196,6	7411,4
Чувашия	67,70 %	26,90 %	50,19 %	0	0,3913	1441	149,8	7411
Башкирия	29,50 %	36,10 %	78,86 %	1	0,2080	1683	238,7	7761,4
Татарстан	53,20 %	39,70 %	79,40 %	1	0,3115	1458	212,2	7886,3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТЬЮ КАТАЛОНИИ В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ СЕПАРАТИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ИСПАНИИ

Начало XXI в. характеризуется стремлением региональных элит к максимальному расширению своих политических полномочий за счёт широкой децентрализации государства. В европейском регионе процесс создания наднациональных институтов сопровождается противоположной тенденцией регионализации, которая в свою очередь ведет к усилению позиций этнорегиональных элит, защищающих свою национальную идентичность, культуру и экономическое благополучие региона. Рост национального самосознания делает региональные элиты влиятельной силой, способной навязывать свои решения центру, используя сепаратистские настроения населения как инструмент торга в отношениях с центральной властью.

Наибольший интерес вызывают механизмы выстраивания отношений между центральными и региональными властями в испанском государстве-автономии, в особенности, взаимоотношения между центром и автономной областью Каталонией. Активизация сепаратистских настроений внутри Каталонии привела к необходимости пересмотра двусторонних отношений между центром и автономией, и стала главным фактором обоснования политических требований региональной элиты.

На протяжении своего существования в составе Испании вопрос о независимости для Каталонии оставался всегда актуальным, но в связи с нехваткой политических ресурсов чаще всего заменялся требованием расширения прав региона в составе испанского государства. Начало XXI в. можно охарактеризовать, как поворотный момент в развитии отношений между центром и регионами в Испании. Возникли предпосылки создавшие базу для формирования сепаратистских настроений, как в обществе, так и среди региональной элиты.

Первой предпосылкой стало создание проекта нового автономного статута, прописывавшего изменения экономических отношений между Каталонией и центральным правительством. Были расширены права Каталонии, касающиеся языка, культуры, местного самоуправления, общественной безопасности и финансирования.

Следующей предпосылкой стал мировой экономический кризис. Ухудшение экономического положения страны в целом, отказ Мадрида предоставить налоговую независимость пробудила в политических элитах сепаратист-

ские настроения. Проявления экономического кризиса сыграли на руку сепаратистам, которые внушают населению идею о том, что выход из Испании обеспечит региону и выход их кризиса.

Ко всем вышеперечисленным предпосылкам добавляется политическая предпосылка – приход к власти в Каталонии националистических сил. В 2010 г. к власти вернулась партия «Конвергенция и союз», которой ориентируясь на радикальные настроения среди населения, отказалась от позиции умеренного национализма и высказала в целом сепаратистские идеи. Правительству Артура Маса (лидер «Конвергенции и союз») удалось не просто поддерживать сепаратистские настроения среди населения, но и создавать все новые условия для обострения отношений между центральными и региональными властями.

На современном этапе отношения между испанскими и каталонскими властями переживают трансформацию. Для проведения более подробного анализа специфики взаимоотношений между испанским государством и автономной областью Каталония было решено воспользоваться методикой ивент-анализа. Для наглядности и удобной интерпретации, автором были составлены тематические кластеры сообщений, включающие в себя вербальные и невербальные действия. Также особенностью проведенного анализа является присвоение каждому элементу-сообщению статуса «положительной» или «отрицательной» коннотации.

Под положительной коннотацией понимаются действия ориентированные на сотрудничество (переговоры, встречи) действия в рамках испанского законодательства. Действия односторонние, вызывающие усиление конфликта и порождающие конфронтацию причисляются к действиям с отрицательной коннотацией.

Были выделены следующие тематические кластеры:

1. Правовые основы:

- а) Институты;
- б) Законодательная инициатива;
- с) Законы и постановления

2. Публичная сфера:

- а) Финансовые вопросы;
- б) Встречи и переговоры;
- с) Интервью и предложения

По результатам ивент-анализа деятельности каталонских властей было выявлено, что происходит трансформация существующих институтов, наделение их большими полномочиями, по сравнению с институтами остальных автономных областей. Создание в структуре министерства финансов налоговой службы, Общественного банка Каталонии является показателем стремления ка-

талонских властей обеспечить себе финансово-экономическую свободу от Испанского государства.

Большая часть законов и постановлений, выдвинутых законодательных инициатив направлена на создание юридической базы для проведения легальных выборов, которые не могли бы быть в итоге аннулированы испанскими властями.

В связи с тем, что финансово-экономические вопросы являются давним предметом спора и пересечением интересов центра и автономии, были выделены следующие сюжеты: стремление Каталонии остаться в зоне евро после обретения независимости; конфликт, вызванный отказом парламента Испании одобрять бюджет Каталонии; требования перечислить обещанные вливания в инфраструктуру Каталонии.

На встречах с центральными властями представители каталонских властей активно призывают обсудить вопрос о праве самоопределения народа, предоставлении права народу высказаться, при этом не отвергается возможность достижения договорённости, в случае, если центральные власти смогут найти альтернативные пути развития событий.

Вторая часть ивент-анализа посвящена оценке реакции центральных властей Испании на действия правительства Каталонии. В ответ на децентрализацию, порождаемую действиями региональных властей испанские власти приняли решение сократить полномочия автономий и выбрали путь централизации государства автономий. Тем самым испанские законодатели пытались решить две задачи – попытаться удержать Каталонию в составе Испании и предотвратить возникновение сепаратистских настроений среди региональных элит других автономий.

Негативно оценивается нежелание правящей народной партии во главе с Мариано Рахоем обсуждать возможность реформирования государства автономий. Действия центральных властей, отвергающих проекты реформирования государственно-территориального устройства Испании, можно объяснить нежеланием идти на уступки сепаратистам и опасениями вызвать волну новых политических требований со стороны других автономий.

Подводя итоги, можно говорить о том, что новые экономические институты, создаваемые автономной областью Каталония, представляют собой базу для получения дополнительных полномочий, а законы и законодательная инициативы – институциональную основу для осуществления новых функций и полномочий регионов. Экономическая сфера представляет собой столкновение финансовых требований правительства Каталонии, выраженных в увеличении финансового субсидирования региона и уменьшения налогов и попыток центральной власти сохранить монополию на контроль за налоговой и экономической политикой автономий.

Исходя из анализа развития взаимоотношений центра и автономной области Каталония, можно сделать вывод о том, что трансформация отношений между регионом и центром происходило в несколько этапов. Начальные этапы взаимодействия характеризуются поступательным развитием и эволюцией требований в зависимости от политической конъюнктуры. Современный этап представляет собой модель отношений торгова в рамках, которой регион использует сконструированный сепаратизм в качестве инструмента расширения автономии и получения политической преференции.

Волчкова О. О.

ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗАЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕНГРИИ

Тема концентрации власти вокруг лидеров в демократических политических системах отнюдь не нова. Изменение партийного лидерства, расширение круга формальных и неформальных полномочий глав правительств – эти процессы характеризуют в настоящее время развитие европейских парламентских республик. Изучение президентализации парламентских систем является крайне актуальным, так как процесс президентализации отражает динамику развития политической системы государства, позволяет проследить трансформацию формы правления и изменение политического режима.

Термин «президентализация» не имеет однозначной трактовки в академическом сообществе. Ряд исследователей связывают президентализацию с персонализацией власти⁹, что представляется сужением концепта. Президентализация включает в себя как формальные, так и неформальные проявления усиления позиции главы исполнительной власти. Учитывая сложность специфики, было уточнено понятие «президентализация».

Президентализация – это процесс трансформации политической системы, характеризующийся тем, что центральным субъектом политики становится автономный политический лидер, который обладает большим объемом формальных и неформальных полномочий и оказывает прямое влияние на все аспекты политической жизни страны.

Президентализация, как сложный политический процесс, может происходить в различных условиях. Исходя из опыта деятельности парламентских режимов, были выделены следующие формы президентализации: «Конституционная президентализация»; «Неформальная президентализация»; «Кризисная президентализация». Также процесс президентализации характеризу-

© Волчкова О.О., 2015

⁹ Heffernan, R. Cameron as Prime Minister: The Intra-Executive Politics of Britain's Coalition Government / R.Heffernan, M.Bennister // Parliamentary Affairs. 2012. №65. P. 781

ется рядом признаков, наличие или отсутствие которых позволяет говорить о существовании данной тенденции и степени её развития:

- 1) Рост ресурсов и автономии главы исполнительной власти;
- 2) Усиление влияния политического лидера на деятельность партии;
- 3) Усиление роли партийного лидера в электоральном процессе.

Все три признака президенциализации, отражающие формальные и неформальные аспекты данного процесса, прослеживаются в динамике развития современной Венгерской политической системе. Обоснованием выбора Венгерского кейса служит ряд обстоятельств. Во-первых, в отечественной политологии на настоящий момент крайне мало академических исследований, посвященных институциональным трансформациям в молодых демократиях стран ЦВЕ, во-вторых – изменение конституции Венгрии в 2012 г. повлекло за собой существенные изменения в соотношении политических сил.

В 2010 г. на парламентских выборах конституционное большинство получила национально-консервативная партия ФИДЕС, а председателем правительства стал ее лидер-основатель – Виктор Орбан. Он же инициировал начало национальных консультаций и подготовки проекта новой Конституции. Используя методику индексного анализа форм правления, был установлен тот факт, что по конституции 1949 г., дополненной многочисленными поправками, Венгрия являлась парламентской республикой, новая «Конституция Orbana» установила в стране систему сбалансированного полупрезиденциализма. Существенно расширились полномочия премьер-министра и президента страны, которым на настоящий момент является ставленник В. Orbana – Я. Адер. В свою очередь существенно ослабили позиции парламента, что говорит об изменении соотношения политических сил в пользу исполнительной ветви власти.

В 2011 г. была также проведена реформа внутри партии ФИДЕС, в результате которой В. Орбан был назначен бессменным президентом партии, определяющим все направления ее деятельности, также упразднен совещательный совет партии. Данное обстоятельство отражает усиление влияния политического лидера на деятельность ведущей партии.

Еще один неформальный аспект президенциализации – усиление роли партийного лидера в электоральном процессе, был проанализирован с помощью методики дискурс-анализа. Для проведения дискурс-анализа были выбраны две речи премьер-министра Венгрии В. Orbana: выступление на XXV съезде партии ФИДЕС; ежегодное официальное обращение к нации от 22 февраля 2013 г.

В рамках анализа выступления перед делегатами партии было установлено, что Орбан стремится подчеркнуть свое единство с партией, создать психологический эффект доверия. В рамках манипулятивной риторики, Орбан обращается к делегатом с призывом – «мы должны победить!». Ассоциируя себя с лидером нации, оратор сливает позиции субъекта и объекта дискурса, выступая от имени венгерского народа – «Венгерские люди не хотят быть слугами Евро-

пы!»; «Венгерский народ свободный народ!»; «Мы не позволяем никому диктовать нам!» Последние фразы являются кульминацией выступления, на уровне восприятия сливаются все три стороны дискурса – «оратор», «партия», «нация». Это создает у аудитории эффект полного отождествления интересов, психологически создает уверенность в том, что субъект дискурса уверен в своих словах и действиях.

Анализ обращения к нации в прямом эфире раскрывает иной смысловой акцент президециализации власти премьер-министра. На протяжении всего повествования Орбан соединяет свою позицию с позицией вторичного субъекта дискурса – правительства Венгрии, от имени которого он также выступает. У слушателей создается впечатление, что правительство – это и есть один Орбан, и все достижения работы кабинета позиционируются исключительно с личностью премьер-министра. Орбан не вводит иных субъектов повествования, замыкая интерес слушателей на собственной позиции и оценке. В результате, можно говорить о том, что речи В. Орбана можно расценивать не только как дискурс политического лидера, позиционирующего себя вождем, но и как личности, определяющей и полностью контролирующей деятельность государственных институтов.

Таким образом можно сделать вывод о том, что в современной Венгрии идет процесс президециализации парламентской системы, который имеет как формальные, так и неформальные проявления.

Список источников и литературы:

1. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.
2. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. №1. С. 43–48.
3. Тарасов И.Н. Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе / под ред. А.Н. Николаева; Саратов. гос. социал.-экон. ун-т. Саратов, 2009. 288 с.
4. Poguntke T. The presidentialization of politics : a comparative study of modern democracies / T.Poguntke, P.Webb. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 361 p.
5. Prime-minister speech on party Congress [Электронный ресурс] / Dr. Orbán Viktor miniszterelnök. URL: <http://www.miniszterelnok.hu/> – проверено 31.03.2014.
6. The fundamental law of Hungary [Электронный ресурс] / Website of the Hungarian Government. URL: <http://www.kormany.hu/en> – проверено 31.03.2014.
7. Victor Orban regular state-of-the nation speech [Электронный ресурс]. URL: http://www.miniszterelnok.hu/in_english_article/viktor_orban_held_his_regular_state-of-the-nation_speech – проверено 31.03.2014.

РОССИЙСКОЕ ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО: СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

В статье рассматриваются отечественные исследования власти и влияния в городских сообществах, специфика исследовательских подходов, применяемых в России. Так же проанализированы проблемы, с которыми сталкивается российский исследователь в процессе реализации своих проектов.

Изучение власти и влияния в различных городских сообществах является, пожалуй, наиболее развитым направлением социологии власти. Городские сообщества являются лишь одним из многих локусов власти, поскольку спектр властных отношений крайне вариативен и проявляется в самых различных формах социальной жизни.

Начиная с 1920-х гг., проведены сотни исследований; в них использовались различные модели и объяснения распределения власти, обобщён гигантский эмпирический материал. В 1950-е гг. исследования власти вышли за пределы США.

К изучению власти в локальных сообществах отечественные исследователи подключились лишь в последнее десятилетие. В силу существующих в России условий, только в 1990-е гг. появляется местная региональная политика. Система жёсткого идеологического контроля пала и открыла большие возможности для исследователей.

В процессе институционализации отечественной политической науки возникла политическая регионалистика, ставшая одним из успешно развивающихся отраслей политического знания.

Особое внимание уделялось изучению региональных элит, анализу федеративных отношений и местного самоуправления. Следует отметить, что региональные исследования в России преобладают над городскими, что заметно отличается от практики исследований в Европе и, особенно, в США, где именно город стал основной территориальной единицей исследования [2, с. 84]. Это связано с тем, что акторы регионального масштаба являются главными игроками локальной политики России, от них же собственно зависят и городские проблемы.

В изучение власти и элит на субнациональном уровне существует проблематика, которая во многом совпадает с проблематикой исследований в США и в Европе, но также имеет и отличительные черты.

В ряде исследований основное внимание уделялось выявлению лиц, обладающих значительным влиянием в регионах. Наиболее масштабным исследованием такого рода стал проект «Самые влиятельные люди России-2003». Предметом изучения стали лица, непосредственно и публично влияющие на экономику и политику. Исследование показало, что наиболее заметной тенденцией эволюции состава региональных политических элит после 2000 г. стало массовое вхождение представителей бизнеса во властные структуры и фактическое слияние политической и экономической элит [2, с. 85]. Наиболее заметная тенденция, нашедшая отражение в ответах экспертов, – появление значительно числа выходцев из силовых и специальных структур [4].

Плодотворно работают исследовательские группы, возглавляемые В. Гельманом. Проекты опираются на солидарный теоретический фундамент и модели, синтезирующие международный опыт изучения городских режимов и особенности российского социального, политического и культурного контекстов. Эмпирические исследования проводились на уровне города и региона; первые исследования затрагивали период 1990-х гг., в более поздних исследованиях были изучены текущие состояния и тенденции развития городских режимов, что позволило сделать интересные сравнения локальных политических практик на разных этапах развития политической системы российского общества [2, с. 87].

В 2009 г. в России под его руководством был проведён проект «Власть и управление в крупных городах России». Команда Гельмана адаптировала Стоуновскую классификацию для российского контекста, выделила городские режимы характерные для России. Они определили, что существующий ранее авторитарный режим определил характер становления и развития локальных режимов, что сильно отличается от условий становления и развития городских режимов на Западе. Для режимов в городах России очень важным стал момент проведения муниципальных реформ в 1990-е гг. и контрреформы 2000-х. Ведь в результате были сформированы органы местного самоуправления, проведены выборы мэров, да и механизмы управления в ряде городов поменялись. Разнообразие городских режимов в России можно объяснить различиями в территориально-географическом положении, размерами городов, то, какое они место занимают социально-экономическом плане, тоже играет очень важную роль. Так же их исследование показало, отсутствие какого-либо одного преобладающего локального режима. В отдельных городах были обнаружены режимы, которые можно сопоставить с американскими или европейскими. Тенденция усиления роли бизнеса в городах с крупными предприятиями подтвердилась. Однако в большинстве своём в российских городах велика роль администрации [1, с. 53–62].

Исследователи состава региональных и городских элит нередко ограничивались представителями административно-политической элиты, уделяли вни-

мание роли номенклатуры. К примеру, Д. Сельцер раскрывает тенденции развития позднесоветской номенклатуры и её политическую трансформацию в постсоветский период. Предметом его исследований в 2006 г. стала политическая трансформация номенклатурной организации власти в России на субрегиональном уровне. Кстати говоря, одним из рассматриваемых им регионов РСФСР была национальная республика Мордовия, ранее являющаяся Мордовской АССР. Он рассмотрел эволюцию руководящих органов в течение двух десятков лет. Одним из его выводов стало то, что после развала СССР, когда КПСС уже перестала существовать, в 1991–1996 гг. властные органы по-прежнему рекрутировались по номенклатурному принципу, а после первого цикла выборов от этой модели стали отказываться. И уже к 2005 г. время номенклатуры окончательно ушло [5].

В ряде исследовательских проектов изучение состава элит и их базовых социальных, профессиональных и статусных характеристик сопровождаются обстоятельным анализом их ценностных ориентаций и идеологических предпочтений [2, с. 86]. Так же уделялось внимание изучению взаимоотношений между основными акторами региональной и городской политики и локальных политических режимов.

В 2007 г. А. Чирикова выполняет свой проект под названием «Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики: региональная проекция». В нём она рассматривает практику участия бизнеса в различных благотворительных акциях и степень привлечения государства к этому процессу. Если в Америке государство ограничивается правовым и налоговым регулированием, то в России оно стремится навязать кому угодно свои социальные обязательства. И она приходит к выводу, что для России не характерно присутствие единой модели взаимодействия государства и бизнеса [6].

Изучение политических процессов в малых городах в настоящее время становится самостоятельным направлением политологического исследования во многом благодаря активности пермских политологов Олега Подвинцева, Петра Панова и др.

В силу специфического характера российского общества многие авторы предпочитают использовать «универсальное» определение политического режима, не связывающее его с чётко очерченным набором конкретных характеристик, что, по их мнению, расширяет возможности классификации режимов. В отличие от США, Западной Европы, где демократическая практика имеет длительные традиции, в России региональные политические процессы, как и политические процессы на федеральном уровне, имеют сильную авторитарную составляющую.

Траектории функционирования и развития российских городских режимов принципиально отличаются от режимов в американских и европейских го-

родах, поскольку «там работает другая институциональная логика». Современные западные режимы существуют в условиях политической конкуренции, заставляющей местных политиков действовать и в интересах тех или иных групп городского населения, а невозможность нарушать право частной собственности даёт собственникам мощный ресурс влияния на власть. В авторитарных режимах «главный интерес локальных политиков и чиновников заключается в получении «сверху» назначения на должность и сохранении её в обмен на реализацию целей режима»; при этом «власть может использовать ресурсы частного бизнеса, принуждая частично передавать их в её руки» [3, с. 66–71].

Таким образом, на сегодняшний день в отечественной политической науке уже сложились отдельные направления изучения власти на субнациональном уровне. Но они встречают на своём пути ряд проблем. Одной из них является то, что изучаемая исследователями среда носит закрытый характер. В России это выражено особо остро в силу ментальности правящего класса, политико-культурной специфики и, особенно из-за властных практик, выходящих за пределы правового пространства. Для того чтобы получить необходимые характеристики власти, исследователи вынуждены обращаться к представителям отечественной элиты, брать у них интервью, однако они отказываются его давать.

Другой проблемой является недостаточность у исследователей имеющихся ресурсов. Учёные сами иницируют свои исследования. Система государственных заказов в России практически отсутствует.

Ещё одна проблема, это отсутствие доступа к базам данных, зарубежным источникам по необходимым тематикам исследований. Серьёзные научные контакты налажены мало.

В силу этих и других трудностей, степень изученности власти остаётся недостаточной, а в целом уровень развития данной отрасли познания в России пока уступает тому, который достигнут в США и Западной Европе. Однако общая тенденция её развития и уже полученные результаты позволяют надеяться на дальнейший прогресс.

Список источников и литературы:

1. Гельман В. Власть и управление в крупных городах России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53–62
2. Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
3. Рыженков С. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. №2. С. 66–71

4. Самые влиятельные люди России – 2003 / науч. ред. О.В. Гельман-Голутвина. М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. 696 с.

5. Сельцер Д. Г. Политическая трансформация номенклатурной организации власти в России (субрегиональный уровень), 1985–2005: дис. ... д-ра полит. наук / Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 452 с.

6. Чирикова А.Е. Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики. М.: Независимый институт социальной политики, 2007. 104 с.

Соколова Н. В.

ПОЛИТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Этническая принадлежность играет большую роль в самых разных сферах жизни людей. Зачастую данный фактор имеет значение и в политической сфере, например в распределении политических позиций. Особенно актуальна эта проблема в этнических территориальных автономиях, так как сам статус такой автономии будет предполагать, что этнические группы имеют доступ к властным позициям.

Тогда возникает вопрос: каковы механизмы доступа этнических групп к властным позициям?

В таком случае, важно обратиться к концептуализации понятия территориальной этнической автономии, что возможно осуществить с помощью обращения к следующим терминам: «автономия» и «территориальная автономия». «Автономия» чаще всего определяется с помощью таких понятий как «самоуправление», «самоорганизация», «саморегулирование» и другие. К тому же, важно отметить, что существование автономного субъекта рассматривается в рамках государства.

Определяя автономию территориальных сообществ, *М. Веллер* и *С. Вольф* подчеркивают, что осуществление ее функций происходит в полном соответствии с правовым порядком государства.

Немало важно указать, что в нашем случае, речь пойдет об автономии социальных групп.

Таким образом, можно сказать, что автономное состояние группы предполагает наличие особого статуса, который способствует объединению членов группы в автономную единицу.

В таком случае, наличие особого статуса подразумевает определение неких границ данной группы.

Относительно этнической территориальной автономии границы группы будут определяться в соответствии с двумя признаками:

1. Принадлежность к определенной территории. (Концептуализируя понятие территориальной автономии, *Т. Бенедиктер* определяет ее как «территориальную единицу с особым статусом, позволяющим населению данной территории регулировать собственные дела через автономные институты законодательной, исполнительной и судебной власти». *М. Акнер* также предлагает понимать под территориальной автономией «географически определенную область, отличающуюся от других территориальных единиц в данной стране и получившую особый статус с законодательными и/или административными полномочиями».)

2. Этнический признак. Т.е. наряду с территориальными границами существуют и этнические. (Определяя этническую группу, *С. Вольф* ссылается на общность происхождения и исторической памяти ее членов.)

Таким образом, определение этнических территориальных автономий предполагает несколько ключевых атрибутов: 1) самоуправление; 2) особый статус; 3) «привязка» к этнической группе.

Очевидно, что в данной работе нельзя не затронуть вопрос о доступе этнической группы к властным позициям в этнической территориальной автономии, который во многом зависит от демографической ситуации: как пересекаются границы этнической и территориальной группы? Их соотношение, разумеется, может быть разным. Гипотетически возможен вариант, когда границы этих групп полностью совпадают, но это можно представить лишь в качестве идеально-типической модели. В реальности обнаруживается два отклонения: 1) не все члены этнической группы проживают на данной территориальной автономии, 2) не все жители данной территориальной автономии принадлежат к одной этнической группе.

Таким образом, в зависимости от степени отклонения будет определяться степень доступа этнической группы к властным позициям в этнической территориальной автономии.

Для того, что бы объяснить региональные различия относительно распределения политических позиций между этнокультурными группами в российских этнических территориальных автономиях необходимо рассмотреть проблему политического признания этнокультурных различий при распределении политических позиций.

В качестве гипотезы, можно предположить, что распределение властных позиций в этнических территориальных автономиях между этнокультурными группами будет зависеть:

1. В первую очередь, от этнической структуры населения, так как особое значение имеет вопрос о том, как пересекаются границы этнической и территориальной группы.

2. Специфики этнических групп (различия в расовом типе, языке, религии).

3. Уровня социально-экономического развития.

Список источников и литературы:

1. Benedict T. Solving ethnic conflict through self-government. A short guide to autonomy in South Asia and Europe. Bolzano, 2009.

2. Benedict T. World modern autonomy system. Concepts and experiences of regional territorial autonomy. Bolzano, 2008.

Николаев А. В.

ОТДЕЛЕНИЯ РУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В г. ТЮМЕНЬ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНТЕРЕСОВ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Сегодня общественные и политические движения и организации являются одними из основных способов консолидации граждан и выражение интересов тех или иных социальных групп.

На сегодняшний день в Тюмени насчитывается несколько десятков объединений, выражающие социальные представления различных категорий населения города. Объединения различаются по представителям социального слоя и категории граждан, национальности, вероисповедания; по степени отношения к государству и радикальности; по идеологии, положению и проводимым мероприятиям объединения.

На основании вышесказанного объектом исследования являются общественные и политические организации и движения в г. Тюмень. В рамках указанного объекта, предметом исследования выделяется общественная деятельность и заявления активистов русских национальных организаций. Данный предмет исследования обосновывается преобладанием русского населения в г. Тюмень.

Целью исследования стало выявление социального представления об идеальном устройстве мира. Это обосновывается тем, что именно представления активистов объединений ложатся в основу действий самого объединения. Поэтому необходимо изучение данного вопроса.

Для реализации поставленной цели необходимо решения ряд задач.

1. Выборка среди общественных и политических организаций и движений в г.Тюмень приверженцев русской национальной идеологии. В связи с тем, что идеология организаций, действующих в Тюмени самая разнообразная, необходима выборка среди них, приверженцев русской национальной идеологии.

2. Выявление представлений активистов отделений организаций. Так же не менее интересным представляются и представления лидеров и самой организаций, в том случае, если сеть организации распространяется и за территорией Тюмени.

3. Выяснение целей и задач отделений организаций. По возможности, представляется необходимым выяснение целей и задач самой организации.

Данный аспект вызывает интерес в том случае, если организация имеет свои отделения в других городах.

4. Выявление преград для реализации своих целей. В зависимости от того, какие преграды организации видит перед реализацией своих целей, организации зачастую определяют характер своих действий и их причины.

5. Выявление видения способов преодоления преград. От того, какие пути реализации своих целей выберет организация, также будет определяться характер действий организации.

6. Определить, каким образом указанные группы оценивают социальную ситуацию, особенно в межнациональном плане, в г.Тюмень.

Национальная идеология в энопсихологическом словаре В.Г. Крысько определяется как:

1) система взглядов, представлений, ценностей, основанных на принципах духовного единства, общности нации и приоритета ее интересов во всех сферах общественной жизни;

2) форма национального самосознания и одновременно процесс самопознания и развития национально-культурной самобытности [1].

Все общественные движения, сформированные по этническому критерию, в основе своей идеологии ставят национальную идеологию. Национальные идеологии, опираясь на свою значительную мобилизующую силу, играют большую роль в современной общественно-политической жизни. В зависимости от проводимых мероприятий, идеологии, программного положения, данные объединения могут носить умеренный, радикальный или экстремистский характер.

Зачастую национальная идеология становится основой для формирования национализма в обществе.

Говоря о русской национальной идеологии, мыслители имеют значительное расхождение. А.И. Солженицын считал главной национальной идеей для русского народа – сбережение народа [2]. В свою очередь, Ю. Нестеренко утверждает, что «Русская национальная идея есть идея европейская – в ее истин-

ном... смысле... Россия должна вернуться в семью европейских народов, и не в качестве бедного родственника, а в качестве лидера, спасающего цивилизацию от внутреннего вырождения и внешней азиатской угрозы; обеспечить это лидерство должно развитие интеллектуального и научного потенциала» [3].

Русские национальные организации, в основной своей массе, в Тюмени выбирают идеологию русского национализма. При этом сами националисты русский национализм определяют как движение, обусловленное национально-освободительной борьбой с целью консолидации русского народа [4].

Наиболее регулярную активность в городе Тюмень проявляют следующие объединения: «Русские пробежки» и «Славяне», а также в городе Тюмень имеются отделения таких организаций как «Сопrotивление» и «РНЕ». Именно их уставы, идеологии и программные положения стали основой рассмотрения в ходе исследования.

«Русские пробежки». Целью данной организации является «Собственным примером, публичными занятиями спортом донести до каждого члена общества, что ЗОЖ, спорт и трезвость – это должная норма жизни. Употребление алкоголя, табака, других наркотических средств, а также иные проявления современной жизни человека активно, а также непоправимо вредящие здоровью, созданию семьи, рождению здоровых детей осуждаемы и неприемлемы» Объединение регулярно (раз в 2 недели) проводит пробежки в Тюмени, а также иные мероприятия спортивного характера [5].

«Славяне». Объединение в городе Тюмень, позиционирующее себя как патриотическая группа, объединяющее в своей основе славян. В группе имеются правила поведения, запрещающие проявление агрессии, нецензурной брани, распространение фашистских и нацистских лозунгов и символик. Объединение проводит регулярные мероприятия, спортивного, культурного, благотворительного характера [6].

«Сопrotивление». Движение стремится к переустройству общества в сторону его духовного и физического оздоровления, социальной справедливости. Движение активно пропагандирует здоровый образ жизни и массовый спорт как залог успеха в укреплении духа и здоровья соотечественников. В качестве одной из важнейших задач движение определяет развитие и популяризация именно массового спорта [7].

«Русское Национальное Единство (РНЕ)» позиционирует себя как Всероссийское общественное патриотическое Движение Русской Нации (Русского Народа), основанное на принципах Православной традиции и Русской национальной идеологии. Главной целью движения является обеспечение достойного будущего русской нации, а на современном этапе – возвращение русской нации утраченных в 20-м веке геополитических позиций и определяющей роли в мировой истории [8].

Список источников и литературы:

1. Крысько. В.Г. Этнопсихологический словарь. — М.: МПСИ. 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://ethnopsychology.academic.ru/229/национальная_идеология.
2. Солженицын А.И.: национальная идея – сбережение народа [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/06/11/a_i_solzhenicyn_nacional_naya_ideya_-_sberezhenie_naroda/.
3. Нестеренко Ю. О русской национальной идее [Электронный ресурс]. URL: <http://yun.complife.ru/miscell/rusidea.htm/>.
4. Сайт «Славянский союз. Национал-социалистическое движение». Уроки русского национализма. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.demushkin.com/content/articles/254/1969.html>
5. Устав и концепция развития русских пробежек. г. Тюмень. [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/topic-24237399_27039638.
6. Группа «Славяне-Тюмень» [Электронный ресурс] // URL: http://vk.com/slavyane_tyumen.
7. Сайт «Сопrotивление» [Электронный ресурс]. URL: <http://soprotivlenie.ws/articles/ideya/306/>.
8. Сайт «ВОПД РНЕ». Основы социально-политической концепции ВОПД РНЕ. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnation.org/org.shtml>.

Турченко М. С.

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЪЯСНЕНИЕ ВАРИАЦИЙ (2003–2013)

В результате избирательной реформы 2002–2003 гг. все российские регионы, начиная с июля 2003 г., должны были избирать не менее половины состава своих законодательных органов по пропорциональной избирательной системе. Поскольку подавляющее большинство субъектов никогда пропорциональную систему не использовало (ни в качестве самостоятельной системы, ни в комбинации с другими электоральными формулами) им предстояло решить сложную задачу выбора основных характеристик, присущих этой избирательной системе, с чистого листа.

В частности, регионам следовало решить вопрос об установлении определённых значений заградительных барьеров, преодоление которых необходимо политическим партиям для участия в распределении депутатских мандатов. Находясь в одинаковых условиях, регионы, тем не менее, значительно отличались друг от друга в своём институциональном выборе. При этом те заградительные барьеры, которые были приняты ими для выборов депутатов в рамках первого цикла региональных выборов после старта реформы (декабрь 2003 – октябрь 2008) изменились ко второму циклу (декабрь 2007 – сентябрь 2013). В чём состояли причины кроссрегиональной вариации заградительных барьеров?

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос была использована теоретическая рамка неоинституционализма рационального выбора, а в качестве научного метода избрана статистика.

Зависимыми переменными исследования были избраны значения заградительных барьеров, установленные для выборов депутатов региональных парламентов в период первого и второго цикла выборов по новым «правилам игры». При этом под величиной заградительных барьеров понимались значения эффективных заградительных барьеров. Их использование позволило оставить в работе случаи автономных округов, так как некоторые из них (Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский) легальных заградительных барьеров не имели. В тех субъектах, где величина легального заградительного барьера была выше величины эффективного, использовался первый показатель (в первом цикле региональных выборов по «новым правилам» эффективный заградительный барьер оказался больше легального в десяти субъектах, во втором – только в двух).

В попытке объяснения причин кроссрегиональной вариации заградительных барьеров было сформулировано несколько гипотез, общих для первого и второго цикла региональных парламентских выборов. Согласно первой гипотезе, заградительные барьеры оказывались выше в тех регионах, где были сильны позиции партии «Единая Россия» (UR03). Переменная, отражающая силу «партии власти», была операционализована через процентную долю голосов, отданных ей в каждом из регионов на федеральных парламентских выборах 7 декабря 2003 г.

Вторая гипотеза, относительно причин вариаций в значениях заградительных барьеров, касалась связи губернаторов с «партией власти». Заградительные барьеры, как предполагалось, будут выше в тех регионах, где такая связь имела место. Переменная, отражавшая связь глав субъектов с «Единой Россией», была операционализована, отталкиваясь от того факта, возглавлял ли губернатор список партии на соответствующих региональных выборах или нет (Gov_UR).

Третья гипотеза касается влияния федеральной власти на региональные заградительные барьеры. В период с конца первой половины 2000-х гг. в России начался период установления режима электорального авторитаризма. Одним из следствий этого процесса было ограничение политической конкуренции. Поскольку высокие заградительные барьеры оказывают сдерживающее воздействие на развитие партий и ведут к высокой диспропорциональности электоральных исходов, их повышение – рациональная стратегия правящей элиты, стремящейся если не к искоренению политической оппозиции, то к ограничению в её отношении структуры политических возможностей. Переменная, отражающая эту гипотезу, была операционализована годом проведения выборов (Year).

В качестве четвёртой была выдвинута гипотеза о том, что значения заградительных барьеров зависели от степени демократичности региональных политических режимов. Переменная, отражавшая эту гипотезу, была операционализована в «индексе демократичности», построенном по алгоритму, предложенному Т. Ванханеном (ID).

Пятая гипотеза состояла в том, что значения заградительных барьеров были тем выше, чем выше была степень этнической гетерогенности субъектов. Переменная для этой гипотезы была выражена в индексе «эффективного числа этнических групп» (Ethnic_eff)

Наконец, последняя гипотеза касалась того, что значения заградительных барьеров зависели от величины пропорционального округа. Эта гипотеза была операционализована в количестве депутатов, избравшихся в региональные парламенты в единых общерегиональных избирательных округах (PR).

В качестве контрольных были выдвинуты переменные «доля сельского населения» (Country) и «численность избирателей» (Voters).

Результаты статистического анализа приведены в таблицах 1 и 2 (представлены реализации только уточнённых моделей).

Таблица 1

Реализация модели множественной линейной регрессии для проверки гипотез о факторах, повлиявших на вариации эффективных заградительных барьеров (первый цикл)

Variables	Unstandardised coefficients				Standardised coefficients
	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)	
Intercept	5.42	0.75	7.24	2.37e-10	
Year	0.23	0.10	2.38	0.02	0.23
ID	-0.03	0.01	-1.79	0.08	-0.17
Ethnic_eff	0.85	0.20	4.32	4.39e-05	0.46
PR	-0.06	0.01	-4.22	6.38e-05	-0.48
Voters	0.32	0.13	2.39	0.02	0.27

Multiple R-squared: 0.31, Adjusted R-squared: 0.26

F-statistic: 7.11 on 5 and 81 DF, p-value: 1.48e-05

Таблица 2

Реализация логистической регрессии с преобразованной в дихотомическую зависимой переменной (второй цикл)

Variables	Estimate	Std. Error	z value	Pr(> z)
Intercept	3.77	1.15	3.27	1.08e-03
ID	-0.07	0.04	-1.82	0.07

AIC: 65.451, -2log likelihood: 30.73

McFadden's psuedo-R-squared: 0.05

Подытоживая анализ факторов, оказавших влияние на кроссрегиональные вариации эффективных заградительных барьеров, в период первого цикла региональных выборов по новым «правилам игры» можно говорить о том, что на вариацию барьеров играли три рода факторов. Самыми сильными были факторы, отражавшие структурные характеристики региональных политических и социетальных систем: речь идёт о степени этнической гетерогенности и величине пропорциональных округов. Во-вторых, на размер региональных заградительных барьеров влиял федеральный Центр, предпочитавший более ограничительные электоральные правила в целях облегчения «Единой России» получения большинства во всех без исключения российских регионах. В-третьих, на

вариации заградительных барьеров в первом цикле региональных выборов влиял политический режим, установившийся в самих регионах. Там, где он был менее авторитарным, устанавливались заградительные барьеры, меньше тех, что вводились в регионах с низкими уровнями индексов демократичности.

Поскольку во втором цикле региональных выборов по новым «правилам игры» вариация зависимой переменной была крайне незначительной, модель множественной линейной регрессии оказалась неспособна сколько-либо удовлетворительно объяснить её вариации. Таким образом, зависимая переменная была перекодирована в дихотомическую, а для анализа была выбрана логистическая регрессия. Однако единственное, что удалось получить из этой модели, – подтверждения на 10-процентном уровне значимости гипотезы о связи региональных заградительных барьеров со степенью демократичности региональных политических режимов.

Уманец В. Д.

НОВЫЕ ПАРТИИ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: МЕЖДУ «РЕАЛЬНОСТЬЮ И ВИРТУАЛЬНОСТЬЮ» («ФАНТОМЫ» VS «ДЕЙСТВУЮЩИЕ»?)

Данная работа посвящена исследованию *проблемы*, которая появилась в поле российской политической науки совсем недавно. Целый электоральный цикл в России (до 26 декабря 2011 г.) действовало всего лишь 7 политических партий¹⁰. Теперь, благодаря обновленному ФЗ о «Политических партиях»¹¹ (от 02.04.2012), возникает потребность в знакомстве с новыми политическими организациями. Феномен «новых партий», резкий рост общего количества партий (с 7 до 77¹²) еще не достаточно хорошо изучен. Ключевым исследовательским вопросом становится вопрос о том, как изучать эти новые структуры? В данной работе выбран подход, в соответствии с которым партии анализируются со стороны их саморепрезентации: т.е. оценивается их стремление стать доступнее, донести информацию о себе от первого лица, определяется уровень коммуникационной «дружественности партии» для симпатизанта, потенциального сторонника.

© Уманец В.Д., 2015

¹⁰ Политические партии России. Портал Избирем.ру. [Электронный документ]. URL: <http://www.izbiraem.ru/party> (дата обращения: 26.03.14).

¹¹ Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) "О политических партиях". [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146131/ (дата обращения: 20.12.13).

¹² Министерство Юстиции РФ. Список зарегистрированных политических партий [Электронный документ]. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения 26.03.14).

Целью исследовательской работы являлась классификация новых политических структур/организаций по степени и формам их активности.

Методология данной работы основывается совмещении классических концепций западных авторов и идей Г.Голосова. Весь партийный спектр в современной России можно разделить на «*старые партии*» (a-la преемницы) и «*новые*», появившиеся благодаря обновленному ФЗ о «*Политических партиях*»¹³ (от 01.12.2012). Связь с идеями западных авторов прослеживается в разном уровне развития партий.

На сегодняшний день Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Пермского края равняется 60¹⁴. Однако в рамки исследования попадают лишь 53, поскольку нас интересуют партии, зарегистрированные или преобразованные из общественных организаций с апреля 2012 г.

В ходе работы были собраны и проанализированы данные о сайтах политических партий, их активность в социальных сетях «Вконтакте», «Twitter», «Facebook» с октября 2013 по апрель 2014 г.; проведен эксперимент, направленный на оценку коммуникативной функции партий; проведено сравнение эмблем партий. Также была задействована информация о партиях, собранная на сайте Министерства Юстиции.

Эксперимент в данной работе был основан на одном из критериев, присутствующих в базе данных: наличие телефона регионального отделения. Все партии, у которых был обнаружен номер, получили звонки. Звонивший, представлялся лицом, заинтересовавшимся программой партии и имевшим потенции к вступлению в нее. В ходе беседы задавалось несколько простых вопросов (о месте дислокации, времени работы и возможности вступить).

Полученные данные были использованы для создания индекса оценки репрезентационной деятельности партии. **Сайт** оценивался по 13 показателям (наличие сайта (1/5), указание руководитель местного отделения (1/0), наличие регионального сайта Пермского края (ссылка) (1/0), наличие регионального раздела(1/0), наличие баннер о вступлении в партию(1/0), возможность подать заявку о вступлении он-лайн(1/0), адрес (1/0), телефон (1/0), email (1/0) регионального отделения, наличие партийного символа (1/0), наличие гимна (1/0), наличие баннеров на соц. сети (1/0), частота обновлений сайта (0/ 0,2/ 0,4/ 0,6/ 0,8/ 1)). **Социальные сети** («Вконтакте», «Twitter», «Facebook») по трем: наличие страницы (1/0), количество участников (0/ 0,2/ 0,4/ 0,6/ 0,8/ 1), актив-

¹³ Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) "О политических партиях". [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146131/ (дата обращения 20.12.13).

¹⁴ Министерство Юстиции РФ. Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Пермского края. [Электронный документ]. URL: <http://to59.minjust.ru/node/2465> (дата обращения 26.03.14).

ность со стороны администраторов и участников (0/ 0,5 / 1). Ответ на звонок оценивался в 1 балл.

Все индексы были внесены в таблицу, где была подсчитана итоговая сумма для каждой партии – значение *общего индекса* репрезентационной активности *партии*. Максимальное число баллов, которые могла набрать партия – 27.

Все эти показатели позволяют, во-первых, оценить, говоря языком кибернетических теорий, «дружественность», партии к *симпатизанту*, т.е. потенциальному ее члену. Во-вторых, определяет то, как партия *репрезентует* себя, т.е. как определяет собственный имидж, степень активности в стремлении к взаимодействию (с симпатизантами, потенциальными членами, потенциальными «владельцами», другими партиями и т.д.).

Первоначально были собраны данные о партиях, зарегистрированных до апрельской редакции 2012 г. 95 ФЗ – «старые партии». Показатели для отбора данных были абсолютно идентичны тем, что использовались для отбора информации о новых партиях. В результате были получены значения индивидуальных общих индексов новых партий. Среднее значение общего индекса старых – 22,7.

<i>Партии</i>	<i>Общий индекс</i>
<i>ПАТРИОТЫ РОССИИ</i>	15,1
<i>СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ</i>	23,6
<i>ПРАВОЕ ДЕЛО</i>	23,7
<i>ЕДИНАЯ РОССИЯ</i>	23,8
<i>КПРФ</i>	24
<i>ЯБЛОКО</i>	24
<i>ЛДПР</i>	25

Новые партии. С уровня 17 баллов, партии были отнесены в первую (**синюю**) группу (больше $\frac{3}{4}$ от среднего значения индекса старых партий). Партии, оказавшиеся в промежутке между уровнями в 1,5 и 14 баллов были включены во вторую (**красную**) группу (показатели ниже $\frac{2}{3}$ от среднего значения индекса старых партий). Смысл полученного результата заключается в том, что партии, оказавшиеся в этой группе не занимаются практически никакой деятельностью, направленной на саморепрезентацию и выстраивание коммуникации.

Кроме того, выделена «серая зона», от $\frac{3}{4}$ до $\frac{2}{3}$ среднего значения индекса старых партий, смысл ее выделения в том, что при даже не очень значительном изменении показателей, они могут переместиться или в красную или синюю группы.

Для оценки релевантности полученных индексов был использован метод Wordstat и семантический анализ текстов программ партий.

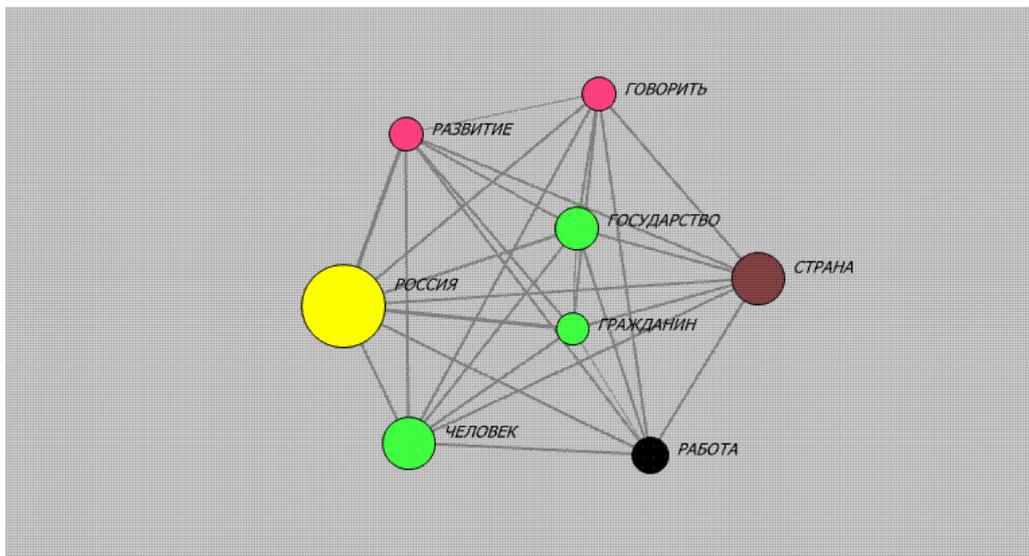
Синяя группа

Гражданская инициатива	17,4
Партия Великое Отечество	18,3
Партия дела	19,2
Трудовая партия России	19,3
Демократическая Правовая Партия	19,4
Воля	21,8
Альянс Зеленых	23
Гражданская Платформа	23
РПР-ПАРНАС	23,2
Родина	24

Семантический анализ текстов программ партий и его графическое представление позволили выяснить, насколько сильна *взаимосвязь между текстом и терминами* в них встречающимися, иначе говоря: логическая связность текста косвенно указывает на осмысленность текста.

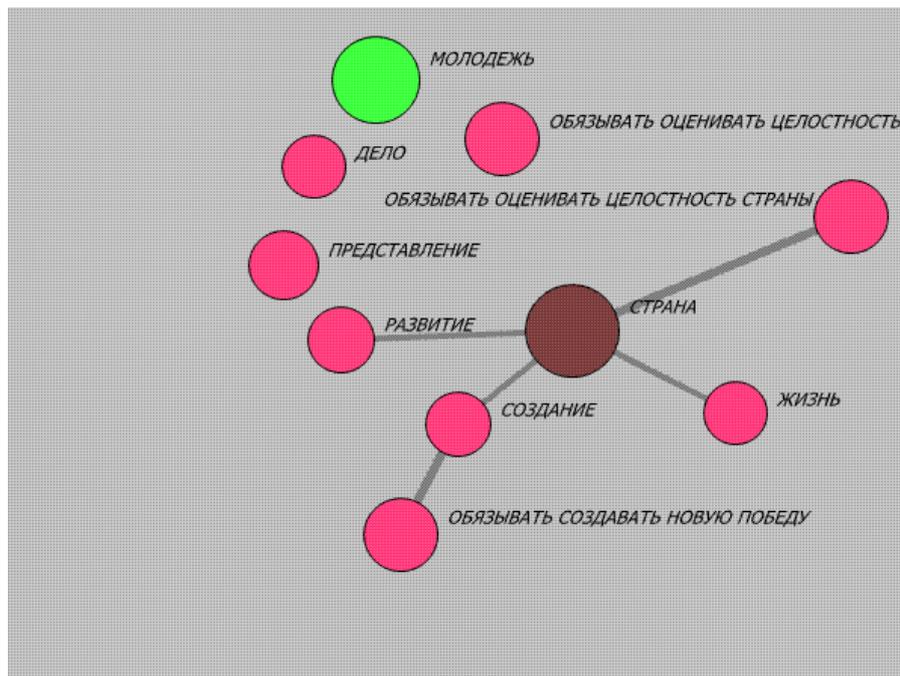
В первой (синей) группе оказались тексты с устойчивыми связями, последовательными корреляциями и ясными терминами.

Партия «Воля»

Во второй (красной) появляются словосочетания, главные члены предложений вместо текста, связи нарушаются или вовсе отсутствуют. Также для этой группы характерны слишком малые объемы текста (до 8000 знаков) – страница. Партий с таким объемом программы 7

Партия «Молодая Россия»

В серой зоне оказались тексты имеющие качественные связи, и те имеют погрешности (не доходящие до фактической девальвации оценки текста с точки зрения семантического анализа).

Метод wordstat позволил оценить потенциал известности партии в регионе. Он оценил количество запросов по слову или словосочетанию, позволив узнать каков уровень популярности партии в поисковой системе «Яндекс»; отразил в табличном виде количество региональных запросов и запросов по городам в определенный отрезок времени.

Приобщение статистических данных (собранных с помощью метода wordstat) тоже подтверждает общую идею: все партии из синей группы имеет более 1000 запросов в месяц. Исключение составляет лишь ДПР (66); высокие показатели общего индекса объясняются популярностью лидера, а не самой партии. (И. Трунов – председатель Президиума коллегии адвокатов). В красной группе большая часть запросов ограничивается 200 в месяц.

В результате, можно попробовать на основе полученных данных можно выделить две группы среди партий, появившихся после новой редакции ФЗ о «Политических партиях»: *фантомы и действующие*.

Первые – партии, которые имеют слабую self-репрезентацию, мало каналов взаимодействия (или не имеют их вовсе), слабую (формальную) программу. Вторые, с активной репрезентацией себя, несколькими работающими каналами взаимодействия, с готовностью поддержать коммуникацию, с целостной с точки зрения смысла программу.

В итоге партийная система в РФ с новыми политическими организациями представляет собой весьма подвижную конструкцию, за которой было бы весьма интересно проследить на федеральных выборах, наблюдая как меняется фантомное поле и увеличивается (а быть может и уменьшается) поле действующих.

Список источников и литературы:

1. Голосов Г. Карьеристы и верующие. [Электронный документ]. URL: <http://www.gramotey.com/books/1269016543.htm>.
2. Дюверже М. Политические партии. [Электронный документ]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Duverg/intro.php.
3. Кац Р., Мэир Изменение модели партийной организации и партийной демократии: Возникновение картельных партий. [Электронный документ] – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kartelnye-politicheskie-partii-osobennosti-vozniknoveniya-i-politicheskogo-uchastiya>.
4. Министерство Юстиции РФ. Список зарегистрированных политических партий. [Электронный документ]. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>.
5. Министерство Юстиции РФ. Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Пермского края. [Электронный документ]. URL: <http://to59.minjust.ru/node/2465>.
6. Политические партии России. Портал Избирем.ру. [Электронный документ]. URL: <http://www.izbiraem.ru/party>.
7. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) "О политических партиях". [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146131/.

Сысоев А. А.

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ СЦЕНАРИЕВ ВЫБОРОВ ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ 2014 г.

В сентябре 2014 г. жителям Воронежской области предстоит выбрать главу администрации. Важной особенностью является то, что это будут первые выборы после возвращения населению права избирать глав региональной власти [3]. На сегодняшний день наблюдается снижение популярности действующего губернатора А.В. Гордеева, несмотря на это его рейтинг остается достаточно высоким, Алексею Васильевичу доверяют порядка 60 % населения (По

данным фонда «Петербургская политика» и Коммуникационного холдинга «Минченко Консалтинг») [5] Исходя из этого, нами были разработаны возможные сценарии развития проблемной ситуации, связанной с выборами главы администрации Воронежской области и проведен SWOT-анализ действующего губернатора остаться на второй срок.

Объект: губернатор Воронежской области.

Предмет: проблемная ситуация, связанная с выборами губернатора Воронежской области.

Цель: спрогнозировать варианты выборов губернатора Воронежской области.

Задачи:

- исследовать современную ситуацию с выборами губернатора;
- формирование представлений о возможных сценариях будущего;
- описание сюжетов настоящего, выявление факторов, влияющих на прогнозируемую ситуацию;
- выработать рекомендации и предложения.

Тип прогноза: краткосрочный (до 1 года)

Методы: сценарный поискового политического прогнозирования, статистический метод, элементы SWOT-анализа, индукция и дедукция.

Мы рассмотрели три варианта развития событий:

Первый сценарий – самый простой: федеральные власти просто освобождают губернатора Алексея Гордеева ещё до выборов, чтобы прозрачности и легитимности стало ещё больше. Впрочем, данный сценарий не только самый короткий, но и самый невероятный. У федерального центра должны быть очень веские причины, чтобы вносить такие серьезные изменения в структуру региональной власти такого региона как Воронежская область. Это связано с относительной политической стабильностью, которую превнес в регион А.В. Гордеев.

Второй сценарий – самый вероятный и наименее интересный. Согласно ему, Губернатор Гордеев, равно как и главный конкурент, а им, скорее всего, станет представитель компартии, без проблем преодолевают так называемый «муниципальный фильтр». В Воронежской области он сейчас составляет 5 %.

Согласно третьему варианту, губернаторские выборы станут нелегким испытанием для действующей в регионе власти. Если все будет развиваться, как сейчас, федеральный центр потребует от регионов ещё более честных и открытых выборов. Губернатору настойчиво посоветуют допустить к выборам не только спойлеров, но и сильных игроков, что потребует задействования значительных ресурсов.

В данном исследовании мы постарались осветить наиболее существенные аспекты предстоящих выборов губернатора Воронежской области 2014. Мы рассмотрели какие факторы могут оказать влияние на исход голосования и рас-

становку политических сил в регионе. Был предложены результаты SWOT-анализа и описание трёх возможных сценариев развития событий. По причине закрытости информации, данные брались в основном из официальных источников и независимых аналитических агентств. В этой связи сложно давать какие-либо рекомендации в условиях столь большой определенности. Однако некоторые советы можно дать уже сейчас:

1. А.В. Гордееву стоит постараться увеличить рейтинг доверия, преодолев тенденцию его падения.

2. Хорошо было бы распорядиться ресурсом поддержки населения, не растеряв до выборов.

3. Постараться не допустить появление конкурентов из числа федеральной элиты.

Подводя итог, стоит отметить, что все эти обстоятельства делают выборы 2014 г. жаркими и непредсказуемыми. Они потребуют от губернатора не только политической воли, но и известной гибкости. Почти уже позабытой в Воронеже, особенно на фоне прошедших выборов мэра. Кстати, о том, насколько Алексей Гордеев умеет быть гибким политиком, мы узнаем в ближайшие месяцы, когда будет ясно покончено ли с «ручным управлением», как обещает новоизбранный глава города Александр Гусев. После утвердительного ответа на них вопрос о легитимности отпадает сам собой.

Список источников и литературы:

1. Барцин И.Н. Показатели эффективности государственного управления. И.Н. Барцин // Власть. 2008. №2. URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.449.php>).

2. Данные Госстат Воронежской области. URL: <http://voronezhstat.gks.ru/default.aspx>).

3. Избирательная комиссия воронежской области. Календарь выборов. 1.1.2014 – 31.8.2014. URL: <http://www.voronezh.vybory.izbirkom.ru/region/voronezh>.

4. Саймон Г. Административное поведение. 1958. URL: http://www.adhdportal.com/book_1039_chapter_53_GERBERT_SAJJMON.html.

5. Тринадцатый рейтинг политической выживаемости губернаторов // Минченко-консалтинг. 14.10.2013.

6. Указ Президента РФ от 26.02.2009 N 225 "О ГОРДЕЕВЕ А.В."

7. Что может помешать губернатору Алексею Гордееву избраться на второй срок?// Константин Чаплин, 11 ноября 2013 «Время Воронежа».

АБСЕНТЕИЗМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? (ПРИМЕР г. УЛЬЯНОВСКА)

Развитие современного общества показывает, что человеческий капитал является наиболее перспективным ресурсом для любого государства. Необходимо также осознавать важность роли именно молодых граждан и их социально-политической активности в реализации государственной политики на всех уровнях власти, так как именно молодежь выступает основным носителем инновационного потенциала.

Актуальность выбранной темы вполне очевидна: будущее России зависит именно от современной молодежи. От того, как молодые люди будут воспитаны сейчас, будет зависеть жизнь поколения в будущем, ведь как гласит народная поговорка «что посеешь, то и пожнешь».

Низкая явка молодежи зачастую воспринимается как постоянное и неизбежное обстоятельство, причем в ходе выборов любого уровня в России. Так, например, отметим рассуждения генерального директора ВЦИОМ В.В. Федорова: он отмечал в целом неожиданно высокий процент явки в молодежной среде на выборы 4 декабря 2011 г., но в свою очередь предположил, что объяснение у этого может быть чисто случайным [9].

На протяжении последнего периода современной истории России исследования свидетельствуют, что молодежь пассивно принимает участие в выборах органов власти. По данным исследования Института социологов РАН за 2009 г., показатель явки на выборы среди молодых россиян составляет 36 % [7]. К схожим выводам об отсутствии активности у молодого электората приходили в ходе специально организованных исследований в молодежной среде О.Ю. Дембицкая [4], М.К. Горшков и В.Ф. Шереги [3], Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко [1] и многие другие авторы. Вывод исследователей един: абсентеизм российской молодежи представляет собой достаточно сложное явление и нельзя выразить его простым утверждением, что молодежь нашей страны старается просто уклониться от участия в выборах.

Данные говорят, что мотивация для неявки на выборы у молодых россиян с течением времени явно изменилась. Так молодежь начала и середины 1990-х гг. часто склонялась объяснять свое нежелание участвовать в выборах отсутствием опыта, неготовностью делать серьезный и обдуманный выбор, проще говоря, боясь ответственности за принятое решение [4]. Уже в конце 1990-х гг. и начала 2000-х гг. появились мнения о принципиальном недоверии к самому институту выборов. В конце 2000-х гг. наиболее важной причиной не-

явки молодежь называла простое безразличие к политическим событиям страны, а также относительную незначимость для себя лично [7].

Согласно данным, предоставленным Ульяновской избирательной комиссией, явка среди молодёжи на последних местных выборах 2012 г. – 5 % [2], на выборах в Законодательное Собрание 2013 г. показала 11 % [5]. Это может свидетельствовать о повышении активности молодых избирателей, но все же процент участвующих увеличивается небольшими темпами, впрочем, этот феномен характерен для всей России в целом.

Что следует сделать в Ульяновской области и в России вообще для привлечения молодых избирателей участвовать в голосованиях? Тех, кто будет впервые голосовать необходимо приглашать персонально (звонок, приглашение, беседа). Сейчас у нас в области высылаются специальные приглашения-открытки для «новоиспеченного» избирателя.

Для увеличения явки избирателей необходимо устраивать зрелищные мероприятия: викторины, конкурсы, встречи со «звездами» для тех, кто уже проголосовал, розыгрыши призов. СМИ также следует использовать, но более грамотно – информация должна быть более доступной и доходчивой, минимальная по длительности реклама о процедуре, о цели голосования, о ценностных смыслах, о праве пассивном и активном – накануне выборов.

Положительно скажется и применение информационно – компьютерных технологий в избирательном праве. Многих привлечет введение электронного голосования, введение интернет-голосования и других форм новых технологий.

В нашей области к решению проблемы аполитичности современной молодежи прибегают разными способами. Так, например, 26 апреля 2013 г. проводился круглый стол под названием «Молодежь и выборы. Как пробудить в современном Обломове гражданина?», организатором выступила Ульяновская городская избирательная комиссия. Среди вопросов, вынесенных на обсуждение: причина низкой политической активности современной молодежи, поиск эффективных методов стимулирования молодежной гражданской активности, самоуправление как основа будущего гражданского общества. Ведущий инспектор Управления образования Администрации города Ульяновска Ольга Герасимова отметила, что в настоящее время во всех общеобразовательных школах города проходят выборы президентов школьных республик и государств [6]. Также у нас в Ульяновской области реализуются программы создания Молодежной Думы с 2011 г. и Молодежного Правительства с 2012 г. [8].

Можно отметить, что неявка многих представителей молодежи на избирательные участки остается серьезной на протяжении всей новейшей истории нашей страны. Однако процессы, стоящие за этим отличаются. Наконец, заметно, что колебания явки молодежи на выборы схожи с таким же отношением в более старших группах, хотя в целом молодежь все равно ходит на избирательные участки заметно реже.

Список источников и литературы:

1. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодёжи: учебник. Екатеринбург, 2006. С. 343–344.
2. Выборы областных депутатов ульяновцам мало интересны. URL: <http://ulgrad.ru/?p=110060>.
3. Горшков М.К., Шереги В.Ф. Молодёжь России: социологический портрет. М., 2010. С. 134.
4. Дембицкая О.Ю. Электоральная активность молодёжи // Социологические исследования. 1996. №12. С. 117.
5. Итоги муниципальных выборов URL: <http://ulyanovsk.izbirkom.ru/news/sx/art/1006608/cp/457/br/938180.html>.
6. «Молодежь и выборы. Как пробудить в современном Обломове гражданина?» URL: <http://ulyanovsk.izbirkom.ru/way/938185/sx/art/1019003/cp/271/br/938180.html>.
7. Молодёжь новой России: ценностные приоритеты. Доклад ИС РАН. Раздел 5. «Молодёжь и политика». URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_1.html.
8. О создании Молодёжного правительства Ульяновской области. URL: <http://law.ulgov.ru/news/6724.html>
9. Федоров В.В. Средний класс выходит из окопов. URL: <http://wciom.ru/index.php.?id=195&uid=112310>

Попов Г. С.

ДЕТИ В ВОЗРАСТЕ ОТ 3 ДО 8 ЛЕТ И ПОЛИТИКА: РОЛЬ, ВЛИЯНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Актуальность данной работы обусловлена рядом причин. Во-первых, проблема детского фактора в политике не является полностью изученной. Во-вторых, дети являются объектом политических манипуляций, по причине того, что детское сознание еще не сформировано окончательно, нет опытной базы, нет способности мыслить рационально. Дети – та аудитория, на которую легче всего влиять, но и это еще не окончательный результат. Повлияв на детей, политик может рассчитывать на то, что дети, в свою очередь будут пытаться повлиять на своих родителей. Но в статье 38 Конституции РФ сказано: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Но так ли это? Можно ли считать манипулирование детьми – покушением на их детство? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо изучить присутствие детского фактора в политике. Поэтому я считаю, что изучение роли детей в политическом процессе очень важно. Итак, перед нами стоит следующая проблема: необходимость и этичность использования детского фактора в политике.

Объектом исследования выступает роль детей в политических процессах. Предметом исследования является процесс влияния на детское сознание, в целях достижения политических целей. Основной целью работы является: выявить примеры политического влияния на детей. Выполнение данной цели решения определенных задач:

1. Изучение возможных подходов к политическому влиянию на детей.
2. Изучение особенностей процесса политического влияния на детей возрасте от 3 до 8 лет.
3. Выявить роль первичных институтов социализации (семьи и школы) в процессе политического влияния на детей.

1. Факторы внешнего мира

Дети в возрасте от 3 до 8 лет – самая уязвимая группа, для политического влияния. Это связано с психологическими особенностями данного возраста. В этот период формируется личность ребенка и взрослый становится для него не только членом семьи, но и носителем определенной общественной функции¹⁵. Процесс формирования личности продолжается в среднем до 8 лет. В этот период дети очень активные, любопытные и любознательные. Вследствие чего

© Попов Г.С., 2015

¹⁵ <http://www.dou894.edusite.ru/p60aa1.html>

они становятся легкой «добычей» политических манипуляторов. Примером может являться американская статья про 3-летнюю девочку: «Во вторник, мы проехали мимо центра, где проходила агитация. Моя дочь вздохнула. "Хорошо", – она сказала – "Я думаю, я остановлюсь и проголосую за Ромни по дороге домой". Только она сказала "Вомни", потому что ей всего 3 года (и, как и большинство трехлетних, предполагает, что взрослый мир отчаянно нуждается в ее голосе)»¹⁶. В данной ситуации, мы видим, что маленькая девочка, не имея не то, что бы политического, а банального жизненного опыта, хочет проголосовать за кандидата республиканской партии. Она еще не понимает – голосование ответственный шаг. Скажите, разве этот парень понимает, что он держит в руках? (рис. 1)¹⁷. Но даже это не сравнится со следующими примерами манипуляции. Возьмем Украину. Сильные националистические настроения. И под раздачу опять попадают дети. Например, лекция заместителя председателя комиссии по вопросам образования и науки Львовского облсовета, депутата от партии «Свобода» Ирины Фарион в детском саду для трехлетних детей о «правильных» и «неправильных» именах¹⁸. Однако даже это не все. Украинские националисты попытались влиять на сознание детей следующим образом: они повесили деда мороза и снегурочки на мосту и вывесили плакат: «Они хотели заменить нам св. Николая» (рис. 2). Отсюда можно сделать вывод: что бы повлиять на сознание детей, нужен яркий образ. Нужно впечатлить ребенка. Привлечь его внимание.

Так же дети в этом возрасте очень любят, когда их воспринимают всерьез, говорят с ними на равных. Они не осознают, что разговаривая на равных со взрослым, они копируют модель поведения «более мудрого» взрослого в силу отсутствия личного опыта.

Рис. 1

¹⁶ <http://www.ncregister.com/blog/simcha-fisher/kids-and-politics#ixzz2QRvZxTln>.

¹⁷ <http://pravdavisor.ru/stream/deti-vne-politiki/>.

¹⁸ <http://www.youtube.com/watch?v=fGsMVti9ueE>.

Рис. 2

2. Внутрисемейные факторы

Мы не должны упускать тот факт, что начальный процесс формирования представлений о политике (политическая социализация) происходит в семье. Зачастую, родители просто избегают таких тем. По разным причинам. Однако, это не всегда позитивно сказывается на ребенке. Рано или поздно он получит политический опыт, но есть разница, где и как он будет его получать. Так же на ребенка влияет тот фактор, что его папа и мама не согласны друг с другом в политическом плане. Но ребенок получит больше пользы, если родители будут конструктивно вести свои споры, а не «кидаться друг в друга стульями»¹⁹. Дети, в силу возраста, не могут достаточно объективно воспринимать факты, формировать собственное мнение. В настоящее время, у родителей пошла мода на то, что бы оставлять право формирование мнения за ребенком, Но у ребенка нет основы, нет опыта, что бы сформировать личное мнение²⁰. В этой ситуации возникает опасность того, что недобросовестные политики воспользуются этим шансом и окажут влияние на ребенка. А ребенок не сможет (да и не будет) сопротивляться.

Политики используют детей для того, чтобы оказаться избирателям «своими». Если политик не чуждается и заботится о детях – значит он так же будет заботится о своих гражданах. Но не забывайте о том, что детьми пользовались такие люди, как Сталин и Гитлер²¹ (рис. 3). Вообще использовать детей – один из эффективных пунктов политического пиара. Детями дорожат многие.

¹⁹ <http://www.ncregister.com/blog/simcha-fisher/kids-and-politics#ixzz2QRvZxTln>.

²⁰ там же.

²¹ <http://althouse.blogspot.ru/2013/01/the-use-of-children-in-politics-if-you.html>.

LET'S PLAY TAKE THE GUNS...

'TO KEEP OUR CHILDREN SAFE'...

HURT: Personal liberty under fire...

**CBS's Schieffer Likens Obama Taking on
NRA to 'Defeating the Nazis'...**

**FLASHBACK: Tyrants Who Have Used
Children As Props...**

МОДЕЛИ И ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НКО И ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НКО И ОРГАНОВ ВЛАСТИ

На сегодняшний день количество некоммерческих организаций в западных странах дает основания говорить о выделении целого сектора, в котором функционируют НКО, так называемого «некоммерческого сектора», который известный американский исследователь Питер Фрамкин в области НКО даже называет «третьим» сектором экономики²², тем самым подчеркивая высокую роль некоммерческих организаций в национальной экономике развитых государств. Вместе с ростом числа организаций, разрастанием сферы НКО из некоторого сообщества в целый сектор, у органов власти появилась потребность в поиске моделей для взаимодействия с представителями некоммерческого сектора.

Некоммерческие организации возникают при решении, так сказать, вопросов сообщества, или социальных вопросов. Такими вопросами являются образование, социальная защита, здравоохранение, то есть те области, ответственность в которых лежит на государстве. Именно этот сегмент, который имеет большое значение не только для конкретных отраслей экономики, но и для каждого гражданина, является наиболее проблемным, с точки зрения эффективности и удовлетворенности потребителя, считает Колин Кларк.

По мнению Даниэла Бэлла²³, в условиях повышающегося уровня образования населения развитых экономик доля некоммерческого сектора, как одного из наиболее привлекательных для образованных работников, будет неуклонно расти, так же как в развитых экономиках в целом растет доля сферы услуг.

В западных государствах некоммерческий сектор на сегодняшний день представляет огромное значение не только для социальной сферы, но и для экономики, а значит, у государства должны быть определенные модели взаимодействия с ним. С нашей точки зрения, можно выделить три модели взаимодействия некоммерческого сектора и органов власти в западных странах:

- Европейская (континентальная) модель, которая предполагает государственную поддержку тем НКО, которые, как считается, занимаются полезной для общества деятельностью. Им оказывается материальная поддержка в виде различных грантов, субсидий. Кроме того, для НКО, как социально важных, так

© Плотников А.Н., 2015

²² См. Frumkin, Peter (2005). On being nonprofit : A conceptual and policy primer (1. Harvard Univ. Pr. paperback ed.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P.11.

²³ Bell, D. (1976) The Coming of Post-Industrial Society: a venture in social forecasting. Basic Books. P. 147

и других, предусмотрены налоговые льготы и законодательные гарантии их деятельности. Тем не менее, «прямые» формы поддержки – такие как гранты и субсидии, являются наиболее предпочтительными для органов власти европейских государств, которые активно помогают НКО.

- Американская модель характеризуется тем, что фактически не использует «прямых» форм поддержки «НКО», ограничиваясь лишь «косвенными», то есть налоговыми льготами и предоставлением права НКО на всех уровнях участвовать в государственном заказе.

- Британская модель – это наиболее гибкая модель синтез европейской и американской моделей. Она подразумевает как «прямые», так и «косвенные» меры поддержки некоммерческого сектора в зависимости от того, какие показатели занятости и благотворительности имеют место в тот или иной промежуток времени.

Модель взаимодействия НКО и органов государственной власти в том виде, в котором она имеет место в США, является, с нашей точки зрения, эталонной, поэтому она является примером для других развитых стран. Не случайно в Великобритании, которая с 2008 г. переживает период реформирования некоммерческого сектора, совершает переход от континентальной модели взаимодействия НКО и органов власти к противоположной – американской, при которой зависимость НКО от прямой государственной помощи минимальна.

Рассмотрев зарубежные модели взаимодействия НКО и органов власти, несложно прийти к выводу, что американская модель, в отличие, например, от европейской, может быть применена далеко не во всякой стране, а лишь там, где имеет место сильный некоммерческий сектор, участники которого способны самостоятельно искать источники финансирования проектов, а также готовы на равных конкурировать с коммерческими компаниями за государственные заказы.

Российская модель

НКО как юридическое понятие в Российской Федерации существует лишь 20 лет, равно как и понятие «некоммерческий сектор». Поэтому в законодательстве Российской Федерации, с одной стороны, достаточно подробно прописаны деятельность, виды и формы НКО (в ФЗ №7 указываются формы и виды НКО, сферы их деятельности и порядок этой деятельности подробно регламентированы), с другой – законодатель оставляет достаточную степень свободы для НКО. Исходя из этого, можно сделать вывод, что государство, на сегодняшний день, признает важную роль некоммерческого сектора, однако не имеет достаточного опыта для регулирования некоммерческого сектора в силу того, что органы власти не слишком знакомы с некоммерческим сектором в силу отсутствия опыта взаимодействия. Некоммерческий сектор в РФ, в свою очередь, лишь формируется. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что и

органы власти, и некоммерческий сектор заинтересованы во взаимодействии с целью, так сказать, «знакомства друг с другом» с целью более эффективного сотрудничества.

НКО, очевидно, заинтересованы в возможностях расширения своей деятельности по примеру западных стран, тогда как государство заинтересовано в развитии некоммерческого сектора в силу того, что, как уже говорилось в первой главе настоящей работы, некоммерческий сектор в западных странах эффективно решает социальные проблемы и является значительным источником рабочих мест для граждан.

В случае заинтересованности в развитии некоммерческого сектора органы власти должны иметь стратегию развития некоммерческого сектора, которая содержала бы политику целеполагания в отношении некоммерческого сектора. С недавнего времени такая политика у органов власти федерального уровня появилась и связана она с принятием Федерального закона Федеральный закон от 05.04.2010 №40-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций", в котором было введено новое для российского законодательства понятие «социально ориентированная некоммерческая организация. Этот закон, на наш взгляд, является концепцией органов власти федерального уровня о развитии и поддержке некоммерческого сектора.

Говоря о международной практике предоставления статуса общественно полезных организаций, хочется сказать, что само понятие «социально ориентированные организации» близко распространенному в Европе статусу общественно полезных организаций, это соответствует процессу гармонизации российского законодательства с международным опытом. Однако существуют и некоторые различия: статус общественно полезных присваивается некоммерческим организациям определенным органом (регистрирующим, налоговым, специально созданным) и на определенный срок (как правило, 3–5 лет). Будучи общественно полезными, т.е. занимающимися важными и приоритетными для государства видами деятельности, организации имеют право на получение некоторых преференций, чаще всего налоговых. Перечисленные в новом российском Законе виды деятельности, которые осуществляют некоммерческие организации, претендующие на статус социально ориентированных, в целом соответствуют международному законодательству [1]. Таким образом, российская модель взаимодействия НКО и органов власти, сформулированная на федеральном уровне, имеет сходство с европейской моделью, однако привлечение региональных и муниципальных властей к активному участию в реализации программы способны, с нашей точки зрения, заложить основу для перехода к американской модели в долгосрочной перспективе.

Список источников и литературы

1. Краткий обзор международной практики предоставления статуса общественно полезных организаций / Международный центр некоммерческого права. М., 2010
2. Федеральный закон от 05.04.2010 №40-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций"
3. Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 №7-ФЗ.
4. Bell, D. (1976) The Coming of Post-Industrial Society: a venture in social forecasting. Basic Books. P. 147
5. The Nonprofit Handbook: Everything You Need to Know to Start and Run Your Nonprofit Organization (Paperback), Gary M. Grobman, White Hat Communications, 2008.
6. Frumkin, Peter (2005). On being nonprofit: A conceptual and policy primer (1. Harvard Univ. Pr. paperback ed.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Табакаев Ф. К.

ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА: АСПЕКТЫ ВНЕШНЕГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению зарубежного и отечественного опыта позиционирования университетских городов в публичном поле политической конкуренции. На примере эмпирического исследования особенностей восприятия города Томска иностранными студентами (социологический опрос, фокус-группы) предлагается авторская методика решения актуальных имиджевых задач в сфере муниципальной политики и управления.

Ключевые слова: имиджевая политика, университетский город, опрос, фокус-группа, управление.

Муниципальная имиджевая политика одно из наиболее динамично развивающихся направлений городского менеджмента. Интерес к данной теме обусловлен как непосредственно конкурентной средой (города и регионы оказались в условиях конкуренции друг с другом за человеческий и инвестиционный капитал), так и исследовательскими задачами, которые предполагают систематизацию накопившегося опыта и поиск относительно универсальных алгоритмов создания привлекательного имиджа и бренда для территорий.

Если рассматривать процесс создания имиджа территории через области и концепты политического знания, то исследователь непременно затронет такие сферы, как принятие политических решений, политический менеджмент и политические идеологии. Поскольку в нашей стране имиджевая политика только осмысливается, а практика ее реализации все еще не может отличаться самостоятельностью – методология этих двух сфер постоянно пересекаются в том числе и во внешнем позиционировании региона\города. Наиболее часто используются:

- построение рейтингов инвестиционной привлекательности территории. В случае университетского города включение муниципалитета в рейтинг ведущих мировых университетских городов «QS Best Student Cities in the World» и др.;
- социологические опросы, глубинные и фокусированные интервью с резидентами и нерезидентами территории;
- анализ информации о городе\регионе в федеральных и местных СМИ;
- исследование выступлений в городе/регионе государственных деятелей и политиков.

Специфика имиджевой политики в университетском городе имеет свои особенности. Основной упор делается на целевую аудиторию потенциальных студентов и молодых ученых, которые могут заинтересоваться конкретным городом и связать с ним свою дальнейшую жизнь и деятельность. Поэтому для университетского города очень важно внешнее позиционирование – комплекс мер по продвижению имиджа и бренда города в других городах, регионах и странах.

Мировая практика иллюстрирует в качестве эффективной имиджевой политики в университетских городах примеры Бремена, Мюнстера, Кракова, Льежа, Флоренции, Клермон-Феррана, Клуз-Напоки. В России данной тематикой заинтересовались администрации вузов совместно с городскими властями во Владивостоке, Архангельске, Воронеже, Томске.

С целью изучения и, в определенной степени, создания механизмов внешнего позиционирования университетского города в рамках исследовательского проекта было проведен социологический опрос иностранных студентов из КНР (N=70), фокусированное интервью со студентами из Венесуэлы, КНР, Индонезии и Бразилии. Исследование предполагало выявление как общих трендов привлекательности университетских городов для иностранных студентов, так и характеристики восприятия города Томска иностранцами как университетского и образовательного центра. Большое внимание было уделено методологии и эмпирическому материалу, полученного в ходе глубинных интервью с иностранными студентами города Льежа в рамках проекта бельгийского исследователя С. Брендт [3].

По итогам фокус-группы удалось выявить ассоциативный ряд, связанный с понятием университетского города: («небольшой город», «город свободы», «город динамичной, но безопасной ночной жизни», «удаленность от центра города», «союз поколений профессоров и студентов», «город с живописной природой», «горд активного спорта и здорового образа жизни»). С позиций «архетипического брендинга», теории предложенной К. Марк и М. Пирсон [1], имидж Томска (как пример университетского города) должен быть основан на архетипах «мудреца» и «мага». Достаточно «долгая история томских университетов», «традиции университетского образования» и «экзотичность» сибирских климатических особенностей для иностранцев из дальнего зарубежья остаются основными переменными восприятия городского пространства.

Интересно также рассмотреть и процесс знакомства с территорией университетского города. Как правило, до приезда в Томск, иностранные студенты представляют его современным и международным центром, погодные условия – суровыми, и как следствие, местных жителей – «закрытыми и опасными». Однако по приезду в «студенческую столицу Сибири» обнаруживают, что Томск имеет свою историю и традиции, отсутствует высотное строительство, а люди отличаются дружелюбием и приветливостью. Главным разочарованием иностранцев становится проблема коммуникации – население практически не владеет иностранным языком, что, в целом, характерно для всей страны. Основным источником информации о городе до приезда остается интернет (Википедия) – в отдельных редких случаях англоязычные статьи других интернет ресурсов или энциклопедических изданий (например, Оксфордская энциклопедия). Среди известных респондентам университетских городов называются преимущественно образовательные центры их стран: Кордова, Гуанчжоу, Тайчжун, Йена, Йель, Оксфорд. Отсюда можно предположить, что российские города в данное время не вошли в категорию университетских, т.е. место студенческой столицы России еще вакантно, что дает возможность для более активной конкуренции среди городов – центров образования, чем и воспользовался Томск, направив заявление в Роспатент для закрепления за ним соответствующего товарного знака.

Анализ сильных и слабых сторон проведенный в ходе социологического опроса [2] китайских студентов позволил выделить проблемы и перспективы позиционирования университетского города. Наиболее распространенными препятствиями для переезда в Томск респонденты отметили «природно-климатические условия» и «высокие требования университетских программ». Следом по значимости идут «проблемы в быту» и «проблемы культурной адаптации».

Относительно соотношения «внешнего» и «внутреннего» имиджа города в восприятии китайцев можно сказать, что «внешние» представления о «Сибирь-

ских Афинах», приобретенные в период поступления еще на Родине, остались стойкими и не подверглись коррекции у 15 % ответивших. 35 % отметили положительное изменение в восприятии городской среды после переезда в Россию, столько же – отметили нейтральное, но все-таки качественное изменение в восприятии.

Проведенные исследования показали достаточную степень готовности Томска к более жесткой конкуренции между городами, при условии учета интересов и мнений одной из важных целевых аудиторий – иностранных студентов. Вместе с тем, механизмы эффективной имиджевой политики остаются на стадии формирования и представляют собой плодотворное поле для дискуссии.

Список источников и литературы

1. Марк М., Пирсон К. Герой и Бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
2. Табакаев Ф.К. Внешний имидж университетского города (к вопросу методологии и определения целевой аудитории) // Имидж университетского города: Российско-германские исследования. Томск: Курсив, 2012. С. 98–104.
3. City branding: A brand concept map analysis of a university town / Brandt, C., de Mortanges, Ch. P. // Place Branding & Public Diplomacy. 2011. Vol. 7. Iss. 1, P. 50–63.

Микконен Я. С.

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Демократия является единственной формой политического устройства, которая предоставляет и гарантирует право граждан на участие в управлении делами государства как напрямую, так и через своих представителей. Во Всеобщей декларации прав человека провозглашается право человека на участие в управлении своей страной непосредственно или через законно избранных представителей (ст. 21). Конституция Российской Федерации также закрепляет право граждан на участие в процессе принятия решений и управлении государством.

Поскольку непосредственное участие граждан в процессе принятия решений сложно осуществлять на обширных территориях, практики прямой демократии преимущественно применяются на местном уровне. К ним относятся референдум, сборы и собрания граждан, территориальное общественное самоуправление, гражданские инициативы и публичные слушания. В докладе речь пойдет об особенностях функционирования института публичных слушаний в России.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет публичные слушания как один из способов непосредственного участия в местном самоуправлении. Публичные слушания – это форма прямого волеизъявления граждан, реализуемая путем обсуждения жителями муниципального образования проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Слушания проводятся с целью согласования интересов различных групп населения посредством обсуждения муниципальных правовых актов. Решения, которые принимаются на публичных слушаниях, носят рекомендательный характер. Публичные слушания могут проводиться представительным органом муниципального образования или главой муниципального образования. Инициаторами публичных слушаний могут выступать представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования или граждане, проживающие на территории муниципального образования. Для назначения публичных слушаний по инициативе населения необходимо обращение в муниципальный представительный орган инициативной группы населения в количестве, которое определяется уставом муниципального образования. Минимальная численность не может превышать 3 % от числа жителей муниципального образования, т.е. может составлять и 1, и 2, и 3 %. На публичные слушания в обязательном порядке должны выноситься проект устава муниципального образования, проект местного бюджета и отчет о его исполнении, проекты планов и программ развития муниципального образования, проекты правил землепользования и застройки, вопросы о преобразовании муниципального образования, а также любые проекты муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Порядок организации и проведения публичных слушаний определяется нормативными правовыми актами муниципального образования, т.е. публичные слушания могут быть большим полем для манипуляций на местном уровне, т.к. федеральный закон полностью их не регламентирует.

В российской практике публичные слушания нередко подвергаются критике по ряду причин. Одна из них это недостаточное информирование населения о проведении слушаний. Согласно нормативным документам большинства муниципальных образований сроки информирования населения о проведении публичных слушаний варьируются от 7 до 30 дней. Например, в ПГО – не менее чем за 10 дней до дня проведения слушаний, в Нижнем Новгороде – не менее чем за 14 дней, в Перми – не позднее, чем за 7 дней. Решение о проведении публичных слушаний должно быть опубликовано в СМИ. Сообщение о месте и времени проведения слушаний чаще всего является единичным. Основным способом информирования населения выступают неформальные контакты и Интернет-ресурсы.

Кроме этого слушания зачастую проводятся в утренние или дневные часы, что не позволяет присутствовать на них всем заинтересованным гражданам. В некоторых муниципальных образованиях, существует возможность выразить свое мнение по вопросам, обсуждаемым на слушаниях заранее, посредством письменного обращения в администрацию или представительный орган муниципального образования.

Регламент проведения слушаний также нередко становится предметом критики. Регламент определяется председательствующим на публичных слушаниях, что также может служить способом манипуляции. В ПГО, обычно слушания проходят в течение двух часов, на протяжении которых заслушиваются доклады по заранее заявленным темам. На вопросы от населения отводиться от 30 до 60 минут, на один вопрос – 5 минут. Но зачастую данный регламент не выполняется, не предоставляется слово представителям общественных организаций или игнорируются вопросы от населения. Заранее присланные вопросы не получают надлежащего освещения и не вносятся в программу слушаний. Слабой стороной регламента слушаний является и то, что он не подразумевает объяснение основных понятий и терминов, используемых в течение слушаний, что приводит к тому, что граждане не имеют представления, о чем идет речь в докладах и за что их просят проголосовать.

Таким образом, публичные слушания – это один из механизмов участия граждан в процессе принятия решений который в настоящее время, однако, вызывает большое количество критических отзывов из-за особенностей организации работы данного института.

Оломпиев К. С.

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

На протяжении последних 20 лет проблема взаимоотношений власти и институтов гражданского общества занимала значительное место в государственной политике России. Вместе с тем, до настоящего времени отечественные исследователи не пришли к общему пониманию проблемы. В российской науке существуют различные зачастую противоречивые трактовки политики власти в отношении организаций «третьего» сектора.

Поэтому для того, чтобы получить представление о политике государства в сфере взаимодействия с некоммерческими организациями, необходимо выделить ее модели по отношению к различным сегментам гражданского общества.

Целью данного исследования является обоснование моделей государственной политики по отношению к организациям некоммерческого сектора в современной России.

Первоначально рассмотрим имеющийся отечественный опыт моделирования государственной политики в сфере взаимодействия с «третьим» сектором. Наиболее значимая попытка выделить конкретные модели взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества представлена в работах известного отечественного исследователя А.Ю. Сунгурова. Основным параметром в основе такого деления стали отношения власти и некоммерческих организаций.

Исходя из выбранного критерия, российский политолог выделил три предполагаемых варианта взаимодействия власти и организаций «третьего» сектора: сотрудничество, игнорирование и конфронтация [3]. В рамках этих направлений А.Ю. Сунгуров представил 8 различных моделей. Они выстроены в некую последовательность, начиная от равноправного партнерства в отношениях власти и общества, и заканчивая открытой неприязнью государства и некоммерческими организациями. Партнерское взаимодействие подразделяется на модель «садовника», партнерскую модель и модель «архитектора» [3]. Вторую группу моделей, в основе выделения которых является доминирование власти во взаимодействии с институтами гражданского общества, составляют патерналистская и модель «приводных ремней» [3]. Затем следует модель игнорирования [3]. В рамках последнего пути взаимодействия органов государственной власти и некоммерческого сектора, то есть конфронтации российский ученый выделил модель «борьбы с противником» и модель «гражданского неповиновения» [3].

Схожий взгляд на решение проблемы политики государства в отношении институтов гражданского общества представил известный исследователь Л.И. Якобсон. Он также как и предыдущий ученый основным параметром для вычленения моделей выбрал отношения власти и гражданского общества. На его основе им выделены три модели. Это модель скрытого роста, импортозависимая модель и укоренная модель, расположенные в порядке взаимоотношений государства и общественных организаций от наиболее благоприятного до открытого противостояния власти и гражданского общества [4].

На наш взгляд, не смотря на несомненные достоинства рассмотренных трактовок рассматриваемой проблемы, которые позволяют получить общую картину взаимоотношений власти и институтов гражданского общества, проследить их основные этапы. Однако, они не дают полного представления о го-

сударственной политики по отношению к некоммерческому сектору в современной России. За гранью понимания исследователей остаются особенности политики власти в зависимости от принадлежности организации «третьего» сектора к определенному сегменту, так как очевидно, что между социально-ориентированными и правозащитными некоммерческими организациями существует значительное различие, которое проявляется в целях их деятельности, методах и способах взаимодействия с органами власти и т.д.

Поэтому, по нашему мнению, основным критерием для выделения моделей государственной политики в отношении институтов гражданского общества необходимо установить принадлежность некоммерческих организаций к различным сегментам.

В настоящее время в отечественной науке существуют разные классификации организаций гражданского общества. Например, старейший российский правозащитник Л.М. Алексеева подразделяет «третий» сектор на неполитические общественные организации, политические партии, независимые средства массовой информации и предпринимательское сообщество [1].

Исследователь А. Зудин выделяет классификацию некоммерческих общественных организаций в зависимости от выполняемых функций. По его утверждениям необходимо выделять объединения по интересам, организации, выполняющие экономические и социальные функции (социально ориентированные организации) и объединения граждан, в центре внимания которых находятся гражданские и политические права (правозащитники) [2].

На наш взгляд, все организации «третьего» сектора целесообразно подразделить на две большие группы: социально-ориентированные общественные организации и правозащитные объединения, так как любая некоммерческая организация либо выполняют социальные функции, либо занимается защитой прав граждан.

Исходя из нашей сегментации институтов гражданского общества, возможно, рассматривать две модели государственной политики в отношении организаций «третьего» сектора, сложившиеся на данный момент в России. Первая модель, направлена на взаимодействие с социально ориентированными организациями. С одной стороны, государство заинтересовано в развитии данного вида НКО, так как это позволяет власти без затраты государственных ресурсов решать острые социальные проблемы. С другой стороны, социально ориентированные организации более восприимчивы к установлению патерналистских отношений с властью. Это существенным образом отражается на государственной политике в отношении общественных организаций, осуществляющих свою деятельность в социальной сфере.

Вторая модель политики государства реализуется в отношении правозащитных организаций «третьего» сектора. Государство всегда болезненно реа-

гирует на любые проявления ограничения своей власти, поэтому политика в отношении правозащитников, которые предусматривают только равноправные партнерские взаимоотношения с властью, отличается от способов взаимодействия и развития социально ориентированных организаций.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать о необходимости выделения двух различных моделей государственной политики в отношении некоммерческих организаций. По нашему мнению, данный подход позволит получить более полное представление о государственной политике в отношении институтов гражданского общества и выявить особенности политики власти в зависимости от принадлежности организации «третьего» сектора к определенному сегменту.

Список источников и литературы

1. Алексеева Л.М. «Третий сектор» и власть // *Общественные науки и современность*. 2002. №6. С. 52–53.
2. *Власть, бизнес и гражданское общество* М., 2003. С. 193.
3. Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт [Электронный документ]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_struktury.pdf (дата посещения – 10.02.2014).
4. Якобсон Л.И. Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // *Общественные науки и современность*. М., 2009. №4. С. 31.

Ивонин А. С.

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

В современной России происходит процесс становления гражданского общества. Если в СССР все общественные институты были подчинены партийным органам и исполняли функции «приводных ремней», то в новой России они получили большую степень автономности от государства, что свидетельствует о важной роли именно гражданских инициатив и усилении роли гражданского активизма в жизни государства. Однако следует признать, что существование двух секторов – государственного и общественного, друг без друга становится малопродуктивным, и дальнейшее развитие гражданского общества в

России просто невозможно без формирования в государстве межсекторного взаимодействия. Здесь ученые-исследователи выделяют три сектора внутри государства: органы государственной власти и местного самоуправления (первый сектор), коммерческие предприятия (второй сектор) и некоммерческие и общественные организации (третий сектор). В литературе понятие третьего сектора плотно закрепилось за некоммерческими организациями, но такое наименование носит скорее условный характер.

Несмотря на достаточную изученность темы, актуальность её в контексте современных российских административно-политических реалий (как то продолжающаяся административная реформа, бюджетная реформа, реформа пенитенциарной системы и др.) не вызывает сомнений: взаимодействию органов власти различных уровней и некоммерческих организаций уделяется особое внимание в силу признания со стороны органов власти необходимости и качества получаемой от общественных организаций «обратной связи», их экспертного потенциала и т.д. Однако политическая конъюнктура вносит определенные коррективы и усложняет процесс взаимодействия. Типичный пример здесь недавний, так называемый, закон «об иностранных агентах», который дифференцирует каналы, механизмы и характер изучаемых взаимодействий.

В данной статье мы предпримем попытку создания классификации форм взаимодействия некоммерческих организаций и органов государственной власти и местного самоуправления по характеру отношения к последним. Данная классификация улучшит понимание политической ситуации и позволит понять, в какой степени политической зависимости может находиться та или иная некоммерческая организация.

Проведенный анализ источниковой базы, а также специальные методы исследования (включенное наблюдение) позволяют нам выделить следующие формы взаимоотношений некоммерческих организаций с органами государственной власти.

Первой формой являются **отношения конфронтации**. Данные отношения характеризуются столкновениями желаемых интересов некоммерческих организаций с органами государственной власти. В деятельности некоммерческих организаций органами надзора и контроля обычно находятся нарушения: проведения или организация мероприятий, не соответствующих уставным целям организаций (политическая, экстремистская, незаконная образовательная деятельность и др.). Органы власти могут «перекрывать кислород» на проведение митингов, манифестаций и прочих мероприятий. Провластные СМИ муссируют скандалы, связанные с данными организациями и их деятельностью.

Второй формы можно назвать **отношения партнёрства**. Данные отношения характеризуются отсутствием явной конфронтации между объектами политического процесса. Руководители или представители некоммерческих ор-

ганизаций участвуют в деятельности органов государственной власти: могут работать по совместным проектам, участвовать в деятельности координационных и совещательных органов, проводить общественные экспертизы, участвовать в общественных слушаниях и т.д.

Третьей формой мы выделяем **лояльность действующей власти**. Данные отношения характеризуются низким интересом органов государственной власти к мероприятиям организаций и даже фактическим невмешательством в деятельность организаций. Фактическая деятельность организации в некоторых случаях отличается от заявленных уставных целей организации, однако, как уже было сказано выше, санкции органов власти к данным некоммерческим организациям относительно минимальны. Причиной этого можно назвать именно лояльную позицию организации к деятельности исполнительных органов власти региона и/или низкий интерес органов власти к организации.

Отношения подчинения является четвёртой формой. Здесь наблюдается тесная связь с органами власти, в том числе, выстроенная по общему сценарию, устанавливаемому самими органами власти. Суть такого отношения состоит в том, что сами некоммерческие организации сильно зависимы от органов власти (по большей части здесь усматривается материальная зависимость, чуть меньше – влияние административного ресурса). Вступление в открытую конфронтацию в данном случае не рассматривается, однако можно говорить об «управляемой» критике государственной региональной политики.

Отдельной формой является **конфликт** как причина взаимодействия властей и некоммерческих организаций. В своей деятельности некоммерческие организации могут делать акцент на исключительность своего положения, активно использовать информационные поводы из СМИ для обоснования некоторых неправомερных действий в адрес своих организаций. В некоторых случаях некоммерческими организациями используется метод политического шантажа как механизм воздействия на органы власти, используя в том числе ресурсы из других регионов (материальные, информационные, политические и др.).

Теоретически можно выделить и такую форму как **отсутствие взаимодействия с органами власти**. Суть заключается в том, что определённые некоммерческие организации существуют как таковые, но своей деятельностью они особого влияния на органы государственной власти не оказывают. В уставах данных организаций, как правило, нет целей, связанных с правозащитной деятельностью или воздействием на социальную политику в регионе. В качестве примеров здесь можно привести различные досуговые некоммерческие организации, как то общества любителей чтения, общества собаководов, околоспортивные организации и т.д.

Примечательно, что в зависимости от той или иной политической ситуации в регионе или стране принадлежность некоторых некоммерческих организаций к определённым формам отношений может меняться.

Органам власти приходится существовать в совокупности всех форм взаимодействия с некоммерческими организациями. Очевидно, что тренд на подчинение и выстраивание исключительно отношений лояльности не может быть превалирующим в силу потенциального закрытия каналов «обратной связи» для органов власти. При этом органы власти не могут действовать в условиях постоянной конфронтации с некоммерческими организациями, которая, очевидно, также негативно сказывается на эффективности работы органов власти. Мы можем сделать вывод о необходимости наличия гибких стратегий и форм взаимодействия органов власти с некоммерческими организациями. Некоторым упрощением данных взаимодействий может стать их рационализация, введение административных и правовых стандартов реагирования органов власти на запросы со стороны общественных объединений. Данный подход позволит максимально исключить политическую составляющую из взаимодействий рассматриваемых субъектов.

Развитие института некоммерческих организаций, их деятельность в современных условиях говорит об изменчивости отдельных аспектов в выстраивании взаимодействия с органами государственной власти; и чем дальше происходит развитие некоммерческого сектора, тем больше проблемных моментов встречается в выстраивании межсекторного взаимодействия.

Шелудков А. В.

АКТУАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Изменение климата и его последствия представляют собой один из глобальных вызовов современности. Более двадцати лет переговоров в этой области не привели к созданию эффективных международных механизмов решения проблемы: разрыв между необходимыми и реальными сокращениями выбросов парниковых газов продолжает стремительно расти. Государства сталкиваются с классическими проблемами принятия коллективных решений, включая «фрирайдерство», коалиционное противостояние и т.д. Провал Копенгагенского соглашения 2009 г. и отказ ряда стран от участия во втором периоде обязательств Киотского протокола продемонстрировали нам тот факт, что оптимальная формула международного сотрудничества в области борьбы с изменением климата и его последствиями еще не найдена. В 2011 г. в Дурбане было инициировано создание нового глобального соглашения по климату. Его подписание запланировано на 2015 г., однако пока на переговорах продемонстрирован лишь незначительный прогресс. По выражению финского дипломата, переговоры по климату представляют собой «blame-game» – игру с нулевой суммой, которая, в конечном счете, грозит обернуться проигрышем для всех [4]. Главный раскол проходит по линии развитые/развивающиеся государства.

Следует учесть, что как предмет международных переговоров по климату, так и их архитектура были выстроены еще в начале 1990-х гг. Краеугольным камнем международного климатического режима остается Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г.

В данной работе автор рассматривает проблему антропогенного изменения климата как социально сконструированное явление. Он анализирует актуальные контексты, в которых формировался климатический режим в конце 1980-х – 1990-е гг., а также современные условия его трансформации. Цель автора – выявить скрытые, но ключевые для социального конструирования проблемы изменения климата дискурсы, механизмы конструирования и акторов, принимающих в этом активное участие. Методологическую основу работы составили теории постмодернизма – историзм М. Фуко, концепты «дискурсивной борьбы» Э. Лаклау и Ш. Муффа, «дискурс-коалиций» М. Хайера.

Исследование показало, что формирование климатической проблемы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. происходило на фоне более общих дискуссий о путях социально-экономического развития мира, приведших к появлению т.н. концепции «устойчивого развития» (УР). Борьба за определение того, что есть «устойчивое развитие» и каковы пути к его достижению, составили главный контекст секьюритизации вопроса об изменении климата. Противостояние экономико-технократического [1] и радикально-экологического [5] дискурсов вокруг УР завершилось победой первого, оформленной решениями Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В качестве приоритетных на мировой повестке дня были поставлены проблемы бедности и экономического разрыва между странами «Севера» и «Юга» (проблема несправедливого распределения ресурсов). Эти положения нашли отражение в закреплённом в Рамочной конвенции ООН об изменении климата принципе «общей, но дифференцированной ответственности» государств, жестком делении стран на развитые (бравшие обязательства) и развивающиеся (освобожденные от обязательств ради развития) [2: Ст. 3]. В конечном счете, это определило и блоковый характер текущих переговоров.

Сегодня проблемы развития остаются в центре международных переговоров по климату. Позиция развивающихся стран строится на старом тезисе о приоритете социально-экономического развития перед экологическими проблемами. Развитые страны, ссылаясь на технологический прогресс и новые экономические реалии, стремятся уйти от этого противопоставления. Борьба с изменением климата и его последствиями рассматривается ими как часть развития («экомодернизация»), да и само глобальное потепление все чаще как «фундаментальная экономическая угроза» [3].

Противники и сторонники борьбы с изменением климата используют различные практики легитимации собственной позиции и делегитимации позиции оппонентов, активно привлекают символический ресурс, включая апеллирование к образам прошлого (борьба колоний за независимость), моральному долгу (забота о будущих поколениях, глобальная ответственность, планета как «общий дом»), различные трактовки понятия «справедливость» и т.д.

Если к 2015 г. международному сообществу все же удастся преодолеть раскол и переформатировать переговорный процесс в целях создания единого для всех соглашения об ограничении выбросов, это, на наш взгляд, будет означать и коррекцию идеологии Рио – концепции «устойчивого развития», выступающей в качестве парадигмы решения глобальных экологических проблем. Эта коррекция предполагает включение «экомодернизации» в качестве неотъемлемого условия «устойчивого развития». Таким образом, решение климатической проблемы станет возможным в рамках доминирующего экономико-технократического дискурса без привлечения радикальных «зеленых» идей.

Список источников и литературы:

1. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития, 1987. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 09.08.2013).
2. Рамочная конвенция ООН об изменении климата, принята 9 мая 1992. Ст. 2. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 02.10.2013).
3. Statement at the opening of the high-level segment of COP19 by Connie Hedegaard on behalf of the EU and its 28 Member States, Warsaw, 19 November 2013. URL: https://unfccc.int/files/meetings/warsaw_nov_2013/statements/application/pdf/cop19_hls_european_union.pdf (дата обращения: 20.03.2014).
4. Statement by Mr. Ville Niinisto, Minister of the Environment of Finland at the 19th Conference of the Parties of the UN Framework Convention on Climate Change and CMP9 of the Kyoto Protocol. 20 November 2013, Warsaw, Poland. URL: https://unfccc.int/files/meetings/warsaw_nov_2013/statements/application/pdf/cop19_hls_finland.pdf (дата обращения: 20.03.2014).
5. The Limits to Growth: A Report to the Club of Rome, 1972. URL: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (дата обращения: 25.08.2013).

Лукьянцев А. С.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политические отношения сегодня пронизаны нитью различных взаимодействующих структур, и каждому актору политики необходимо грамотно реагировать на вызовы современности. Для того чтобы стать политическим лидером, за которым бы пошли массы, существует потребность в обладании благосклонными внутренними и внешними характеристиками, способными убедить электорат в искренности и истинности суждений, излагаемыми кандидатом. Определено, что «имидж политического лидера – это цельное образование, которое зависит как от субъективных характеристик и факторов (например, личностные качества и психологические свойства), так и от объективных условий – социокультурных, экономических – функционирования лидера и его окружения» [4]. В связи с этими факторами становится очевидным, что для качественного продвижения кандидата как эффективного политика, необходимо соблюдение принципов современной имиджелогии. Для России в реалиях сегодняш-

него дня важны аспекты, касающиеся различных трендов в формировании имиджа лидера.

Сформировать в глазах общественности привлекательный имидж политического деятеля сегодня – это задача для высококвалифицированных специалистов, профессионально подготовленных политологов. Обладая наиболее достоверными знаниями об электоральной активности, запросах и трендах, политические технологи имеют широкий набор возможностей при создании и продвижении политического продукта как целостной системы элементов: отдельно взятый кандидат, его поведение, внешность, биография, программа действий и другие черты, обосновывающие выбор людей и их доверие. Для получения доверия, политический лидер и его команда должны выстраивать благоприятные, максимально открытые связи с общественностью (public relations). Они «могут способствовать созданию условий взаимного доверия, взаимности и взаимодействия» [7]. Это непосредственно влияет на формирование позитивного, нейтрального либо негативного имиджа политика.

Современная политическая ситуация в России требует от кандидата, идущего в политику, быть эффективным, открытым и разносторонне образованным, готовым к оперативному принятию верных политических решений. Как уже отмечалось ранее, важным аспектом является следование за трендами, но при этом, команда политика должна учитывать то, что ей необходимо двигаться не только вслед, но и играть на опережение. Сегодня многие ждут решительных действий со стороны властных структур, т.е. предложений новых трендов, способствующих эффективному развитию.

Одним из современных трендов политической коммуникационной сферы является опубликование основной информации в новостных лентах социальных сетей и ведение блога, т.е. степень открытости политика в Интернете. Это является немаловажным фактором в выстраивании позитивного диалога с наиболее мобильной частью общества – молодежью, т.к. «зачастую тот или иной идеологический выбор определяется кратковременной модой на определенную позицию в конкретной молодежной среде и, стало быть, может быстро меняться при переходе молодого человека из одной коммуникационной группы («тусовки») в другую» [3].

Благодаря эффективному и своевременному использованию информационно-коммуникационных технологий, политический лидер имеет возможность увеличения своего электорального рейтинга среди молодежи и аудитории, активно пользующейся Интернет-технологиями. Компания TNS, исследующая степень потребления масс-медиа услуг, определила, что аудитория Интернета в России составляет 65,3 млн. человек [6]. Это значит, что политическому лидеру необходимо подтверждать свою активность в Интернет-пространстве и использовать новые приемы связей с общественностью.

Следующий тренд, оказывающий, на наш взгляд, значительное влияние на имидж политического лидера – это всеобъемлющий отказ от традиционных стереотипов советского партийного функционера. Так, жизнь и работа политика становится менее формализованной по отношению к обычному гражданину. Полный отказ от данной традиции еще не получил широкого проявления, но постепенно политический лидер говорит народу: «Я такой же, как и Вы. Мы вместе». Осенью 2012 г. в эфир НТВ попал репортаж о повседневной жизни Президента РФ [5], а в мае 2013, в продолжение данной темы, телеканал снял репортаж о рабочем дне Председателя Правительства РФ [2]. Это, конечно, не является всецелым показателем стремления приблизить себя к народу, но это огромный шаг вперед, к развитию в целом отношений доверия и взаимного социального партнерства между гражданином и политиком.

Хотим также обратить внимание на то, что современная имиджология в России должна строиться на действенных принципах, способных качественно влиять на электоральные настроения и поведение, доверие избирателей и формирование позитивного образа современного российского политика. Третьим трендом мы выделяем участие политика в мероприятиях, перформансах. Георгий Почепцов, теоретик в сфере пиара говорит, что «перформансы можно рассматривать как социальный речевой акт, задача которого состоит в максимальном усилении воздействия по всем каналам» [1].

Подобные события – есть стратегический шаг вперед к лоббированию собственных интересов, продвижения себя как успешного политического лидера, способного убедить других в искренности и серьезности своих побуждений. Так, все большую популярность набирают мероприятия в формате «живого» общения политика и заинтересованных групп на различных уровнях: от Президента и Председателя Правительства РФ до руководителей субъектов и муниципалитетов РФ. Важно, что перформансы – это важное практическое и конкретное действие, транслирующее прямое воздействие политика и его намерения на окружающие его социальные группы.

Таким образом, в последнее десятилетие российская политическая система перешла на новый этап своего развития в сфере имиджологии выстраивания качественных связей с общественностью. Надеемся, что и в дальнейшем имидж политического лидера будет продолжать формироваться с учетом потребностей общества, которому служит политик. Это является важной составляющей цельного представления о политическом лидере его электората, от чьего имени он непосредственно осуществляет свою деятельность.

Список источников и литературы:

1. Почепцов Г.Г. Паблик Рилейшнз для профессионалов. Изд-е 6-е, доп. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2005. 624 с.

2. Интервью Д.А. Медведева «Центральному телевидению» [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/trend/Medvedev_ntv_interview_26052013/ (дата обращения 31.01.2014)

3. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные ориентиры. Аналитический доклад. РАН. Институт социологии. М., 2007.

4. Политическая имиджелогия / под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перелыгиной и др. М.: Аспект Пресс, 2006. 400 с.

5. «Центральное телевидение» в гостях у В.В. Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/348821/> (дата обращения 31.01.2014)

6. TNS web-index: аудитория Интернет-проектов. Результаты исследования: декабрь 2013г. [Электронный ресурс]. URL:http://tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2013&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y (дата обращения: 31.01.2014г.)

7. Sommerfeldt E.J. The civility of social capital: Public relations in the public sphere, civil society, and democracy. Public Relations Review (2013)

СЕКЦИЯ 7. «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ»

Шафигуллин Р. М.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РФ

Привлечение основной массы населения к участию в политическом процессе страны и предоставление ему необходимой объективной информации о существующих политических курсах всегда являлось одной из главных проблем демократических режимов. Тем не менее, в последние десятилетия в жизни общества возрастает роль Интернета, который, в свою очередь, приводит к возникновению такого явления, как электронная демократия. С каждым годом она играет всё большую роль в политических процессах демократических стран, что обусловлено следующими факторами:

1. Доступ к альтернативной информации.
2. Расширение возможностей влияния на политический процесс.
3. Возможность самоорганизации индивидов.
4. Возможность получение государственных услуг гражданами через Интернет.

В данной работе проанализировано функционирование электронной демократии в части субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации. Основаниями для сравнения данных кейсов являются следующие факты: все субъекты обладают высокой долей городского населения, в субъектах преобладает работоспособное население, субъекты обладают высокими экономическими показателями, все субъекты относятся к единому региону.

Основным методом данной работы является метод кросс-регионального сравнения: используется стратегия сравнения группы объектов, схожих по ряду показателей.

При написании данной работы были использованы две основные группы литературы. Первая – это труды, в которых отражены отечественные теории электронной демократии. Она представлена такими авторами, как В.И. Дрожжинов, Л.М. Волков, Ф.Г. Крашенинников – данная группа позволяет определить специфику функционирования электронной демократии в РФ и странах СНГ, а также получить необходимый категориальный аппарат для проведения исследования. Вторая – это работы, которые дают нам критерии для проведения сравнительного исследования. В первую очередь, они позволяют

определить составные части электронной демократии, такие как электронное правительство, открытое правительство и открытое законодательство. Также в них раскрываются основные стадии коммуникационного взаимодействия органов власти с населением. В частности, к этой группе можно отнести работы под авторством И.З. Харченко, С. Клифта, Ю.С. Попкова, В.И. Тищенко.

На основании работ В.И. Дрожжинова, Л.М. Волкова, Ф.Г. Крашенникова электронную демократию определяется как некий механизм, который обеспечивает постоянное измерение уровня поддержки избранного кандидата избирателями, позволяет преодолеть проблему ограниченной компетенции электората и раскрывает информацию о политическом процессе, делая её доступной широкому кругу лиц. В целом, авторы полагают, что, несмотря на ценность всех этих характеристик по отдельности, облачная демократия будет работать наиболее эффективно при их комбинировании. Таким образом, она получит лучшие черты как прямой, так и представительной модели демократии: «В нашей идеальной модели облачной демократии избиратели выбирают себе представителей по каждому из важных для них вопросов, имеют исчерпывающие сведения об их компетенциях по соответствующим вопросам и получают полную информацию о том, как представители реализуют их законные интересы. Основываясь на полной, открытой и общедоступной информации, избиратели поддерживают живую обратную связь со своими представителями» [1].

И.З. Харченко также выделяет следующие основные принципы электронной демократии, без которых она не может быть реализована: доступность, интерактивность, партиципаторность и согласованность [3].

В работе также определяется, что электронное правительство, открытое правительство и открытое законодательство соотносятся с электронной демократией как части и целое.

В самом сравнительном анализе определяется уровень электронной демократии в субъектах ПФО.

Поскольку к системе государственной власти в субъектах РФ традиционно относятся законодательный и исполнительный органы [2], оценка уровня электронной демократии проводится на основе анализа сайтов данных структур. Каждый субъект получает оценку от 0 до 4-х, где. Оценка 0 выставляется лишь в том случае, если органы законодательной и исполнительной власти субъекта не представлены в Интернете. Полбалла приписывается субъекту по следующим основаниям (за законодательную и исполнительную власть в отдельности):

– Наличие сайта/сайтов, представляющих органы законодательной, исполнительной власти субъекта.

– Контент сайта обновляется не реже чем раз в месяц, последнее обновление сайта было произведено в течение последнего месяца.

– Наличие возможности скачать документы и нормативно-правовые акты, так или иначе касающиеся деятельности рассматриваемого органа власти.

– Наличие реальной возможности обратной связи с органом власти или его представителем.

В некоторых случаях (нерабочие ссылки, неудобный интерфейс, сбои в работе сайта) баллы могут сниматься.

В ходе анализа ряда субъектов ПФО в работе делаются следующие выводы:

1. Электронная демократия с каждым годом оказывает всё большее влияние на политические процессы Российской Федерации.

2. Функционирование электронной демократии в различных субъектах РФ неоднородно.

3. Одной из главных проблем электронной демократии в субъектах РФ является неразвитость функции обратной связи.

Список источников и литературы:

1. Волков Л.М., Крашенинников Ф.Г. Облачная демократия [Электронный ресурс]. URL: <http://cdem.ru/> (дата обращения 15.11.13).

2. Пикулькин А.В. Система государственного управления. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/upravlenie-6/index.htm> (дата обращения 25.03.14).

3. Харченко И.З. Электронная демократия как модель улучшения политического участия граждан: зарубежный опыт // Вестник Пермского государственного университета. 2013. №3.

Вавилова В. В.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ АДДИКЦИЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОВЕСТКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Человек в обществе пользуется не абсолютной свободой: его действия ограничены социальными нормами. Сообщество устанавливает границы дозволенного поведения, как в отношении других людей, так и собственного организма – политика в области здравоохранения, к примеру, предписывает индивиду принимать определённые лекарства и запрещает употреблять другие. Таким образом, возникает явление «социально опасных аддикций» (*далее СОА*) – регулярное употребление людьми веществ (наркотики, алкоголь, табак), которые, по общественному мнению, вызывают зависимость и вредны для здоровья индивида и окружающих его людей.

В медицинских науках, как правило, не выделяют отдельно феномена СОА, рассматривая каждое явление отдельно или их взаимовлияние, или же выделяют в качестве таковых разные болезни в соответствии с особенностью проявления зависимости, симптоматикой и т.д. В социологических исследованиях СОА приравниваются к девиации, часто ставятся вопросы об предотвращении роста данной девиации, в т.ч. законодательным путём, пропаганде здорового образа жизни, адаптации зависимых людей [2]. В социологии СОА чаще, чем в медицинских науках, рассматриваются в комплексе или как явления одного класса, связанные с девиантным поведением. Однако, медицинские и социологические исследования СОА остаются в рамках политики здравоохранения: исследуется насколько эффективно политические решения «противостоят» распространению СОА.

Новизна данного исследования в использовании инструментов политических наук, политической оценке политических решений в области СОА (такие исследования есть, но они рассматривают СОА по отдельности) [1]. В связи с законодательным запретом (ограничением) производства, хранения, распространения и употребления определённых веществ (наркотики, алкоголь, табак) социально опасные аддикции (наркомания, алкоголизм, потребление табака) становятся частью публичной повестки. В этом аспекте данное исследование отличается от медицинских и социологических работ, так как не затрагивает психологических, поведенческих составляющих аддикций, в результате чего объектом исследования являются те СОА, которые являются частью публичной повестки и не затрагиваются аддикции, которые не входят в публичную повестку (например, интернет-зависимость, зависимость от еды, компьютерных игр и т.д.).

Специфика российской политики в том, что значительную роль в определении публичной повестки играет государство: социальные проблемы становятся причиной политических решений благодаря или вопреки действиям государственных органов власти. Можно предположить, что государственные акторы также доминировали при включении социально опасных аддикций в публичную повестку. Какие акторы поддерживали, а какие противились принимаемым политическим решениям? Какие мотивы двигали различными акторами?

Таким образом, целью исследования является: выявление факторов принятия политических решений в отношении социально опасных аддикций в современной России

Соответственно, предстоит решить следующие задачи:

- определить и охарактеризовать инициаторов внесения СОА в публичную повестку;
- определить «контекст» принимаемых решений в области СОА;
- выявить характеристики «подсистемы» (конstellация акторов, их когнитивные характеристики, институты взаимодействия).

Процесс принятия политических решений будет рассматриваться с точки зрения модели «политико-управленческих потоков» Джона Кингдона – процесс принятия политических решений распадается на три параллельно сосуществующих потока: «поток проблем», «поток решений» и «политический поток». Для того, чтобы какое-либо политическое решение было принято, необходимо возникновение «окна возможностей», когда три потока смогут слиться воедино.

В качестве инструмента анализа используется сравнительно-ориентированное case study: политика в области СОА в современной России (постсоветский период) будет рассматриваться как единое целое. Политические решения принимаются по отдельным аддикциям, однако их связывает сходство принимаемых решений (запрет, ограничение изготовления, продажи, употребления в определённых местах и т.д.).

Предметом исследования являются не все решения, принятые в России в отношении СОА, а те, которые вышли за пределы политико-управленческой повестки и вошли в публичную повестку:

1. Наркомания:

- а. Запрет кодеинсодержащих препаратов;
- б. Реабилитационные центры («Дело Ройзмана»);

2. Алкоголизм:

- а. Ограничение территории и времени продажи;
- б. Появление решений против «пивного алкоголизма»;

3. Табакокурение:

- а. «Антитабачный закон».

Анализ данных инициатив показал, что повестка в сфере СОА в современной России определяется государством. Внесение законопроектов происходит без поддержки «снизу», обсуждение происходит только если часть населения воспринимает новую инициативу крайне болезненно. Таким образом, перечень СОА также определяется властями: табакокурение было внесено в разряд СОА в последние годы, а интернет-зависимость, зависимость от еды не попали в область государственных решений.

Список источников и литературы:

1. Борисова Н.В. Политика по борьбе с алкоголизмом в современной России: определение повестки дня // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». 2012. №4. С. 107–114.
2. Григорец Ф.И. Наркотизация молодежи в российском обществе. Владивосток, 2009.
3. Назаров О.Ю. Ресурсы и модели социальной адаптации больных алкоголизмом. Н. Новгород, 2006.
4. Черкасов А.В. Социальная адаптация наркозависимых в современной России. Ростов н/Д, 2009.

СЕКЦИЯ 8. «МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Тимашева К. Т.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ МОДЕРНИЗАЦИИ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Проблема повышения эффективности управления нефтегазовым комплексом России стала вопросом не только экономических дисциплин, но и актуальной проблемой для политической науки. Важность выбранной темы обуславливается тем, что проблему модернизации нефтегазового комплекса, как правило, пытаются решать исключительно в рамках использования экономических рычагов, при этом недостаточно уделяя внимание политическим механизмам управления нефтегазовым комплексом в лице крупных корпораций.

В результате трансформации политико-экономической системы России в 1990-е гг., отечественная экономика приобрела выраженный рентоориентированный характер. Как известно, формирование доходов федерального бюджета на 45–50 % происходит за счет денежных поступлений от нефтегазового комплекса. Поэтому, социальное благополучие большинства граждан напрямую зависит от эффективного использования природной ренты. Меры по долгожданному избавлению бюджета от нефтегазовой зависимости и диверсификации экономики так и не принесли ожидаемого результата, а уровень благосостояния по-прежнему остается на невысоком уровне.

Положение, когда при стабильно высоких ценах на нефть, крайне низкими остаются темпы роста ВВП, не является парадоксальным, как это кажется на первый взгляд. Однобокая сырьевая модель больше не способна обеспечить даже формальный экономический рост. Ставка политической элиты на получаемые от нефтяного изобилия сверхдоходы позволила на длительное время укрепить позиции властной вертикали и игнорировать поступающие модернизационные импульсы.

В одном из ежегодных посланий, В.В. Путин констатировал факт исчерпания резервов сырьевой модели, всесторонней зависимости бюджета и социальной политики от «нефтяной иглы». Казалось бы, правящий класс осознал необходимость ухода от сырьевой зависимости отечественной экономики. Однако возникает вопрос, почему подкрепленные риторикой власти предпринимаемые попытки совершить технологический прорыв обернулись провалом национальных проектов, внедрения инноваций и информационных технологий, а образ России в качестве сырьевого придатка западных стран не удастся скор-

ректировать? На наш взгляд, причины российской экономической отсталости и отсутствия структурных сдвигов следует искать в политической плоскости.

Сложившаяся политико-экономическая ситуация во многом стала результатом неэффективного политического управления стратегическим субъектом – нефтегазовыми корпорациями. Идеология, которой руководствовалась власть на протяжении последних двадцати лет чрезвычайно проста. Она заключается в бесконтрольном наращивании добычи и экспорта углеводородного сырья без решения сложных инфраструктурных проблем нефтегазового сектора и соответственно, получении легких денег. К сожалению, приходится констатировать, что пресловутый тезис «ресурсного проклятия» нашел подтверждение в российской действительности. Влияние природных ресурсов при слабых политических институтах носит особенно отрицательный характер. Как отмечает В. Полтерович, доходы от разработки ресурсов в случае ресурсного бума увеличиваются столь стремительно, что становится выгоднее вкладывать средства в дележ ренты, а не в производственную деятельность [1]. Негативные последствия от рентоориентированного поведения власти отчетливо проявились в теневизации политики и экономики, политической коррупции, увеличении административных барьеров и создании привилегий для отдельных крупных компаний. Свойственное крупным нефтегазовым корпорациям оппортунистическое поведение выражается в использовании оффшорных схем для незаконного вывоза капитала, уклонении от уплаты налогов и обналичивании денежных средств. К примеру, реальные собственники самой закрытой нефтяной компании «Сургут-нефтегаз» до сих пор остаются скрытыми от общественности. Подобная деятельность чиновников и отдельных лиц в корпорациях, направленная на получение собственной пользы не имеет ничего общего с получением социально-экономических выгод населения от освоения природных ресурсов.

Консервация экспортно-сырьевой модели и неразвитые политические механизмы управления данной моделью объясняются рядом политических и экономических обстоятельств, возникших в постсоветской России:

- уменьшение контроля со стороны государственных органов и конвертация партийно-номенклатурной власти КПСС в экономическую позволило приобрести нефтегазовые предприятия по заниженной стоимости;

- в результате реализации схемы залоговых аукционов были получены акции крупнейших нефтедобывающих предприятий, а их владельцы стали открыто претендовать на участие в политическом процессе;

- после утверждения В.В. Путина в качестве преемника и провозглашения курса на «равноудаление» олигархов от власти, было положено начало новым принципам построения институциональных взаимоотношений;

- в период президентского правления Д.А. Медведева и переизбрания В.В. Путина в целом была сохранена преемственность курса во взаимоотноше-

ниях с крупным нефтегазовым бизнесом в рамках действующей логики политического обмена.

Таким образом, значительные перекосы в политическом управлении энергетическом сектором на протяжении различных этапов обусловили необходимость смены политико-экономического курса страны. В 2000-е гг. действительно ключевую роль в обеспечении экономического роста сыграло увеличение цен на энергоносители. Этот и другие благоприятные факторы способствовали на определенное время успешному осуществлению кремлевской концепции энергетической сверхдержавы. На сегодняшний день, очередное промедление государства в реализации решений по отходу от сырьевой ориентации в эпоху трансформации мировой энергетики грозит серьезными последствиями. В ближайшем будущем, транснациональные корпорации в целях доступа к природным ресурсам и инфраструктуре нефтегазового комплекса в третьих странах, будут заинтересованы в ослаблении института национального государства. Использование политических механизмов по управлению нефтегазовым комплексом должно выстраиваться властью по новой логике, которая предполагает, по нашему мнению, ряд шагов по нескольким направлениям: признание политического статуса многонационального народа как единственного источника власти и главного бенефициария природной ренты российских ресурсов; законодательное оформление лоббистской деятельности; увеличение государственной доли в капитале частных нефтегазовых компаний и перевод полученных доходов на социальные нужды. Только предприняв данные шаги, государству удастся сохранить устойчивость политической системы, и главным образом, повысить экономический рост и обеспечить национальную безопасность страны.

Список источников и литературы:

1. Полтерович В.М. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. №6. С. 11.

Галиуллина Н. И.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Международная активность российских регионов начала проявляться со второй половины 1990-х гг., в то время, когда в России наблюдалась «хаотичная» регионализация, проявляющаяся в несбалансированном процессе распределения властных полномочий между центром и регионами. В результате дан-

ных процессов, часть регионов, прежде всего, сильных в экономическом (наличие ресурсов) и политическом (наличие активных региональных акторов) отношении, сумела «захватить» дополнительные властные рычаги, и, как следствие, расширить международные связи. Одним из примеров таких регионов может быть Республика Татарстан, которая в 1990-е гг. была еще и «флагманом российской регионализации» и даже в определенный промежуток времени манифестировала сепаратистские настроения. Всё-таки, стоит выяснить какие причины и факторы регионального экономического, политического и культурного устройства повлияли на развитие международных связей Республики Татарстан.

Активное развитие международных связей Татарстана начинается в 1991 г., когда с посещения президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым Турции и Чехии, а также осуществлялись поездки правительственных делегаций в Югославию, Германию, Турцию, Венгрию, Францию. В это время подписываются первые международные соглашения в области торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества (Украина, Кыргызстан, Азербайджан, Венгрия, Литва, Беларусь, Болгария) [7].

Подписание договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» [1], явилось официальным шагом со стороны Федерального Центра. Согласно данному договору для Республики стало возможно осуществление отношений с иностранными государствами и заключение с ними соглашений, а так же самостоятельной политики в области внешнеэкономических связей. Одновременно с подписанием данного договора между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан было заключено отдельное соглашение о разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей от 15 февраля 1994 г. В соответствии с Соглашением исключительными полномочиями Республики Татарстан являются: заключение внешнеэкономических соглашений с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями других стран; разработка и проведение политики привлечения иностранных инвестиций на территории Республики Татарстан и так далее.

Для реализации эффективных внешнеэкономических, политических и культурных связей Республика Татарстан открывает свои представительства в странах ближнего (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Украина) и дальнего зарубежья (Вьетнам, США, Турция, Франция, Республика Куба, Чехия, Словакия, Финляндия, Швейцария). Данные представительства выступают основным связующим звеном между республикой и партнёрами из зарубежных стран. Министерство торговли и внешнеэкономического сотрудничества Татар-

стана регулирует действия 13 представительств Республики в зарубежных государствах. Основным направлением деятельности представительств является осуществление внешнеэкономических связей республики с зарубежными представительствами.

В 2003 г. был принят Закон Республики Татарстан №47 «О представительствах Республики Татарстан»[3], в котором было определено понятие представительства РТ, как постоянно действующего государственного органа Республики Татарстан, создаваемого для обеспечения внешних связей Республики Татарстан, в том числе международных и внешнеэкономических, а также отношений Республики Татарстан с Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации; его функции, правовая основа, порядок образования, организации и деятельности.

Неоднократно проходили семинары и совещания, в рамках которых обсуждались основные вопросы, касающиеся повышения эффективности взаимодействия предприятий республики и зарубежных представителей. Были созданы комиссии по реализации межправительственных соглашений с целью продвижения товаров и услуг Республики. В настоящее время представительства Республики Татарстан служат элементом развития кооперационных связей.

Стоит отметить, что международная деятельность Татарстана осуществляется в рамках действующего законодательства и согласовывается с МИД РФ. Посольства и консульства Российской Федерации за рубежом оказывают содействие в организации и проведении визитов делегаций Татарстана. В интервью Министр иностранных дел РФ Игорь Иванов (апрель 200 г.) подчеркнул, что «у МИДа РФ и Президента Республики Татарстан М.Шаймиева есть полное понимание по вопросам формирования единой внешней политики России. Руководство Татарстана с самого начала проявляло уважительное отношение к Министерству иностранных дел России, координировало с нами свои внешние связи, прежде всего, внешнеэкономические. Я думаю, что это способствовало тому, что Татарстан успешно развивает экономическое, культурное сотрудничество со многими странами. В этом отношении МИД будет оказывать и в дальнейшем необходимую поддержку» [5].

Для установления долгосрочных партнёрских отношений у Республики выгодное центральное географическое положение на пересечении важных торговых путей, а также наличие природных ресурсов, промышленной сети, законодательной базы в сфере внешнеэкономической деятельности и, что самое важное, стабильную политическую ситуацию.

Согласно статистическим данным, предоставленным сайтом Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, основную долю экспорта занимают нефть и нефтепродукты, а также грузовые автомобили и запчасти для них [4]. По странам импортерам то-

варов из Республики лидируют страны Европейского Союза (у стран ЕС Бельгии, Болгарии, Великобритании, Греции, Испании, Латвии, Португалии, Румынии, Словакии, Финляндии, Франции, Чехии, Швеции, Эстонии годовой экспорт за 2011 составил от 10 000 долларов США до 1 000 000 долларов США), в частности Венгрия, Германия, Италия, Нидерланды, Польша (у данных стран годовой экспорт составил более 1 000 000 долларов США); Турция, Босния и Герцеговина, Индия, Хорватия и страны СНГ, в частности Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Украина (у данных стран годовой экспорт за 2011 составил более 100 000 долларов США) (данные за период с 2009 по 2011). При этом наблюдается ярко выраженная динамика увеличения импорта у большинства стран. Если сравнить данные за период с 2007 по 2010 с соседней Республикой Башкортостан, то Татарстан занимает лидирующую позицию по экспорту товаров в страны Ближнего и Дальнего зарубежья. Башкортостан имеет 2 представительства в Турции и Казахстане. Но при этом не стоит говорить о том, что Башкортостан не развивает внешнеэкономические связи. Татарстан является не только экспортёром товаров, но и импортёром. Основная доля импортируемого товара приходится на страны дальнего зарубежья. Однако за период с 2010 по 2011 происходит снижение процента импорта товаров примерно на 15 %.

Для развития инвестиционной привлекательности Татарстана была создана Свободная экономическая зона «Алабуга», согласно указу Президента РФ и постановления Правительства Российской Федерации «О создании в г. Елабуге мощностей по производству легковых автомобилей» от 14 мая 1996 г. СЭЗ была создана сроком на 25 лет с правом последующего продления в порядке, предусмотренном законодательством. Основное направление специализации предприятий на территории СЭЗ «Алабуга» – автомобилестроение. СЭЗ «Алабуга» специализируется не только на автомобилестроении, а значит, существует возможность для осуществления любых инвестиционных проектов с участием иностранных и отечественных инвесторов, которые в свою очередь, будут быстро окупаемыми и направлены на организацию производства конкурентоспособных товаров и услуг производственно-технического и потребительского назначения. В настоящее время Турция принимает активное участие в развитии этой зоны. Турецкие компании создают в ОЭЗ «Алабуга» предприятия по производству стекла, переработке древесины и бумаги с общим объемом инвестиций порядка 360млн долларов, что в свою очередь говорит о больших возможностях для взаимодействия в сфере экономики Татарстана и Турции. При этом взаимодействии идёт не только развитие внешнеэкономических связей, но активное развитие культурных особенностей региона.

Одной из важных задач осуществления внешних связей является поддержание связей с татарской диаспорой, проживающей за рубежом, а также содействие в сохранении народных традиций и культуры. В рамках этого вопроса

был создан Всемирный конгресс татар, проходивший 1992 июня 1992 г. в Казани и собравший представителей татарского населения различных континентов. С этого времени начинают периодически проводиться общественные мероприятия по возрождению татарской культуры в местах проживания татар. Деятельность исполкома Всемирного конгресса не противоречит основным законам стран, где проживают татары. Большая часть населения Республики Татарстан исповедует ислам, что сказывается на географии распространения международных связей. Соответственно, осуществляется активное выстраивание партнёрских отношений со странами Ближнего (в большей части со странами Персидского залива) и Среднего Востока. Тем самым, способствуя не только росту экономики республики, но и культурного взаимодействия многих исламских государств. С 1996 г. начинается активное выстраивание партнёрских отношений с Турцией. Генеральное консульство Турции в Казани ведет активную работу по развитию и укреплению двусторонних связей в области экономики, культуры и образования.

В начале 2000-х гг. активизировались отношения между Татарстаном и Организацией исламская конференция. Президент Татарстана М. Шаймиев посетил штаб-квартиру ОИК (Джидда, Саудовская Аравия), где встретился с генеральным секретарём ОИК Экмеледдином Ихсаноглу, который в свою очередь отметил, что Татарстан делает много усилий в области развития национального языка и культуры и выразил свое желание на дальнейшее сотрудничество Татарстана и ОИК [6]. Всё увеличивающаяся роль Татарстана не только на международной арене, но и внутри Российской Федерации способствует тому, что Республику выбирают местом проведения XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 г. Это событие имеет важное значение, т.к. поднимает Республику на новый уровень, что говорит не только об экономическом и политическом потенциале региона, но и о широких возможностях развития в области спорта и культуры. Казань выступает одним из главных центров развития спорта в России и является основным местом проживания многих ведущих спортсменов и местом тренировки спортивных клубов нашей страны. Также в 2015 г. в Казани состоится XVI Чемпионат мира по водным видам спорта и является городом-кандидатом на проведение матчей Чемпионата мира по футболу в 2018 г.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что Республика Татарстан это не только тот регион, который в своё время сумел «захватить» дополнительные властные рычаги, но и смог воспользоваться данной возможностью для продвижения своих интересов не только на территории Российской Федерации, но и на международной арене. Благодаря нормативной базе для республики в области международных связей существует возможность реализации относительно автономных международных связей в обход федерального Центра, что в свою очередь благоприятно сказывается на развитии экономики Татарстана. Не малую роль играет ресурсная база региона (наличие нефте- и газодобывающих

и перерабатывающих производств), которая определяет экспортноориентированный характер региональной экономики и, в свою очередь, создает дополнительные стимулы для активного развития международных связей. Религия так же играет значимую роль, особенно в развитии отношений с исламскими государствами. Определённые достижения Республики в спортивной деятельности открывают региону ещё одну, пожалуй, значимую особенность, это имидж региона, который развивает не только экономическую сферу, но и спортивную.

Список источников и литературы:

1. Казанский центр федерализма и публичной политики Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15.02.1994. [Электронный документ]. URL <http://www.kazanfed.ru/docum/dogovor/1/> (дата обращения 20.10.2013).

2. Республика Татарстан. Постановление КМ РТ от 24.09.2003 № 512 «О повышении эффективности взаимодействия представительств РТ с исполнительными органами государственной власти и организациями РТ». [Электронный документ]. URL: http://tatarstan.news-city.info/docs/systems/dok_oeqnqb.htm (дата обращения 1.02.2014).

3. Референт. Закон Республики Татарстан от 10.11.2003 N 47-ЗРТ (ред. 05.07.2007 с изменениями, вступившими в силу с 20.07.2007) "О представительствах Республики Татарстан". [Электронный документ]. URL <http://www.referent.ru/140/1430> (дата обращения 22.02.2014).

4. Сайт территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatstat.ru/default.aspx> (дата обращения 12.02.2014).

5. Архив официального сервера Республики Татарстан 1997-2010. «Министр иностранных дел России Игорь Иванов признателен руководству Татарстана». [Электронный ресурс]. URL: <http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=96a1b40773ad4aae36bc84e4af758d9b&page=1650&full=4196> (дата обращения 12.02.2014).

6. Институт религии и политики. Генсек Организации Исламская конференция на встрече с президентом Татарстана выразил удовлетворение отношениями между ОИК и Россией. [Электронный ресурс]. URL: <http://i-rp.ru/page/stream-event/index-4548.html> (дата обращения 10.02.2014).

7. Насыров И.Р. Регионы в международном сотрудничестве: роль политических и правовых институтов (сравнительный анализ). [Электронный документ]. URL http://z3950.ksu.ru/referat/091015_1.pdf (дата обращения 10.02.2014).

ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ФОРМАЛИЗАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА)

Распад СССР и последовавшее за ним образование на его территории новых независимых государств привели к трансформации внутренних административных границ единого государства в государственные границы суверенных государств. Несмотря на центробежные процессы и стремление укрепить свои границы как главный гарант суверенитета государства, новой реалией постсоветского пространства стало трансграничное сотрудничество.

На первых этапах трансграничное сотрудничество имело беспорядочный характер. Однако по мере развития интеграционных процессов начались процессы институционализации и формализации трансграничного сотрудничества, перехода от бессистемных связей к совместным действиям, которые координируются в рамках общих органов сотрудничества и политико-правовых основ, в соответствии с совместно определенными целями и задачами.

В данной работе автор ставит перед собой цель структурировать и систематизировать процессы институционализации и формализации трансграничного сотрудничества на постсоветском пространстве на примере российско-казахстанского трансграничного сотрудничества. Такой выбор обусловлен количественно-качественными характеристиками российско-казахстанского приграничья и результатами трансграничного взаимодействия за более чем двадцатилетний период.

В результате исследования автор предлагает выделить трехуровневую структуру процессов институционализации и формализации трансграничного сотрудничества на постсоветском пространстве. Первый уровень – межгосударственный, межправительственный уровень в рамках международных организаций регионального характера. Второй уровень – межгосударственный, межправительственный уровень в рамках двусторонних отношений. Третий уровень – субнациональный уровень, на котором непосредственные акторы трансграничного сотрудничества (субгосударственные образования) выступают его «двигателем».

Основными площадками развития процессов первого уровня являются СНГ и ЕврАзЭС. Основу межгосударственной правовой базы трансграничного сотрудничества в СНГ составляют два документа: Концепция межрегионально-

го и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ от 15 сентября 2004 г. и Конвенция по приграничному сотрудничеству государств-участников СНГ от 10 октября 2008 г. С 2008 г. свою работу ведет Совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству государств-участников СНГ. Для развития уже национальных законодательств в сфере приграничного сотрудничества Межпарламентской Ассамблеей СНГ был разработан и принят модельный закон «О приграничном сотрудничестве».

В рамках СНГ также были разработаны документы, посвященные конкретным направлениям трансграничного сотрудничества, например: Градостроительная хартия СНГ; Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, освоения и охраны недр; Концепция формирования информационно-библиотечного пространства на базе приграничных библиотек государств-участников СНГ.

Шаги по формированию правовой базы приграничного сотрудничества также предпринимались и в других интеграционных структурах на территории бывшего СССР. В 1998 г. Межпарламентским Комитетом Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана был принят Модельный закон «О регионах приграничного сотрудничества». На его основе 26 февраля 1999 г. Интеграционным Комитетом ЕврАзЭС было разработано первое в СНГ многостороннее Соглашение об основных принципах приграничного сотрудничества.

Другим немаловажным документом, разработанным в рамках ЕврАзЭС, является Концепция Основ законодательства Евразийского экономического сообщества о приграничном сотрудничестве от 30 мая 2007 г. Эти основы призваны стать важнейшим инструментом гармонизации национальных законодательств.

В рамках двусторонних отношений, в первую очередь, следует выделить документы общего характера, на которые в дальнейшем ссылались в документах о приграничном сотрудничестве. Такие, как Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 25 мая 1992 г. и Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзничестве от 6 июля 1998 г.

Следующим подуровнем являются уже непосредственно соглашения о приграничном сотрудничестве и соответствующие программы их реализации. За более чем двадцатилетнюю историю российско-казахстанских отношений таких соглашений было четыре. Одно сменяло другое с целью актуализации договорно-правовой базы.

Особое место в данной структуре занимают документы о взаимодействии между министерствами и ведомствами государств. Примером могут служить Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Казахстан и

Министерством внутренних дел Российской Федерации о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов от 6 июля 1998 г.

Важным структурным элементом второго уровня являются соглашения, посвященные конкретным направлениям сотрудничества (свободная торговля, охрана окружающей среды, образование и т.д.). Здесь можно выделить Соглашение о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 7 сентября 2010 г.

Российско-казахстанское приграничное сотрудничество на двустороннем уровне осуществляется в рамках Межправительственной комиссии. В рамках комиссии действует Подкомиссия по приграничному сотрудничеству. Кроме того, стали традиционными ежегодные Форумы приграничных регионов России и Казахстана.

На третьем уровне «регион-регион» также как и на втором уровне можно выделить три подгруппы: а) соглашения общего характера – «о дружбе и сотрудничестве» или «о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве» (Соглашение между Правительством Тюменской области и Акиматом Северо-Казахстанской области о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и социальной сферах от 17 мая 2011 г.); б) соглашения между министерствами и ведомствами регионов (Соглашение между Департаментом по чрезвычайным ситуациям Костанайской области МЧС Казахстана и Главным управлением МЧС России по Курганской области о сотрудничестве в области предупреждения промышленных аварий, катастроф, стихийных бедствий и ликвидации их последствий от 4 октября 2005 г.); в) соглашения о конкретных направлениях сотрудничества (Соглашение о сотрудничестве в сфере агропромышленного комплекса между Акиматом Северо-Казахстанской области Республики Казахстан и администрацией Курганской области Российской Федерации от 1 января 1998 г.).

В итоге, можно констатировать, что процессы формализации и институционализации трансграничного сотрудничества на постсоветском пространстве проходили в трех плоскостях – наднациональном, национальном и субнациональном уровнях. На каждом уровне принимались соглашения и образовались структуры, призванные придать трансграничному взаимодействию системность. Кроме того, в договорно-правовой базе в каждой из плоскостей можно выделить соответствующие подгруппы по характеру соглашений.

Пантелеев Д. В.

БЛОГОСФЕРА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК (ПЕРМСКИЙ СЛУЧАЙ)

Протестные движения 2011–2012 гг., изменившие политическую жизнь страны, продемонстрировали эффективную возможность социальных сетей как нового механизма мобилизации граждан и давления на власть. Данные технологии заставляют по-новому взглянуть на традиционные политические институты – как на «открывающиеся» институты, взаимодействующие со всеми участниками политического процесса с использованием доступного и понятного языка вместо языка нормативно-правового. В данной работе исследуется проблема блогосферы и социальных сетей как институционального порядка, в котором воспроизводятся общие модели поведения и культурные смыслы (пермский случай).

В теоретическом осмыслении блогосферы и социальных сетей существенно доминируют теории коммуникации. В данной работе мы предлагаем отойти от доминирующего подхода и рассмотреть блогосферу и социальные сети по-новому – как институциональный порядок.

Теоретическая модель институционального порядка позволила нам погрузить объекты исследования в реальную политику и взглянуть на них совершенно по-новому, посмотреть так, как на них не смотрели другие исследователи социальных сетей. Блогосфера и социальные сети как институциональный порядок представляет собой совокупность институциональных практик, в которых воспроизводятся общие модели поведения и культурные смыслы. В институциональном порядке выделяются значимые сообщества как группы, взаимодействия которых основываются на интернализации членами группы правил и норм, коллективно осмысленных «в рамках данной группы».

В зависимости от занимаемой позиции акторы производят на сетевых площадках различные действия, и «единичная» институциональная политическая практика «состоит» из взаимосвязанных действий, а не отдельных действий, совершаемых акторами в сети.

Важно учитывать, что наш подход позволяет также говорить о связи блогосферы и социальных сетей как институционального порядка с различными институциональными политическими практиками (выборы, законотворчество и другие). В политическом пространстве сталкиваются различные смыслы и мо-

дели поведения, которые представлены разными фрагментами политического порядка.

В институциональном порядке Перми мы выделили наиболее значимые группы:

1. Протестные политические группы
2. Гражданские активисты
3. Ресурсы власти

Пермские протестные группы реагировали на крупные политические события федерального масштаба. Пермская протестная группа на протяжении 2012 г. проводила акции, копирующие московские, и для них был важен резонанс, важны «ляпы Кремля» для активности и выхода на улицы. Институциональные практики организованы «снизу», по сути аполитичными акторами через развлекательную сеть «ВКонтакте». Однако протестные сетевые группы не смогли добиться устойчивости и поддержания стабильности. Новое социальное движение дало для самих участников незначительные результаты (в отличие от «тяжеловесов», которые на их фоне извлекли максимальные политические выгоды). Кроме того, риторика лидеров не соответствовала реальным политическим установкам. Сетевые оппозиционеры не смогли выдвинуть в институциональное пространство ярких акторов-лидеров – новых и свежих лиц без дурной репутации и пользующихся «демократическим авторитетом».

Пермские проблемы взяла на себя другая Интернет-площадка – гражданские активисты. Например, Пермская гражданская палата обращается к добровольцам в Интернете для развития практик влияния на власть. Среди важных тематик последнего времени были изменение Генплана Перми, «Пермский наблюдатель», исследование информационной открытости и доступности органов местного самоуправления, контроль поликлиник и другие. Подобные институциональные практики связаны с тем, что на сайт гражданских организаций люди могут не заходить или вообще о них не знать, но в социальных сетях они могут подписаться на новости этой организации, а также напрямую обращаться к организаторам групп. При этом сеть выступает как инструмент, решающий конкретные технические задачи гражданского контроля, а не формирование в процессе общения новых идентичностей.

Для сектора гражданских активистов наиболее приемлемыми площадками остаются «ВКонтакте» и «Twitter», а также местные порталы «Properm» и «PRM.RU». Институциональные практики связаны с идеями гражданского контроля и гражданских дискуссий о местных политических проблемах и культурных событиях.

Пермские ресурсы власти в институциональном порядке блогосферы и социальных сетей обладают специфическими чертами.

Во-первых, информационная открытость в Перми объявлена, но она не обеспечивает прозрачность деятельности органов власти, процедуры принятия решений и возможности контроля. Для иллюстрации мысли приведем пример с деятельностью открытостью депутатов Городской Думы. У большинства на сайте Думы не представлено контактных данных, отчетов о проделанной работе за последний год, публикаций и приоритетов в работе. Кроме того, депутаты абсолютно неактивны в социальных сетях, хотя им как фигурам публичным и постоянно работающим с людьми это полагается²⁴. Объяснение данной «закрытости» объясняется тем, что к избранныкам народа обращаются те, кто их и избирал (фактически единственные на местных выборах) – это пенсионеры. Для них производятся газеты или выпускаются сюжеты на местных телеканалах – это реально работает в отличие от социальных сетей. Тем не менее, это не отменяет того, что политикам следует взаимодействовать с гражданами в исследуемом нами институциональном порядке.

Во-вторых, на арене власти ключевую роль зачастую играет фактор личности политика, можно сказать, что институциональные практики определяются персонификацией. К примеру, содержание политической жизни края очень часто оценивали по блогам губернаторов. Основная стилистика Чиркунова заключалась в желании изменять сферы нашей жизни и поиске для развертывания деятельности. Блог экс-губернатора – это своего рода «Интернет-фонтан», который постоянно бурлит новыми идеями, но все вокруг понимали, что реальных изменений мало. «Культура – основной инструмент развития» – таков посыл Чиркунова как политика и блоггера.

Очень удачную оценку образу нового губернатора Виктора Басаргина подобрал К.А. Сулимов – это «глава семейства – мудрый, более спокойный улыбчивый и понимающий» [2]. Этот образ и поддерживается Басаргиным в блогосфере [1] – в противовес прошлому губернатору он ведет формальный монолог, берет ответственность во многих вопросах политики на себя. Основная тематика – выборы, политический процесс, строительство, социальная помощь, здравоохранение и другие. Этот образ стараются построить большинство пермских политиков, которые не хотят «светиться» в публичном медиа-пространстве по различным причинам: склад характера, недоверие к Интернету, скрывание фактов своей работы и другие.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что апробирована модель блогосферы и социальных сетей как институционального порядка, которая предоставляет универсальную теоретическую рамку для федеральных и региональных исследований. Кроме того, результаты исследования могут использовать образующиеся институты гражданского общества, ор-

²⁴ Мониторинг публичности депутатов от 30.05.2014 // Личный архив автора.

ганы государственной власти и органы местного самоуправления для работы в Интернет-пространстве.

Список источников и литературы:

1. Живой журнал Виктора Басаргина. [Электронный ресурс]. URL: <http://basargin.livejournal.com/> (дата обращения 16.11.2013).

2. Сулимов К.А. Басаргин не пытается дуть против ветра. [Электронный ресурс]. URL: http://grany-center.org/we/about/smi/details_303.html (дата обращения: 11.12.2013).

Доброхотова М. А.

ОТНОШЕНИЕ К ФЕНОМЕНУ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИНДИКАТОР «ИДЕЙНОЙ ОРИЕНТАЦИИ» ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Массмедиа, тяготеющие к Русской православной церкви, можно рассматривать в качестве призмы, наглядно отражающей те тенденции и процессы, которые происходят внутри Московского Патриархата. На страницы православных СМИ выносятся для обсуждения многие злободневные проблемы. Отношение к феномену массовой культуры – одна из них. Поскольку в Московском Патриархате отсутствует единое мнение по данному вопросу, он является своеобразным маркером, позволяющим уточнить представления об идейном многообразии внутри Церкви.

В целях моделирования системы идейных течений внутри Московской Патриархии в постсоветский период была проанализирована подшивка ряда популярных печатных периодических изданий, таких как «Русский дом» (издается с 1996 г., тираж 30000 экз.), «Фома» (с 1996 г., 36000 экз.), «Радонеж» (с 1995 г., 12000 экз.), «Нескучный сад» (с 2001 г., 10000 экз.) с момента их издания до 2010 гг. Эти издания были выбраны не только по основанию масштаба тиражей, но по различной содержательной направленности, ориентации на определенную целевую аудиторию.

Первые статьи о массовой культуре появляются в православных печатных СМИ в 1997–1998 гг., причем первопроходцами выступили региональные издания: «Православная газета» Екатеринбургской Митрополии и «Православная Пермь». Это были статьи – рассуждения о бездуховности современной светской культуры и необходимости поддержки и развития традиционных духовно-нравственных ценностей, основанных на Православии [1]. В последующие го-

ды публикация материалов о маскульте обычно посвящалась какому-либо резонансному событию: выставке «Осторожно, религия!», появлению фильма «Последнее искушение Христа», телепередаче «За стеклом» и другим. Наряду с этим периодически печатались публикации об одном из видов искусств как потенциальном трансляторе массовой культуры (музыке, кинематографе, телевидении), не приуроченные к злободневным происшествиям. Само понятие «массовая культура» (и «современная культура», используемое в качестве синонима) православными медиа используется редко. Под ним чаще всего понимается падение традиционной морали в мире, одна из форм экспансии Запада и/или часть плана антихриста по уничтожению России как оплота Православия и совести мира.

Если предположить, что православная пресса условно может быть разделена на либеральную и консервативную, то отношение к массовой культуре может служить одним из индикаторов. Разницу в позициях авторов публикаций на темы современной культуры можно увидеть на примере обсуждения цикла книг о Гарри Поттере. Позицию правого/консервативного течения наглядно характеризует следующая цитата: «Вот сейчас в моде Гарри Поттер, написанный... женщиной. <...> Огромный вред этой книги в том, что здесь зло показано как норма. <...> Тиражи книги, убивающей душу, растут»[2], «книга о Гарри Поттере <...> совершенно средний примитивный детектив, явно по заказу написанный и «раскрученный» за большие деньги»[3] Более либеральный журнал «Фома» опубликовал статью дьякона Кураева с подробным анализом роли сказки в православной педагогике. Отец Андрей пришел к выводу, что «книжки про Гарри Поттера дают церковному педагогу повод поговорить с детьми о главном – о том, от чего и как нас спас Христос»[4]. В качестве другого примера можно рассматривать серию фильмов «Звездные войны»: если в газете «Радонеж» публиковались написанные в саркастичной манере рассуждения о символическом мышлении, которым «заразился» мир после их просмотра [5], то автор статьи в журнале «Нескучный сад» отмечал позитивный эффект данных фильмов, поскольку их основная миссия заключается в том, чтобы показывать: добро всегда побеждает зло [6]. Приведенные цитаты демонстрируют не только различие в отношении к феномену массовой культуры, но и стилистику, характерную для того или иного идейного течения.

Однако встречаются и исключения. Так, в левом журнале «Нескучный сад» можно встретить мнение, что «проповедовать Христа на рок-концертах <...> нельзя» [7], а правая газета «Радонеж» публикует слова Митрополита Кириллы, подчеркнувшего, что «творчество рок-музыкантов может быть весьма полезно» в православной миссии [8].

Необходимо отметить, что и в консервативных, и в либеральных изданиях присутствуют статьи, в которых авторы пытаются дать всесторонний, раз-

вернутый анализ явлений и артефактов массовой культуры, в том числе отразить положительные и отрицательные черты. Так, ряд авторов придерживаются схожего взгляда на фильм «Страсти Христовы»: фильм выдержан в соответствии с Евангелие и может послужить своеобразным «толчком к вере», наряду с этим для воцерковленных людей он не принесет никакой пользы[9].

Проведенный анализ публикаций о массовой культуре в православных печатных медиа подтверждает выдвинутую гипотезу о феномене масскульта как о критерии, позволяющем идентифицировать идейные течения внутри Русской православной церкви и охарактеризовать их специфику. В целом, источники позволяют говорить о том, что представители правого/консервативного течения рассматривают массовую культуру и ее продукты чаще как негативное явление, выступая против экспансии «западных образцов». Тогда как авторы левых/либеральных изданий отмечают ряд положительных черт масскульта и его артефактов и используют их для миссионерской и просветительской деятельности.

Список источников и литературы:

1. Протоирей Александр Шергунов. Основные принципы подхода к искусству с православных позиций // Православная Пермь №7-8(18-19), 1997; Очаг настоящей культуры // Православная газета Екатеринбургской Митрополии №23, 1997.

2. Крупин В. Вот и вся педагогика // Русский дом. 2006. №7.

3. Ильина Н.А. Черная кошка // Русский дом. 2008. №6.

4. Диакон Андрей Кураев. «Гарри Поттер»: попытка не испугаться // Фома. 2002. №2(14).

5. Рогожин А. Как нам успокоить ситуацию или «Гарри Поттер» и символическое мышление // Радонеж. 2000. №9(102).

6. Отрощенко А. 3D эффекты и фольклор // Нескучный сад от 09.02.2012.

7. Иерей Андрей Постернак. Кому нельзя читать «Гарри Поттера»? // Нескучный сад. 2007. №9 (29).

8. Митрополит встретился с рок-музыкантами // Радонеж. 2006. №4.

9. Ильин А.В. Страсти по страстям // Русский дом. 2004. №5; Страсти по фильму Мэла Гибсона // Радонеж. 2004. №2; Уральские священники считают фильм «Страсти Христовы» полезным для неверующих людей // Православная газета Екатеринбургской Митрополии. 2004. №18.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ МАСС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Постановка проблемы:

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. мировая система столкнулась с новым феноменом, который за короткий период времени проник во всех сферы жизнедеятельности человека – сетевизация (или сетевые коммуникации). Исходя из исторического прошлого в разрезе политических событий, можно провести параллели между массовым пришествием новых участников электорального процесса в первой четверти XX в. и сегодняшней «волне сетевизации». Масштаб и последствия этих вторжений в политическую систему были неожиданными для элиты, которой не были предприняты сдерживающие, превентивные меры. В результате чего демократические политические институты под влиянием сильного общемирового фактора вынуждены были трансформироваться, адаптироваться к сетевому пространству.

Цель работы: проанализировать, как отразилось «второе пришествие» масс на политической архитектуре российской власти.

Основные тезисы исследования:

1. Запоздалое принятие решений по вопросу вхождения политической власти в электронное пространство ярко отразило проблемные точки функционирования политической системы РФ как демократической;
2. Итогом медленного проникновения политического корпуса в сетевое пространство стало его «аутсайдерское положение» в глазах пользователей;
3. Настоящий режим работы сетевой политической конфигурации институтов указывает на отсутствие сбалансированности системы власти и асинхронности ее элементов;
4. Незавершенность реализации долгосрочных проектов и текущая их корректировка ведет к созданию «пустых» услуг электронного правительства РФ;
5. Политический активизм в сетевом пространстве в большинстве своем культивирует оппозиционно настроенное гражданское общество.

Выводы: политическая система нашей страны, столкнувшись с проблемой открытия новой площадки для взаимодействия (сетевой), не сумела адекватно на нее среагировать, адаптироваться в сетевой реальности. Закрытость и неповоротливость государственной машины привела к дополнительным сложностям функционирования слабых демократических институтов.

СТРАТЕГИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РФ: ИНТЕРНЕТ – ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ МЭРА МОСКВЫ 2013 г.).

С каждым годом в Российском политическом процессе увеличивается роль информационных технологий, в частности – Интернета. Это касается, в том числе, и предвыборной борьбы кандидатов в избирательном процессе. Политические акторы всё больше используют те или иные инструменты Интернета в своих предвыборных кампаниях. Это хорошо показали выборы мэра Москвы в 2013 г. Выделим основные причины роста популярности

Интернет технологий на выборах

Общий рост числа Интернет-пользователей.

Взаимодействие правящей элиты России и оппозиции.

Кроме того, необходимо отметить причину активного использования Интернет технологий на выборах из-за функции обратной связи, которая, в отличие от традиционных СМИ, работает на качественно ином уровне.

Методологической базой данного исследования является теория политической коммуникации, представленная работами Карла Дойча «Нервы управления. Модель политической коммуникации» [3], Гарольда Лассуэла «Структура и функции коммуникации в обществе» [5]. Используется подход Джека Траута и Элла Райса, предложенный ими в работе «Позиционирование: битва за твой разум» [6].

Целью предвыборной агитации, применяемой в электоральном процессе, является создание определенного имиджа кандидата в сознании избирателей. От того, как кандидат позиционирует себя, как представляет себя во время предвыборной гонки, зависит итоговое распределение голосов. С каждым годом количество используемой Интернет агитации увеличивается по сравнению с традиционной, но при достаточно низком уровне успешного использования данного вида агитации по сравнению с телевизионной. Это один из феноменов российской предвыборной агитации. Другой важной особенностью российской предвыборной агитации в Интернете является то, что большая часть аудитории Рунета оппозиционная настроена по отношению к действующей власти. При этом картелизация парламентских партий, заставляет граждан с недоверием относиться к предвыборной агитации в Интернете любым участником политического процесса. Некоторым исключением является молодёжь – именно она поддерживает оппозиционных лидеров, так как является основным потребите-

лем такого рода агитационных материалов. Прежде чем рассматривать стратегии позиционирования акторов, необходимо рассмотреть, почему Интернет, как инструмент публичной политики, является привлекательным для создания имиджа у кандидатов. Необходимо рассмотреть Интернет как средство политической коммуникации.

Мы можем сделать вывод, какие функции Интернета являются наиболее актуальными:

1. Информационная. Интернет смог стать эффективной альтернативой традиционным средствам массовой информации.

2. Коммуникативная. Интернет стал удобной площадкой как для частных, так и общественных коммуникаций разного формата.

3. Мобилизирующая. С помощью средств Интернета можно привлечь сторонников для реализации / поддержки какого-либо проекта

4. Функция обратной связи, которая работает в Интернете на качественно ином уровне по сравнению с традиционным СМИ.

Также современные исследователи электорального процесса современной России отдают предпочтение Интернет-инструментарии в предвыборной агитации по той причине, что другие жанры агитации становятся с каждым циклом менее эффективными. Нами уже упоминался тот факт, что такой инструмент, как агитация практически монополизирован действующей властью, поэтому не получается говорить о какой бы то не было конкурентной борьбе. Другие же жанры агитации также уступают по потенциалу инструментам Интернета. К примеру, политические дебаты, пользующиеся популярностью в странах Запада, в России же в полной мере не использовались никогда.

Траут и Райс определили позиционирование как «инструмент для того, чтобы вас услышали в сверх коммуникационном обществе»[6]. Они также выделили тот факт, что для того, чтобы товар был успешен на рынке, необходимо показать его потенциальным покупателям с сильной стороны. Используя их подход, составим типологию позиционирования кандидатов с точки зрения электорального политического процесса.

1. Кандидат-лидер – позиция, закрепляющая в сознании избирателей тот факт, что данный кандидат является наиболее предпочтительным. Позиционирование происходит либо на отличиях от других кандидатов, либо на собственных атрибутах

2. Альтернативный кандидат или кандидат конкурент. Основной противник кандидата-лидера. Но для того, чтобы им стать, нельзя просто скопировать программу лидера. Необходимо предложить что-то своё либо сконцентрироваться на другом сегменте электората.

3. Новый кандидат. Говорить о новом кандидате можно, если он представляется избирателю по-настоящему новым, незамеченным в политике или же его программа или методы до этого не использовались.

4. Репозиционный кандидат. Так как рынок бывает перенасыщенным, то для того, чтобы занять место, нужно вначале вытеснить предыдущих акторов.

5. Присоединившийся кандидат. Здесь подразумевается то, что кандидат присоединяется в сознании избирателей к уже известному бренду (например, к политической партии)

Используя типологию, полученную нами в результате анализа подхода Траута и Райса, выделим среди кандидатов три группы:

К первой будет отнесен Сергей Собянин, кандидат-лидер, основной претендент на пост

Ко второй мы отнесем Алексея Навального, яркий имидж которого позволяет говорить о нём не только как новом кандидате, но и как об альтернативном кандидате по отношению к Сергею Собянину.

К третьей группе нам отнесены остальные депутаты, присоединившиеся кандидаты, которые представляют ведущие политические партии.

Как мы видим, альтернативный кандидат провёл более эффективную стратегию позиционирования, чем кандидат-лидер, но, не имел успеха на выборах. Здесь необходимо учитывать особенности современного политического процесса России, так как это довольно распространенная тенденция.

Данную тенденцию рассматривает В.Я. Гельман в своей статье «Ловушка полусвободы» формулирует это следующим образом: в политическую повестку дня включается только то, что выгодно авторитарному режиму. Именно поэтому в СМИ так мало внимания уделяется агитации не кандидата лидера. Он формулирует это следующим образом: «наиболее значимые каналы СМИ, прежде всего, телевидение, находятся под прямым или косвенным контролем властей, использующих их как механизмы пропаганды и не допускающих к этим каналам нежелательных лиц и организации, равно как и обсуждения нежелательных тем» [2]. Кроме того, в статье «Выйти из гетто» [1], он делает вывод, что власти выгодно, что оппозиция находится в таких политических резервациях (в нашем случае – используя агитацию в Интернете как основной прием электоральной борьбы). В этом случае, автократический режим может продолжительное время оставаться на своих позициях.

В перспективе, развитие технологий применяемой в публичной политике, в т.ч. и в предвыборной агитации, по мнению некоторых исследователей, приведет к демократизации общества: ««в современном российском обществе происходит сращивание сфер массовой информации и политики, обусловленное высоким значением масс-медиа как мощного инструмента политического воздействия. Эволюция информационно-коммуникативной сферы создает благо-

приятные условия для демократизации общества» [4]. Пока же, анализирую текущую эмпирическую ситуацию, мы можем констатировать, что наличие авторитарного режима препятствуют развитию конкурентной политики, а значит использование технологий в позиционировании кандидатов в ближайшие электоральные циклы не будет заметным.

Список источников и литературы:

1. Гельман В.Я. Выйти из гетто [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/vyuti_iz_getto-835926.xhtml (дата обращения 10.12.2013)
2. Гельман В.Я. Ловушка полусвободы [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/lovushka_polusvobody-310531.xhtml (дата обращения 10.12.2013)
3. Дойч К. Нервы управления. Модель политической коммуникации. М., 1993.
4. Нос А.И. Политическая коммуникация в современной России. [Электронный документ]. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-kommunikatsiya-v-sovremennoi-rossii#ixzz2VMxYPYS7> (дата обращения 10.12.2013).
5. Lasswell H. The Structure and the Function of Communication in Society // Mass Communications / Ed. by W. Schramm. Urbana, 1960.
6. Trout J. Ries A. Positioning: The Battle for Your Mind. N.Y.: McGraw-Hill. 1981.

Бондаренко Е. О.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ XXI ВЕКА

Определение сущности государственного суверенитета в условиях глобализации является одной из самых актуальных проблем в современных отечественных и зарубежных исследованиях.

Государственный суверенитет представляет собой неотъемлемую характеристику любого конкурентоспособного современного государства. Под данным понятием подразумевается независимость государственной власти проводить внутреннюю и внешнюю политику, которая соответствует национальным интересам.

За сравнительно небольшой промежуток времени термин «суверенитет» потерпел значительные изменения в зарубежной и отечественной теоретико-правовой мысли. XX в. стал веком глобализации и интеграции, распада суверенных государств, образования новых, подчас не жизнеспособных стран.

Современный мир с каждым годом становится все более взаимозависимым. Глобализация представляет собой разнообразную интеграцию государств, а также негосударственных акторов, установление масштабных контактов, как между народами, так и между отдельными людьми, а также процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации.

По мнению Ричарда Н. Хааса, глобализация ведет к значительным изменениям в суверенитете. Государства должны ослабить собственный суверенитет в целях самозащиты, потому что они не могут оградить себя от того, что происходит в мире. Р. Хаас, делает акцент на увеличении глобальных проблем человечества, которые возможно преодолеть или минимизировать угрозу лишь совместными усилиями мирового сообщества. К ним можно отнести экологические проблемы, международный терроризм, наркоторговлю, предотвращение и урегулирование конфликтов, демографические, продовольственные и др. [1].

Существует несколько подходов к осмыслению сущности государственного суверенитета в период современных глобализационных процессов. Наиболее значимыми считаются теории ограниченного суверенитета и теория несuverенного государства.

В рамках первого подхода стоит выделить два основных направления: снижение до минимума роли государства и полное отрицание государства в его привычном понимании. Представители данного подхода, подобно Р. Хаасу, считают, что государства неспособны самостоятельно справиться с глобальными проблемами. Из-за этого государства добровольно передают часть своих полномочий в разных сферах международным организациям и региональным интеграционным объединениям.

Ко второму подходу относится концепция отрицания государства, придавая особое значение гражданскому обществу, Уинстон П. Наган в статье «Суверенитет, верховенство закона и глобального гражданского общества» делает акцент на растущее влияние гражданского общества как субъекта международных отношений. Он говорит о том, что мир уже сейчас пронизан во многих сферах глобальным гражданским обществом. Схожей точки зрения придерживается Д. Дж. Элазар, высказавший предположение, что государство обрамляет общество, но при этом понятия «государство» и «общество» отделены друг от друга. При подобной расстановке сил гражданское общество ограничивает внутренний суверенитет государства, действуя как ведущая сила. При этом автор справедливо отмечает, что, не смотря на развитие гражданского общества ни один социальный институт не может заменить государства. А значит и суждения об окончательном отмирании суверенитета и государства преждевременно.

Также необходимо отметить значительную роль в глобализационных процессах неправительственных организаций и транснациональных корпораций (ТНК).

Именно под их воздействием государство ограничивает пределы своей компетенции. В эпоху глобализации и ТНК государство все меньше контролирует экономическую сферу, которая является приоритетной для эффективного функционирования страны. Постепенно теряя нити управления экономикой, государство уже не может полноценно реализовывать свой суверенитет и в других сферах, т.к. вынуждено считаться с крупными корпорациями, фирмами, банками и т.д. Таким образом, торговые и военные организации, созданные после второй мировой войны для координации действий государств в определенной сфере, со временем не только стали активными акторами международных отношений, но и в определенной мере подчинили себе их. Тем не менее, новые надгосударственные объединения не способны полностью заменить государство. Стоит отметить, что ТНК, столь активно вмешивающиеся в политику и экономику не готовы взять на себя государственные обязательства, в том числе в области социального обеспечения, внешней и внутренней безопасности, т.к. деятельность любой корпорации направлена, прежде всего, на получение прибыли.

Несмотря на многочисленные дискуссии об отмирании государственного суверенитета, и как следствие исчезновения государства, его растворении в более глобальном интеграционном объединении, ни одно государство мира не высказало желания отказаться от него. Более того, в конституции каждой страны принцип суверенитета является приоритетным. В связи с растущей тенденцией сепаратизма, столь активизирующейся в XXI веке, каждое государство, даже порою не способное к самостоятельному существованию объявляет себя сувереном, хотя фактически таковым не является.

Подобная деятельность объясняется не только традицией, но и стремлением государства заявить о себе, приобрести уверенность в собственной независимости и относительной безопасности.

Следуя принципам «Скотного двора» Дж. Оруэлла: «Все равны, но одни более равны, чем другие» можно выделить несколько видов государств, обладающих отличными друг от друга разновидностями суверенитета. Среди которых можно выделить: великие державы, квазидержавы, средние, малые и микространства. Формально-юридически каждое из государств обладает равными суверенными правами, возможностями и обязанностями. Фактически, именно великие державы обладают реальными возможностями для осуществления выгодной государственной политики, а малые государства вынуждены подавлять свои национальные интересы, ради выгодного сотрудничества, которое не всегда себя оправдывает. Возникает ситуация, согласно которой суверенитет не только не теряет своей актуальности, он и оказывается желанной привилегией для всех участников международных отношений, однако воспользоваться им в полной мере могут лишь конкурентоспособные государства, имеющие реальный вес в международной политике. Именно они получают большую выгоду от интеграционных проектов и распространения глобализации, в то время как малые государства, довольствуясь незначительными выгодами, несут её бремя, подвергаясь в большей степени отрицательным, деградационным процессам.

В современном мире как никогда актуально высказывание Жан-Жака Руссо «Лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам».

Не смотря на все позитивные аспекты функционирования международных и неправительственных организаций, ни одно квазигосударство не может претендовать на статус великой, без коренных преобразований в функционировании государства. Необходимо прилагать значительные усилия, направленные на укрепление вертикали власти, государственного аппарата, осуществления грамотной экономической политики. Необходимо пройти процесс превращения из государства-потребителя в государство-производителя дорогостоящей, востребованной и конкурентоспособной продукции. Это сложный процесс, но как показывает история – вполне возможный сценарий, осуществление которого

зависит не только от политического лидера, его грамотной управленческой политики, но и населения государства.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема государственного суверенитета в условиях глобализации будут ещё долго представлять свою актуальность, вполне возможно качественное изменение как понятие суверенитета, так и трансформации термина «государства», так как глобализация – постепенный, но неизбежный процесс в современных условиях роста коммуникаций, компьютеризации и взаимозависимости.

Список источников и литературы:

1. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4572> (дата обращения: 28. 03. 2014).

Научное издание

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО ИТОГАМ
VII ВСЕРОССИЙСКОЙ АССАМБЛЕИ
МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ**

(г. Пермь, 21–22 апреля 2014 г.)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *В. Вавиловой*
Техническая подготовка и обработка материалов *Л.С. Нечаевой*

Подписано к использованию 08.04.2015.
Объем данных 3,5 Мб.

Экземпляр электронного издания включает в себя
1 CD-R, 1 пластиковый бокс, 1 вкладыш в пластиковый бокс

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. А.И. Букирева, 15